

Г. ВЕКОВ

**ФИЛОСОФИЯ
ЛИГАРИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА**

DELIBRI

Москва
2019

УДК 13
ББК 87
В26

Веков, Г.
В26 Философия лигарилистического союза / Г. Веков. — М.:
Де`Либри, 2019. — 154 с.

ISBN 978-5-4491-0450-2

LIGARE — СВЯЗЫВАТЬ, СВЯЗЬ

*Автор приносит извинения за отсутствие корректуры
текста*

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-94282-774-8

© А. П. Барышев, 2015
© ОГИ, 2015

ШКОЛА РАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Фрактальные события мировой истории

Мы полагаем, что разговоры о «конце» мировой истории могут вести только те, кто не понимает, что утрата взаимосвязи с духом мировой истории равносильна потере разума человеком, поскольку разум в человеческой душе раскрывается только по отношению к природе исторического события и, собственно, как непосредственная сущность самого исторического события. С другой стороны, не трудно заметить, что массовая природа ценностей — это система, которая сформировалась таким образом, чтобы все историческое воспринималось в сознании человека не в качестве настоящего момента времени, а лишь в качестве абстрактных представлений о прошлом. Эта граница, разрывающая внутреннюю бессознательную взаимосвязь человека с историческим прошлым, суть течение механического времени, которому подчинены все внутренние процессы массового общества. Но является ли массовое общество продуктом цивилизации? Мы утверждаем, что нет. Это общество является продуктом псевдоцивилизации, то есть таких массовых коммуникаций между людьми, в которых разум исключен. Здесь мы сталкиваемся с тем, что исторические события развиваются не линейно, а во фрактальной системе координат, то есть такой системе, где в высшей бессознательной памяти человека время течет в многослойной художественной конструкции фрагментов воспоминаний, вырывая в сознании те из них, которые требуют его непосредственного усилия разумной воли в данный момент времени. Подобный феномен обусловлен тем, что

разумная воля человека проистекает не из его инстинкта самосохранения, а из его бессознательного инстинкта смерти, где существует его подсознательная память. Ведь в очень жесткой подсознательной энергии инстинкта смерти только художественное восприятие не разрушается как созерцание мира в целом, тогда как логические конструкции, пытающиеся «остановить» настоящий момент времени с помощью конечных суждений рассудка, неизбежно вырождаются в миф. Таким образом культура полярно противоположна сущности мировой цивилизации тем, что она выражает собой определенную систему мифов массового сознания, направленных на то, чтобы человек не проявлял разумного движения воли. Собственно, с позиции подсознательных движений человеческой души, культура и цивилизация антиподы, хотя, с точки зрения человеческого рассудка они есть нечто целое. Культура, бессознательно, требует ориентироваться человека на инстинкт самосохранения, а цивилизация, наоборот, требует для него достаточного существования пространства риска, в котором только и может проявиться его индивидуальная воля и, как следствие, разум. Поэтому, психоаналитическая теория бессознательных влечений могла появиться только по отношению к феномену массовой, то есть неразумной, человеческой психики.

Цепи фрактальных исторических событий суть движение онтологического потока времени, когда расовая память человека отображает опыт высших ценностей предшествующих поколений как присутствующих в жизни человека в настоящий момент времени. Это и есть идея вечного возвращения, одна из центральных идей Ницше, и, собственно, одна из последних великих идей современной философии. Таким образом, материальный мир, который человек воспринимает на основе непосредственного чувственного восприятия, является лишь слабой «тенью» бесконечной глубины онтологического потока времени. Это то, что Платон называл примитивной «копией» с мира идей, то есть то, что по мысли Гегеля должно быть «опосредствованно» в процессе познания объективным разумом.

Разумный человек в современной социальной системе массовой псевдоцивилизации есть нечто совершенно ино-

родное, поскольку разум существует только тогда, когда в сознании человека действуют высшие ценности. Мы видим в окружающей нас активности социальной жизни, что массовое общество демонстрирует лишь низшие ценности в примитивной системе мифов об исторической реальности, которая предполагает, что воспринимающий эти мифы человек находится в инфантильном состоянии души, то есть, по существу, в состоянии протрации по отношению к возможности понимания разумного мира. В противном случае, как иначе он мог бы переносить эту слабоумную болтовню, которая сопровождает его каждое мгновение жизни со стороны информационного потока массовых коммуникаций. В этом смысле, массовое сознание есть нечто фрактально подобное религиозному восприятию мира в конце христианского периода мировой истории, то есть практически полностью иррациональная система существования человека, опирающаяся на мощную систему мифов. Выдавать же иррациональное — за разумное в этой системе коммуникаций дает возможность специфика конструкции мифа, в котором главное состоит в том, чтобы соблюдалась его центральная идея существования. И если в религиозном сознании этой центральной идеей является мысль о существовании бога, то в современном массовом обществе такой идеей является необходимость обоснования объективной реальности научным знанием. Но существа дела это не меняет. В обоих случаях, в любой мифологии представлений разумный человек исключается как политическая реальность. В первую очередь, в массовом обществе он исключается в силу того, что момент активности человеческой массы в мировой истории совпадает с исчезновением разумной реальности политических событий и наступления эпохи Темных Веков. В этом смысле, мы утверждаем, что Российская империя пала под ударами большевистских орд и ее территория погрузилась с 17-го года в Темные Века. Понять природу этой исторической трагедии мешает миф о линейном развитии мировой истории, в котором утверждается, что «цивилизация» развивается только в положительном направлении с точки зрения совершенствования научных технологий. Этот исторический миф эпохи Просвещения стал одним из центральных в общей мифологии

представлений массового сознания об исторической реальности. В объективности же разумного мира исторические события протекают как фрактальные цепи, то есть в качестве топологического пересечения сознания реальности: прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, необходимо осознавать, что рано или поздно вследствие совпадения множества исторических факторов, единая мифология массовых представлений рушится, после чего фрактальная картина разумного понимания мира тотально изменяется, расчищая место для возможности политического объединения авангардных сил мировой истории. Мы лишь «забегаем» вперед, поскольку сущностью подлинной философии всегда было присутствие разумной мысли в авангарде понимания исторических событий. Подлинная философия вообще есть то, что производит исторические идеи будущего, расчищая место в мифологии представлений настоящего.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРАНИЦА
МЕТАФИЗИЧЕСКОГО
МИРА

Мудрость в том, чтобы знать все как одно.

Гераклит

I

Вопрос о существовании будущего мировой цивилизации необходимо должен сводиться к вопросу о существовании у человека каких-то высших ценностей, то есть ценностей, превышающих ценность его жизни. Качество ценностей в сознании человека является производной от уровня развития его индивидуального разума, поскольку шкала дифференцирования качества ценностей отображает меру разумности его индивидуального существования. Разум, в свою очередь, выражается в непосредственном образе жизни человека ровно настолько, насколько проявляется его индивидуальное действие воли. Но проблема состоит в том, что современный человек в массовой культуре практически не способен выразить импульс разумной воли, поскольку массовая культура сложилась таким образом, чтобы всеми своими социальными связями блокировать этот импульс. В результате, человеческая жизнь в массовом обществе практически полностью определяется сублимированными влечениями. Кардинальное отличие импульса воли от импульса влечения человека состоит в том, что импульс воли возникает только при условии соприкосновения жизни человека с метафизическим миром.

Почему разумный импульс воли обладает исключительной значимостью для непосредственного образа жизни человека? Причины следует видеть в том, что помимо тела, человек обладает душой и духом в рациональном смысле, то есть составляющими, которые относятся к метафизическому миру. Однако именно эти высшие сущности человека исключены в системе представлений о мире в массовом сознании в качестве какой-то рациональной реальности. Дух и душа человека в системе массовых ценностей отнесены к сфере религиозных представлений и рассматриваются как нечто мифологическое. Но так ли это в разумной действительности? Где начальная точка исторического отсчета ложных совре-

менных массовых ценностей? Мы убеждены, что такого рода точкой отсчета следует полагать ценности западно-европейской эпохи Просвещения, где человеческий рассудок, опирающийся на достижения научно-технического прогресса, постепенно распространил представления, что духовная реальность — это миф. Однако наше время демонстрирует прямо противоположное с позиции объективного разума, а именно, что сам поверхностный рассудок, опирающийся на научный авторитет, является источником происхождения мифов об исторической реальности для массового сознания. Поэтому нашей задачей является разобраться в причинах: с какой целью поверхностный рассудок производит эти мифы?

Одним из глобальных открытий в интеллектуальной жизни человека в новейшее время является открытие природы бессознательного в глубинах человеческой психики. Мы полагаем, что с объективной-философской точки зрения, речь должна идти о неисследованных свойствах человеческой памяти, связанных с подсознанием. Понятно, что попытка свести природу бессознательного к чему-то примитивному, например, к сексуальному влечению, может лишь очень поверхностно поставить вопрос о сущности познавательных способностей человека, связанных с глубинными ресурсами его подсознательной памяти. В действительности же, природа высшей человеческой памяти является прямым отображением движения онтологического потока времени в человеческой душе, который проясляет его индивидуальный дух в качестве наличия или отсутствия высших ценностей жизни. Так, дух человека есть, фактически, то или иное проявление свойств его памяти, когда конечные ресурсы памяти определяют активность его влечений, а глубинные ресурсы — активность его воли. В этом смысле, каждый человек есть существо массовое, если мы оцениваем его с точки зрения активности сублимированных влечений, или существо расовое, если мы рассматриваем активность его воли. Принципиальным моментом здесь является то, что активность влечений человека не выражает его разумное существо, поскольку для активности разума необходима достаточная активность ресурсов воли. Влечения человека — это его взаимодействие с материальным миром объектов, где реальность

восприятия объектов обеспечивается ресурсами памяти человека, обусловленных его подсознательным инстинктом самосохранения. Но воля человека не связана с инстинктом самосохранения. Ее энергетические ресурсы концентрируются в подсознательном инстинкте смерти, а потому не ориентированы на мир материальных объектов, «размазывая» их в качестве сознания топологического «мусора» фрактальной реальности. Таким образом, именно особенность восприятия времени является основой для дифференцирования знания: на мир идеальный и мир материальный, когда сознание выражает принципиально различные структурные элементы знания о мире. С другой стороны, бессознательное выполняет функцию «транспортировки» восприятия времени в сознание в качестве фрактальных структурных элементов, то есть различных проекций: как движущихся в сознание вследствие процесса сублимирования влечений, так и движущихся в сознание от непосредственного импульса воли, отображая информацию о метафизическом мире. Принципиальное отличие информации сознания, движущегося в него от влечения, от информации, получаемого от импульса воли, состоит в том, что влечение опосредствуется в результате сублимирования обработкой культурным кодом, тогда как импульс воли не может быть сублимирован в принципе, поскольку заряжен не психофизиологической энергией, а метафизической энергией духа человека.

Фрактальная природа времени — это основа метафизического мира, где высшая психическая энергия человека проектируется в сознание таким образом, что единое производящее метафизическое начало неуловимо в качестве материальной реальности. Оно распадается на множество подобных друг другу фрактальных художественных рисунков, которые суть «плотность» онтологического потока времени, производящего мир. Именно поэтому родоначальник учения о существовании идей, Платон, полагал, что Единое — выше всего, что может являться разумной идеей бытия. Художественный момент здесь основополагающий, поскольку художественный объект не только не распадается в результате взаимодействия с подсознательным инстинктом смерти человека, этой энергетической производящей основой воли, но и удерживает его

в высшей памяти как опыт существования мировой цивилизации. Таким образом, ресурсы высшей памяти человека концентрируются в его подсознательном инстинкте смерти, выражающим ориентацию импульса воли на движение онтологического потока времени, который является разумной идеей жизни.

Метафизическая реальность отображается в сознании человека только тогда, когда в нем активен импульс воли. Какой бы меры интенсивности сублимирования не достигали влечения под воздействием культуры, это знание всегда ограничивается только системой конечных представлений о мире. Система ценностей абстрактного рассудка гарантирует стабильность существования массовых представлений о мире, но очень косвенно относится к его разумному пониманию, поскольку всегда имеет внеисторический характер. Не трудно заметить, что дух мировой истории — это та метафизическая сила, которая разрушает сложившуюся систему массовых представлений о мире, упорядочивая внутренние процессы цивилизации в соответствие с разумным началом человеческой души. Ведь массовое сознание человека существовало во все времена мировой истории, когда рациональные коммуникации между людьми исчезали и резко активизировались животные инстинкты. Подобное время расовых катастроф характеризуется почти полным исчезновением активности разумных движений человеческой души, вследствие чего единственной сферой сознания человека становится область мифологических представлений о реальности.

Субъективно-рационально, духовная реальность сознания есть мера активности воли человека в процессах цивилизации, отображающая меру риска его существования за пределами многообразия мифов своей исторической эпохи. В этом смысле, объективность рационального мира определяется мерой топологической «натянутости» воли человека на метафизическую реальность. Процесс «собрания» материи духовного мира, то есть пространства, в котором способна действовать воля к власти, возникает только при условии взаимосвязи с исторической памятью, где действует патриархальная норма жизни. Эта норма формируется в течение столетий с учетом специфики необходимой активизации наиболее полноценных

слоев человеческой психики, тогда как ликвидирована может быть в течении несколько десятилетий в результате процессов расовой катастрофы. Понимание необходимой полноценности человека — это философская проблема, которую, как известно, поставил Ницше. Однако она была поставлена с позиции субъективного разума, тогда как для нас нужно понять ее рационально-объективный смысл. Это особенно актуально в наше историческое время Темных Веков, когда за психическую норму человека в мире мифов массовой культуры стала выдаваться, наоборот, психическое отклонение от полноценности человеческой души.

Если поставить вопрос: почему мир является «полным» или «неполным» с точки зрения психического здоровья человека, то мы должны, в первую очередь, понимать, что мир разумный всегда полноценен, тогда как мир непосредственных человеческих чувств и поверхностного рассудка, существующие вне разума, лишены этой полноты. То, что стало мифом нашего исторического времени, так это безусловный авторитет науки в вопросе понимания сущности разума, когда попытка чисто абстрактного рассудка сделать что-то абсолютным в познании, всегда заканчивается определенным мифотворчеством. Подобный процесс можно наблюдать на протяжении всей мировой истории. Таким образом, за любыми новыми идеями разума следуют аналитические ресурсы рассудка, которые стремятся устранить противоречивость глубины познания, всегда присутствующую в разумной мысли. Ведь разум необходимо присутствует в метафизическом мире, который суть онтологический поток времени, который не может быть непротиворечив.

Духовная организация человека — суть свойства высшей памяти человека, которые активны только при условии взаимосвязи его индивидуальной воли с онтологическим потоком времени. Так, разумные импульсы человеческой психики протекают только в движениях воли. Влечения, в какой бы степени они не были сублимированы, не аккумулируют разумных движений человеческой психики, определяя лишь действия человеческого

рассудка. Вообще, мы должны понимать, что если материальный мир определяется сознанием человека в действиях его рассудка, где объективность явлений этого мира проистекает из непосредственных чувственных ассоциаций, то мир идеальный может существовать только в отображении импульсов его воли как метафизического пространства.

Причины, в силу которых современная западноевропейская псевдоцивилизация определяет духовный мир человека как миф, связана с практически полным разрушением в ней системы рациональных коммуникаций. Фактически, мы наблюдаем в западноевропейском массовом обществе тотальную власть конечных представлений рассудка, которые формируют мифологическое пространство ценностей массового сознания. При этом немассовое сознание, то есть сознание, которое отображает какую-то разумную позицию человека, необходимо должно выражать расовое существо человека, то есть указывать на взаимосвязь его духа с разумными процессами исторических событий. Так, мировая история, можно сказать, является бесконечным резервуаром расовой памяти человека, из которого его индивидуальная воля черпает свои метафизические импульсы. Для нас здесь принципиальным является тот факт, что индивидуальная воля человека определяет позицию его индивидуального разума, тогда как сублимированные влечения определяют позицию его индивидуального рассудка. Но где критерий суждений: разумных и неразумных?

Если искать критерий различия разумных и неразумных суждений человека, то мы должны понимать, что этим критерием является ориентация его сознания на качество ценностей: высших или низших. Проблема современной псевдоцивилизации, в которой вынужден существовать современный человек, состоит в том, что производство высших ценностей в ней полностью остановилось, поскольку система массовых коммуникаций не предполагает присутствия в своих структурах разумного человека. Ведь для производства высших ценностей необходима хотя бы минимальная система рациональных коммуникаций, а она, в свою очередь, требует присутствия благодетства человеческой души. Высшее благо —

одно из основных понятий существа высших ценностей, практически полностью ликвидировано в массовом обществе. В результате, современное массовое сознание являет собой определенный род зомбирования человека разного рода ничтожными целями и ценностями, где разум его почти полностью отключается, поскольку для его активности необходима взаимосвязь с метафизическим миром.

Основания исторического разума существуют только там, где есть метафизическое присутствие мира. Это присутствие определяется мерой, которая, тотально определяя человеческую жизнь, недоступна для материального восприятия. И если такой силой до недавнего исторического времени в сознании человека, полагался бог, то в наше историческое время стало очевидно, что этой силой является онтологический поток времени. Вообще, рассматривая функциональные особенности сознания человека, которые определяются его взаимосвязью с бессознательными процессами, следует заметить, что высшая природа бессознательного и есть поле действия онтологического потока времени. Так, попытка полагать время свойством материи, как это имеет место в современном научном знании, создает то поле ложных представлений, где материальный мир обладает абсолютной ценностью, поскольку время здесь воспринимается исключительно как настоящий момент. Происходящее в этих представлениях имеет отчетливые пространственные контуры объективности только в пределах аналитических возможностей абстрактного рассудка. Но особенностью онтологического потока времени является то, что он не «схватывается» сознанием в представлении, поскольку представление человека в любом случае контролируется его влечениями, в какой бы степени они не были сублимированы культурой для аналитических возможностей абстрактного рассудка. Культура, в данном случае, выступает как поле многообразных представлений о мире, на которых держатся процессы псевдоцивилизации. Но поле мировой цивилизации — иное. Оно всегда предполагает нечто, чему материальный мир подвластен как нечто низшее. Собственно, именно так начиналась история философии в учении Платона о существовании идеального мира. И здесь следует заметить, что воздействие на сознание человека высших про-

цессов психики является необходимым условием активности в его душе разума, то есть наличием взаимосвязи с метафизическим миром. Рассматривая область идей как нечто «вечное», Платон, как мы полагаем, имел ввиду относительность настоящего момента времени по отношению к прошлому и будущему времени. То, что Демиург у Платона является метафизической художественно силой, указывает на то, что разумное в сознании необходимо определяется, в первую очередь, как объект художественного восприятия. Можно сказать, что разумное «скользит» в метафизическом поле в качестве специфического художественного «конструктора», с одной стороны, как сознание человека, а с другой, как метафизическая сила, участвующая в конструировании. Для нас здесь принципиален тот момент, что Платон определяет демиурга как «отца», то есть как основу действия в человеческой душе патриархального сознания мира.

Если мы оценим современные технократические процессы псевдоцивилизации, опирающиеся на политические структуры массового общества, то обнаруживаем в них тотальное отрицание именно патриархальной психологии человека. И здесь, конечно, необходимо отбросить неразумный миф эпохи Просвещения о том, что патриархальная психология препятствует развитию научно-технического прогресса, поскольку развитие мировой истории нелинейно, как это представляется в современной системе мифов псевдоцивилизации и представлялось в монотеистической религиозной мифологии, а имеет фрактально-топологический характер. На природу этого фрактально-топологического мира в какой-то минимальной степени указывают современные научные знания математики. В мировой истории патриархальная психология человека периодически появляется в цивилизации и также периодически исчезает, поскольку народы, участвующие в эпицентре ее развития, растрачивают ресурсы высшей психики, этот метафизический огонь воли к власти, пресекающий власть влечений. Следствием исчезновения власти патриархальной психологии человека неизбежно становится тотальное влияние матриархальной психологии. Следует понимать, что патриархальная психология человека не есть сохранение традиции, а не-

что совершенно иное. Традиция, как мы полагаем, — это попытка максимального ослабления метафизического риска воли, «натянутого» на действие в авангардных событиях мировой истории. Можно сказать, что именно традиция постепенно «убивает» патриархальную психологию человека постоянными попытками свести метафизический мир к нуждам повседневности, к определенного рода ритуалам и привычкам человека, формируя его обыденные представления о реальности. Этот процесс имеет системный характер во все времена мировой истории в судьбе практически всех мировых народов.

Наблюдая за тотальной властью ценностей научно-технического прогресса, доминирующими в массовом сознании, мы понимаем, что они являются системой представлений новой исторической мифологии, когда события мировой истории вступили в новые Темные Века. Свет разума иссяк в иррациональных процессах массовой псевдоцивилизации, когда животный инстинкт выживания, мотивированный стремлением к материальной наживе — единственное, что скрывается за изнурительным трудом в ее различных производственно-технологических структурах. Массовый же социум — эта машина по уничтожению всех рациональных движений человеческой души, внимательно следит, чтобы в человеческих коммуникациях не проявилась разумная воля человека. Именно для этого и создана мифология целесообразности научно-технического прогресса как основы развития внутренних процессов цивилизации. В действительности же, мы наблюдаем, что уже не человек управляет этими процессами, а механические неразумные процессы навязывают ему свою иррациональную активность, действуя по инерции активности своего возникновения. Подобного рода феномен, связанный с иррационализмом действия технологической инфраструктуры массовой псевдоцивилизации, мы видим в неизбежном историческом переходе действия рациональных коммуникаций — в коммуникации иррациональные, что является следствием исчезновения метафизики действия воли в этих коммуникациях и заполнения их полностью активностью сублимированных влечений.

Размышляя над будущим развитием мировой цивилизации, в котором должно восстановится влияние разум-

ной воли человека, мы должны осознать, что, в первую очередь, необходимо восстановление рациональных коммуникаций между людьми, ставшими в наше историческое время нулевыми. Тотальный иррационализм, скрывающийся над многообразием примитивных схем поведения человека в структурах массового общества, показывает, что борьбу за власть в мире ведут не рациональные политические силы, а силы, которые очень косвенно относятся к внутренним законам развития мировой цивилизации. Эти силы сформировались вследствие разложения наций народов мира, то есть в результате утраты нациями своей мыслящей элиты.

Размышляя над природой духа в душе человека, мы приходим к выводу, что его сущность характеризуется спецификой действия подсознательной памяти, когда духовное отображает такие образы сознания времени, в которых настоящий момент времени становится бесконечно малым. И наоборот, материалистическое восприятие формирует такие представления о мире, в котором настоящее время, можно сказать, присутствует «вечно», то есть материя воспринимается как нечто неуничтожимое, где изменяется лишь ее структура. Таким образом, время как духовная субстанция и время как свойство материи имеют принципиально разное восприятие, когда, в первом случае, память человека имеет дело с духовной организацией мира, а во втором случае — исключительно с природой материи. Современный принцип существования псевдоцивилизации таков, что сознание человека с момента его рождения — до самой смерти вынуждено иметь дело исключительно с материалистической мифологией восприятия времени, которая описывает только структурные изменения материи мира. Здесь необходимо понимать, что монотеистическая религиозная мифология также не относится к разумному пониманию времени, поскольку учит о линейных законах развития мировой истории, тогда как в действительности мировая история имеет фрактальную природу. Особенность фрактального восприятия мировой истории состоит в том, что в ней имеют место определенные исторические циклы, но не природного, а метафизиче-

ского содержания, которые получили в субъективно рациональной философии Ницше название «вечного возвращения». С точки зрения современного понимания строения человеческой души, мы должны осознавать, что речь идет о расовом бессознательном, которое содержит в себе исторический опыт высших ценностей развития мировой цивилизации. В системе функционирования псевдоцивилизации связь с высшими ценностями утрачивается, в силу чего в ней начинают максимально активизироваться иррациональные процессы.

Причиной устойчивости действия иррациональных представлений о мире является влияние силы традиции на сознание человека в момент перехода изношенных рациональных коммуникаций — в коммуникации иррациональные. При этом, миф эпохи Просвещения о том, что сословное общество Средневековья было разрушено с целью утверждения равенства и свободы между людьми, стал очевиден в наше историческое время. Мы видим, что «свободным» в массовом обществе человек может быть только при условии разрыва с разумным пониманием мира, то есть при условии, что в пределах его представлений остается лишь чисто материальный мир явлений, по отношению к которым он выступает как исключительно биологическое существо. Таким образом, «свобода», как выясняется, состоит в том, чтобы человеку быть в жизни «свободной» материей, а не духом, то есть быть низшим человеческим существом. И если вопрос о существовании метафизического мира в наше время снят в этой материалистической системе мифологических представлений, то следует понимать, что снят он лишь по отношению к религиозной мифологии, но не к существованию самого метафизического мира. Так существует ли метафизический мир или нет?

Многообразие явлений, с которыми имеет дело сознание человека, выражает то метафизическое поле, по отношению к которому материальный мир является лишь призраком его существования. Можно сказать, что материя — это минимальная реальность, но не действительность метафизического потока времени, где границей фи-

зического и метафизического мира являются образы фрактальных структур. Особенностью фрактальных цепей исторических событий является то, что главное их свойство выражается в принципе подобия повторения исторических событий, который не предполагает реальности линейного исторического процесса развития мировой цивилизации. На первый план здесь выходит идея цикличности исторических событий, которая отображает отдельные циклы структурных цепочек в качестве дискретных переходов: от части — к целому.

То, что определяет существование метафизического мира — это отсутствие системы мифологических представлений, которые неизбежно складываются вследствие обживания его старой метафизической границы. Последнее, вызвано потребностью подсознательного инстинкта выживания человека — видеть что-то «вечное» в конечном человеческом мире, то есть создавать определенные мифы представлений. Социальные структуры, в этом смысле, выражают возможности абстрактного рассудка к построению наиболее устойчивых мифологических представлений по отношению к ассоциативно-знакомому восприятию мира. Причем, можно заметить, что эта устойчивость системы представлений каждый раз гарантируется опорой на какой-то безусловный авторитет. И если таким авторитетом в историческую эпоху Средневековья являлось библейское религиозное откровение, то, начиная с эпохи Просвещения, это стал авторитет научного знания. Но в любом случае, человеческий рассудок стремится максимально укреплять систему представлений, которая выражает принцип стабильности той или иной политической системы. На принципиально другом основании действует внутренняя модель мировой цивилизации. Для своей активности она требует не максимальных возможностей производства производства различных научных схем рассудка, а максимальных возможностей диалектического понимания разума, включающего в себя противоречия жизни, которые проистекают из метафизических импульсов воли.

Принципиальным отличием фрактальной структуры от механической структуры является ее художественный характер. Так, если механическая структура имеет вполне

конкретное чувственное восприятие, то есть образуется в представлении человека в качестве максимального приближения к его психосоматическим реакциям, то фрактальная структура, наоборот, имеет свойства целого, которые направлены на наибольшее разрушение единства представления. Здесь следует понимать, что метафизическая реальность, в отличие от реальности материальной, требует средств познания, выходящих за пределы представлений человека. И наоборот, материальный мир как целое строится из рассудочности человеческих представлений, где все элементы описываются двумя возможностями познания: непосредственного чувственного восприятия и абстрактного рассудка. Разум в формировании представлений не участвует, поскольку для участия разумного понимания мира необходимо вовлеченность сознания в метафизический мир, а он, остается «по ту сторону» от познавательных возможностей представлений, — истина, которую открыл еще Кант. Этот нематериальный мир, существующий параллельно миру материальному, должен обладать идеей своего существования, которая, как это утверждал Платон, имеет художественную природу. Таким образом, идею, в новейшем его понимании, у Платона мы должны рассматривать как художественную структуру фрактала, которая выражает целостность воспринимаемого объекта за пределом возможностей его конечного представления. Можно сказать, что фрактальная структура рассеивает конечность представлений рассудка направленностью сознания на метафизический мир.

Размышляя над смещением научного знания из представлений, действующих в опыте материалистических механических структур, в сторону структур фрактальных, мы должны осознавать, что причины следует искать в необходимости человека быть в первую очередь, разумным существом. В системе же псевдоцивилизации существует все наоборот. Человек в структурах массового общества является существом почти полностью биологическим именно потому что, в первую очередь, воспринимает себя как животное, обладающее определенными животными влечениями. Воля в массовых социальных процессах не участвует, поскольку волевой импульс образуется в результате восприятия метафизического мира, который ис-

ключен в современной псевдоцивилизации. Здесь принципиальным является момент понимания глубин бессознательной человеческой психики, когда влечение проистекает из подсознательного инстинкта самосохранения, а воля — из подсознательного инстинкта смерти. Правда, как известно, в конце разработки учения психоанализа Фрейд вводит психоаналитическую конструкцию «влечения к смерти», однако здесь явно прослеживается противоречие мысли абстрактного рассудка, пытающегося наделить представление не свойственной ему функцией, который может обладать только разум, — действовать в противоречивом мире. И действительно, биологическое существо не может стремиться к тому, что его полностью отрицает, то есть к инстинкту смерти. Именно здесь проявляется неспособность научного рассудка на уровне его современного развития определить высшие процессы психики, которые имеют метафизическую природу. В этом смысле, мы должны предположить, от противного, что в подсознании человека существует сила небиологического характера, которая связывает его мысли и действия с метафизическим миром. Как известно, Ницше эту основу высших психических процессов определяет в учении о воле к власти. С объективно-рациональной точки зрения, речь должна идти о конце одной метафизики (известная формула «бог умер») и начале другой метафизики, в которой понимание разумного мира должно проистекать из кардинальных отличий импульса воли и импульса влечения. И если психические реакции человека в массовом социуме вполне описываются теорией подсознательных влечений, в которых массовые коммуникации протекают в качестве формируемых представлений об окружающем материальном мире, то разумный мир существует по ту сторону от влечений вообще.

Если некоторое время всматриваться в какой-либо фрактальный рисунок, пытаясь схватить его в сосредоточенном созерцании, то можно заметить, что постепенно его воздействие на подсознание разрушает привычное восприятие реальности, в котором сознание ищет ассоциативно знакомые материальные объекты. В ре-

зультате, разрушение знакомых ассоциативных восприятий реальности, в которых протекают представления человека, дает возможность сознанию человека переключиться на разумные импульсы души, которые в принципе невозможно воспринять в качестве знакомых ассоциаций. Следует заметить, что центральная субъективно-рациональная мысль о «смерти бога» в философии Ницше утверждала, что в новом разумном мире элементы должны строиться не в проекции на божественное начало, а на что-то принципиально новое в философском знании по отношению к опыту научной западноевропейской философской мысли. Это новое должно иметь, с одной стороны, художественную природу, а с другой, иметь последовательную взаимосвязь с научным пониманием мира. Такого рода характер двойственности идеи начала мира в мировой философии прослеживается на протяжении всего ее исторического существования, когда старая метафизическая школа дает базу для понимания принципиально новых философских идей. Например, религиозная идея о существовании единого бога трансформировалась в началах научной западноевропейской философии в материально воспринимаемый мир, который существует по механическим законам Бога-Творца, постигаемый с точки зрения достижений научного знания. И именно философские разработки новой научной западноевропейской метафизики «размазали» в мифологию представления религиозной мысли. Аналогичным образом, и идея о «смерти бога» была направлена не столько на религиозные представления, которые в историческую эпоху Ницше были и без того уже достаточно подорваны научно-техническим прогрессом, сколько против опоры рационального философского знания исключительно на авторитет науки с ее попыткой все объяснять научной логикой. Фрактал — это научная и, одновременно, художественная структура. При этом воздействие фрактального мира на сознание человека предполагает разрушение его ассоциативной системы знакомых представлений о реальности, в которых рас-судок движется в пределах известных для восприятия материальных объектов.

Где начинается разумная индивидуальность человека? Под разумным мы понимаем то, что взаимосвязано с метафизическим миром, поскольку чисто материальный мир может полагаться разумом только условно, то есть на уровне обыденных представлений рассудка. Формулируя начала разумной индивидуальности человека, мы полагаем, что они начинаются с его индивидуальных импульсов воли, которые необходимо отличать от того, что ранее понималось под «волей» в культуре и понимается вплоть до наших дней. Под волей мы понимаем усилия человека, связанные с его индивидуальным взаимодействием с метафизическим миром, то есть то единственное, что указывает на наличие в нем разумной индивидуальности. Именно здесь выясняются те психологические особенности восприятия фрактального мира как художественной реальности, когда попытки схватывания фрактальной картины в нечто целое в представлении неминуемо заканчиваются неудачей. Ведь известные исследования о взаимосвязи фрактальных структур в научном мышлении производятся в проекции на материальную реальность, но не на метафизическую природу мира.

Размышления над структурой фрактала приводит нас к необходимости заново переосмыслить фундаментальное различие между законами материального и идеального мира и, в частности, между позициями идеализма и материализма в истории философии. Идеализм всегда подразумевает существование метафизического мира, то есть реальности, которая выходит за пределы чувственно воспринимаемых объектов. С другой стороны, традиционные позиции идеализма оказались разрушенными в мире низших ценностей современной псевдоцивилизации, чьи внутренние структуры не предполагают существование человека, обладающего разумной индивидуальностью. Можно сказать, что классические позиции идеализма западноевропейской рациональной философии заканчиваются на известной формуле Ницше о «смерти бога», которая требует выработки принципиально новых позиций идеализма, востребованных совре-

менными внутренними историческими процессами мировой цивилизации. Ведь это только для поверхностного рассудка формула о «смерти бога» приводит к выводу об исчезновении метафизического мира, тогда как для рационально мыслящего человека речь должна идти о новой метафизике, которая строится на принципиально новых метафизических законах.

В контексте переосмысления структуры идеи Платона, мы должны опираться на центральную идею Ницше о «вечном возвращении», то есть, с позиции объективного разума, на исторический процесс развития мировой цивилизации, протекающий во фрактальной, а не линейной, системе координат. Так, еще Гегель замечал, что идея Платона обладает минимальной логической конструктивностью в силу своей исключительной многозначности суждений, предполагающей чистую логику как вспомогательный, а не как центральный аппарат познания. Центральное место у Платона, как и у Ницше, в частности, в познании несет первичность художественного момента восприятия целостности мира как структуры, каждый элемент которой воспроизводит эту целостность в максимальной полноте восприятия художественной картины действительности. В отличие от линейного представления времени, — фрактальная система координат в процессах мировой истории и самой природы построена на феномене постоянного повторения определенного художественного рисунка некой структуры целого. Человек в этой картине в определенном смысле «размазан» онтологическим потоком времени, рассматриваем ли мы дохристианский период истории или новейшие исторические события, то есть идет ли речь о дочеловеческом или сверхчеловеческом в современном понимании этого феномена.

Развитие идеализма в истории философии протекало как необходимость поиска метафизического начала бытия, по отношению к которому человеческая жизнь приобретает разумный смысл. Это обусловлено тем, что для разумного человека недопустимо, чтобы его индивидуальность определялась подсознательным инстинктом самосохранения как у животного. Поэтому сознание метафизического начала мира равносильно существованию

разумной индивидуальности человека. Наше понимание исторических процессов, в первую очередь, опирается с позиции субъективного исторического разума на идею «вечного возвращения» Ницше. Мы должны понимать, что мировая история развивается во фрактальной системе координат, то есть как постоянное возвращение некоторого подобия мировых событий.

Современная мировая цивилизация находится в состоянии распада. Так мы видим, что в момент распада рациональных коммуникаций, цивилизация возвращается к тем фрактальным структурам метафизических связей, которые доминировали до возникновения ее последней модели, но уже на основе новейшего исторического опыта. Мы имеем ввиду, например, построение христианского и мусульманского мира по аналогии расовых коммуникаций египетской цивилизации, или попытки создания лигаристических союзов, подобных военным союзам древней греческой Спарты, которые можно найти в фашизме, коммунизме и маоизме в событиях новейшей истории. В определенном смысле, фрактальный мир есть мир бесконечно-го подобия различных художественных моделей целого в архитектонике развития мировой цивилизации. Важнейшим моментом во фрактальной системе исторических координат является то, что объективность здесь существует, с одной стороны, вне математического отсчета времени, если пытаться понять ее с научной точки зрения, а с другой стороны, является отображением онтологического потока расовой памяти человека, если понимать время метафизически, то есть как метафизическое начало бытия. Метафизическим здесь является понимание, что материальный мир вторичен, выявляясь как определенная математическая структура из высшей памяти человека, «транспортирующих» фрактальные образы — в сознание. На эту особенность математических образов, имеющих априорную природу восприятия, как известно, обратил внимание еще Кант, доказывая существование разумного мира от противного.

Классифицируя память на «высшую» и «низшую», мы полагаем, что непосредственность чувственных ассоциа-

ций, из которых складываются восприятия и ощущения человека, относится к низшей памяти. Это материал памяти массовой культуры. Высшая же память относится к процессам развития цивилизации, когда образы этой памяти возникают как отображение действия метафизического импульса воли, то есть когда над сознанием властвуют силы метафизического пространства мира, а не мира знакомых обыденных представлений о реальности. Таким образом, цивилизация не может полагаться чем-то исключительно «человеческим», возникшим в результате биологической эволюции примата к «разумному» существу, как этому учит современная мифология псевдонаучной мысли, поскольку авангард разумных исторических событий требует участия в непосредственной жизни человека активной метафизической силы. Эта метафизическая сила концентрируется в момент власти воли над сознанием, когда влечения практически «парализуются», но не подавляются, поскольку подавление влечений — это процесс человеческий, протекающий под действием массовой культуры. Утверждение, что время является метафизическим явлением, а не свойством материи, как это полагается в мифологии современной науки, проистекает из тотального воздействия феномена времени на непосредственную жизнь человека во всем многообразии его проявлений в современном мире. Мы видим, что как в начале становления монотеистической веры, когда сознание единого бога стало пронизывать всю человеческую жизнь, библейское откровение было единственным историческим документом, подтверждающим это единое божественное начало, так и в становлении новейшей модели мировой цивилизации наука взяла на себя роль этого абсолютного авторитета в определении существа времени.

Главное для нас в понимании различий между сознанием человека, получающего информацию в результате процесса сублимированных влечений, от сознания, получающего информацию из метафизического импульса воли, состоит в том, что состояние сублимированных влечений от психологического состояния импульса воли — на глубинном подсознательном уровне — отличает ориентация сознания на инстинкт самосохранения человека, в одном

случае, и на инстинкт смерти, в другом. Так, мы имеем два противоположных полюса психологического состояния человека, которые хотя и бессознательно смешаны, но отчетливо ориентированы на полярно противоположную систему координат ценностей. Очевидно, что тотальная власть над сознанием человека информационных потоков, обусловленных непосредственным чувственным восприятием, приводит к тотальному параличу его индивидуальной воли, поскольку он теряет в них свою разумную индивидуальность. Соответствующие представления о мире создает мифологическое пространство, в котором поступки человека происходят под воздействием техногенных процессов псевдоцивилизации, проистекающих из тотальной власти над сознанием человека материальной реальности.

Основное феноменальное свойство в понимании мира, которым обладает сущность времени, — это метафизическое «звено» в переходе от современных процессов псевдоцивилизации — к новой модели цивилизации. Так, например, было переосмыслено понятие библейского «бога» в науке Нового Времени в качестве высшего метафизического начала мира, постигаемое в научном знании как законы сотворенной материи. Однако следует понимать, что метафизика науки Нового Времени все-таки существовала в пределах еще старой модели цивилизации. Примером перехода от одной модели цивилизации — античной, к новой модели, в основе которой лежала христианская вера, может служить появление института христианской церкви в пределах Римской империи, когда старые боги «почти» умерли, а новый бог был чем-то совершенно новым и непонятным, что воспринималось в русле старых политеистических представлений. Так и сущность разума, вера в который, как новое откровение мира, появилось в западном европейском мире, первое время воспринималась в пределах старых представлений о существовании бога. Вообще, мы должны понимать, что двойственная структура фрактала, которая является, одновременно, и причиной изменения фундаментальных научных представлений о мире, с одной стороны, и откровением мира как метафизического феномена художественного целого, с другой, является одним из важнейших элементов становления новой модели мировой цивилизации.

В новой метафизической границе, вместо центрального понятия «бога», является время. Собственно, время уже существует как эта новая метафизическая граница, если учесть, что все внутренние процессы современной массовой псевдоцивилизации протекают под его контролем, связывая их в единое целое. Другое дело, что время все еще по инерции научных представлений воспринимается не как метафизическое начало бытия, а как свойство материи, то есть предполагается, что оно есть нечто вторичное по отношению к чувственно воспринимаемому миру, который является единственно существующей реальностью. Духовное же объявлено мифологическим прошлым в системе ценностей научно-технического прогресса, которое может существовать только в религиозном сознании. Понятно, что с позиции объективного разума все следует понимать по-другому.

Главным материалом в понимании метафизической сущности времени, с объективно исторической позиции разума, мы полагаем существование объекта искусства. Так, объективность предмета искусства, в отличие, например, от объективности предмета науки, демонстрирует материю мира в качестве образа, а не механической структуры, поскольку в объективности искусства отсутствует расчленение материи и духа по противоположным полюсам. Исторически, мы видим, что максимально отчетливая механическая активность окружающего нас мира, которую мы можем воспринимать и анализировать, возникла за счет опыта длительного исторического периода власти представлений научно-технического прогресса над сознанием. Однако великое искусство, как единственный производитель высших исторических ценностей в истории мировой цивилизации, не могло выражать подобную противоположность, поскольку на максимальное разложение реальности на его материальную и духовную сущность способен лишь рассудок, в котором разум занимает вспомогательную роль. Ведь разум, как мы полагаем, является познавательной способностью, которая для своего существования первоначально разрушает систему сложившихся традиционных представлений о мире, находясь постоянно в авангарде познания новейшего исторического знания. Так, традиционная мысль выражает лишь

максимальные позиции абстрактного рассудка, направленных на построение различных представлений, выражающих доминирование в существе человека его подсознательного инстинкта самосохранения. Здесь в полной мере властвует культура, тогда как процесс развития мировой цивилизации требует принципиально иного состояния души, где властвует подсознательный инстинкт смерти человека.

Если искать сравнение ощущения метафизической сущности времени, которое разумный человек стремится осмыслить, то его историческим фрактальным аналогом, будет ощущение, связанное с попыткой осмыслить существование бога. Так, время определяет полностью жизнь человека и современные процессы псевдоцивилизации, при этом ускользя от попыток привести знание о нем к единой системе представлений. Наука, по отношению к метафизической сущности времени, действует в наше историческое время также, как библейские тексты действовали по отношению к сущности бога в процессах античной псевдоцивилизации и формирующейся новой модели цивилизации, то есть стремится максимально систематизировать представления о том, что невозможно представить. Поэтому мы слышим в этой бесконечной слабоумной болтовне дикторов массовых информационных агентств навязчивые стереотипы представлений: «наука доказала», «ученые полагают» и другие «аргументы», в которых не трудно увидеть подобные стереотипы суждений в период власти монотеистической веры: «богословы полагают», «истины библейского откровения учат» и тому подобное.

II

Есть, безусловно, фундаментальное различие между всем обозримым прошлым развития мировой цивилизации и новейшим историческим временем. Оно выражается в том, что новая метафизическая граница мировой цивилизации — время не предполагает мифологии представлений

спасения человека. Правда, мы обнаруживаем в наше историческое время жалкое фрактальное подобие религиозным мифам в системе массовых представлений о том, что человек — это чисто биологическое существо, которое окружает только материальный мир, где материя «вечна». Однако подобного рода мифология, необходимая для стабильного функционирования внутренних процессов псевдоцивилизации, способна воздействовать только на примитивное сознание человека, которое практически полностью загнипнотизировано тоталитарным влиянием низших ценностей: власти денег, культа гонки за новыми научными технологиями и другими внутренними регуляторами внутренних процессов псевдоцивилизации.

Очевидно, что новая модель мировой цивилизации первоначально высвечивается новым художественным восприятием человека, которое отображается как новый разумный взгляд на мир. В этом смысле, авангардные процессы в мировой истории меняют эстетическое восприятие мира, доминировавшее до определенного момента, поскольку постепенно формируется система обыденных представлений, которые необходимо «зачистить» для постижения новых рубежей познания мира. В основе новейшего эстетического восприятия мира всегда действует активность коммутативного тензора подсознательного инстинкта смерти человека — этой единственной точки соприкосновения подсознания человека с метафизическим миром, практически полностью утраченного в массовой культуре. Здесь следует категорически отвергнуть попытку полагать, что инстинкт смерти является влечением, что противоречило бы самой идеи существования биологического существа человека. Речь должна идти об определенном высшем психическом напряжении, тензоре темпорального пространства, указывающего на существование духовного мира в человеческой душе. При этом душа человека, в новейшем понимании этого слова, является границей метафизического и материального в проекции на восприятие времени. Если время воспринимается линейно, отображая определенные свойства материи или мифологию религиозных представлений, то метафизическое как разумная взаимосвязь исторических событий не существует. Если время воспринимается

фрактально, то есть в качестве процесса постоянного возвращения к глубинным образам памяти, активным за счет энергии подсознательного инстинкта смерти, то душа человека становится промежуточным звеном между его духовной и материальной организацией.

Аналогично двойственности понимания структуры фрактала, понятие «тензора» также имеет для нас двойственное понимание. Но поскольку мы ставим себе задачу: понять мир метафизический, то математическое содержание «размазывается» онтологическим содержанием, как разум «размазывает» конечные представления рассудка. Ведь не трудно заметить, что современная наука все больше впадает в мистические конструкции мысли, обусловленные тем, что ее базовые начала были заложены старой метафизической школой мысли, которые в наше историческое время полностью себя исчерпали. С другой стороны, появление таких понятий как «фрактал» и «тензор» указывают на то, что наука есть неотъемлемая и одна из основных основ разума, которая всегда перестраивает свои основания в проекции на новое понимание законов природы. Другое дело, что научная мысль — не-исторична, пытаюсь строить свои суждения в качестве законов, которые опираются на чисто рассудочные конструкции мысли, рассматривая материальный мир как продукт исключительно непосредственности чувственных восприятий. Современная же религиозная мысль опирается на прямо противоположной науке восприятие и сознание мира. Она исходит из вторичности непосредственных чувственных ассоциаций, что дает возможность тотально апеллировать к исторической традиции представлений о божественном происхождении мира. Это резкое противопоставление духовного и материального на уровне рассудка: в первом случае, в научном материализме, а во втором, в религии определяют поле современных массовых ценностей культуры. Ведь культура, как бы ее не рассматривали, всегда является определенной верой. Вера же всегда требует доверительного отношения к чему-то стабильному: религиозной традиции или технике спекулятивных суждений рассудка, если мы имеем дело с научной мыслью.

Причины, почему религиозная мысль требует пренебрегать непосредственными чувственными ассоциациями, а абстрактная наука, наоборот, духовными импульсами души, следует видеть в полярно противоположных задачах религии и науки. Время в религиозном сознании есть то, что появляется как одно из множества явлений божественного творения, а время в научном мышлении является лишь свойством материи. Но при этой, на первый взгляд, полярной противоположности восприятия времени: как измерения чисто духовного мира, с одной стороны, и как измерения материального, с другой, мы находим то, что, безусловно, объединяет эти две позиции понимания времени. Время в них мыслится линейно как исторический процесс. И дело здесь не в фундаментально различном пространстве ценностей сознания: чисто духовном и чисто материальном, а в том, что время здесь выступает как зависимая составляющая, которая не существует сама по себе. Главное, что сближает эти две системы координат — не высшая, а второстепенная ценность сущности времени. Поэтому, как мы видим в политических процессах массовой псевдоцивилизации, наука и религия постепенно теряют свой антагонизм. Так, мы видим, что в Ватикане появляется собственная обсерватория, которая вполне научно изучает звезды, а в науке уже не утверждается всемогущество человека над окружающей его природой и даже допускается существование внеземных цивилизаций на других планетах. Подобное сближение стало возможным в силу того, что современный метафизический фундамент научной школы в эпоху Нового Времени возник из разложения схоластической школы средневековой мысли, то есть современная наука, при всем ее жестком неприятии религиозного восприятия, время воспринимает как линейный исторический процесс. Только вместо божественного творения в начале мира она рассматривает неуничтожимую материю. Подобного рода линейное восприятие времени дает возможность сознанию человека отделить чисто человеческую историю от истории всего остального творения, если мы рассматриваем религиозные представления, или от истории остальной материи, если мы рассматриваем чисто научные представления биологической эволюции происхождения человека.

Так, если время в религиозной традиции отсчитывается от момента сотворения мира, то время в научной теории происхождения Вселенной начинается с момента большого взрыва. То есть в обоих случаях время воспринимается в линейной системе координат. Но во фрактальной системе координат время существует не в качестве линии, а в качестве фрактальной единицы подобных процессов. Если свойства фрактала в математике давно уже изучаются, то с психологической точки зрения мы должны понимать, что фрактальное строение психики человека предполагает бесконечное повторение определённого архитектонического рисунка его поведения в мировой истории, в котором можно отличить его индивидуальное начало от массовой психологии. И именно здесь мы обнаруживаем, что в современном человеке, хорошо структурированным в массовое общество, практически отсутствует индивидуальное начало психики, связанное с возможностями рационального мышления. Можно сказать, что полностью структурированный в массовое общество человек является Quasi Homo по отношению к человеку разумному, то есть неразумным существом, — парадокс, возникший в XXI веке после тщетных попыток западноевропейской цивилизации сохранить систему рациональных коммуникаций. Здесь мы находим фрактальное подобие исторических процессов перехода: от античной модели цивилизации к западноевропейской две тысячи лет назад, когда в период доминирования политических институтов псевдоцивилизации в европейском мире христианская церковь пыталась быть единственным авторитетом в понимании единого бога. Ясно, что христианская церковь не могла быть основой рациональных коммуникаций в Темные Века, поскольку упорно отстаивала чисто библейское понимание бога в пределах противопоставления политеистической вере. Так и в новейшее время, мы видим, что деградация политических институтов западноевропейской цивилизации, пытавшихся утверждать разум в противостоянии с религиозной верой, наделила подобием религиозной мифологии научные аргументы в доказательстве истины. Только в современной псевдоцивилизации статус божественного авторитета получил абстрактный рассудок, оперирующий логическими кон-

струкциями представлений в области созданного им мифологического пространства научных фактов и теорий. Здесь мы замечаем, что эта новая мифология вклинилась в поле существования российской культуры, пытаясь ужиться со старой мифологией религиозной веры. Но в отличие от традиционной религиозной веры, которая имела естественное для природы человека историческое происхождение, то есть связывала полноценное существо человека с духом мировой истории, новая мифология веры в коммунизм смогла лишь на ограниченное время продлить новую веру в рядах большевистской орды и, возникшей из нее, партии КПСС. Ведь вера, если она определяет полноценное существо человека, должна проистекать из высших основ его души, а не быть следствием массового психоза, который всегда возникает в момент распада рациональных коммуникаций в период Темных Веков мировой истории. Ведь наивно полагать, что начала исторической веры в мировой цивилизации определяются светом новых истин. В действительности же, в начале становления новой веры, если мы ее оцениваем по отношению к активности разума человека в этот исторический момент, возникает мрак, который характеризуется забвением рациональных коммуникаций между людьми, то есть действием каких-то высших ценностей жизни. Тусклый свет массовых коммуникаций в этот исторический момент есть только в душе варвара, раба-христианина Римской империи или большевика на развалинах Российской империи, поскольку рабская душа, ощущая чувство эйфории от полученной внешней свободы, полностью чужда опыту высших ценностей мировой цивилизации, воспринимая собственные «свободные» животные влечения за «счастье». Варварская душа не имеет того, что принято называть «внутренним миром», то есть наличием разумной индивидуальности человека, вырабатываемой только в результате взаимодействия с производством высших ценностей. Именно в Темные Века, характеризующиеся полной утратой каких-то высших ценностей жизни, и исчезает чувство исторического времени, которое является основой для понимания времени с метафизической точки зрения, оставляя вместо себя

мусор мифологических представлений об исторических событиях.

Можно объяснить, почему массовый человек не ощущает тотального мрака Темных Веков современной псевдоцивилизации. Причины следует искать в том, что абстрактный рассудок, опираясь на авторитет науки, фактически, создал определенное фрактальное подобие религии в массовом обществе, создав систему мифов о происхождении человека и мира. И если в религиозном мире высшей инстанцией истины было библейское откровение, то в современной «религии» абстрактного рассудка таковым является требование: категорически избегать противоречий в логических суждениях. Только при таком условии научное представление не разрушается. Однако, уже начиная с философских исследований Канта известно, что разумное существует только там, где есть противоречивость мысли, а Гегель, как известно, строил свою диалектику объективной рациональной мысли из процесса положения и снятия противоречия как неотъемлемой части рационального процесса познания. Именно здесь мы видим основание для понимания фрактальной системы координат в процессах мировой истории, когда постоянное повторение определенного подобия исторических событий, одновременно, не дает возможности полагать их, как в математических циклах, равными. Например, очевидно подобие распада римской цивилизации и современной западноевропейской цивилизации, но, с другой стороны, также очевидны и различия этих процессов по многим параметрам. Другими словами, фрактальный рисунок подобия исторических событий всегда имеет принципиально новую историческую архитектонику событий.

Причины, в силу которых мировая история имеет фрактальную, а не линейную систему координат, следует видеть в том, что только импульс воли человека историчен, тогда как человеческие влечения существуют за пределами истории. А импульс воли способен существовать только в соприкосновении с метафизической границей мира, поскольку эти импульсы формируются не из процесса сублимирования влечений, а из подсознательного инстинкта смерти человека.

...

Для нас очевидно, что только разум является критерием отличия человека от животного. Попытки найти компромисс в этом вопросе, то есть выдавать способности рассудка для критерия этого различия, приводит к тому, что мы сейчас имеем в мифологии представлений научной мысли, где идут поиски зачатков способностей суждений у приматов. В действительности же, разум должен иметь метафизическое, а не физиологическое, происхождение, поскольку разумным является то, что, определяя тотально человеческую жизнь, ускользает со стороны непосредственных чувственных ощущений.

Очевидно, что мы должны переосмыслить понятия «душа» и «дух» с позиции фрактальной системы исторических координат, отказавшись и от религиозных, и от научных мифологических представлений, доминирующих в современной псевдоцивилизации. Чисто философский подход в понимании этих основополагающих для человека составляющих требует определить их метафизическое присутствие в его непосредственной жизни, поскольку очевидно, что человек — это не только его тело и его мозг. И здесь мы можем указать на единственность существования этого метафизического пространства — время, в котором человеческая душа присутствует в качестве натянутости на инстинкт смерти, вырабатывающий метафизические импульсы воли. Таким образом, размышляя над метафизическим существом времени, мы всегда имеем ввиду действие подсознательного инстинкта смерти, который не относится к влечениям. Можно сказать, что инстинкт смерти продуцирует то, что, наоборот, пресекает, а не подавляет, влечения, когда в человеке начинают действовать силы, которые необходимо относить к области его духовной организации. Однако полагать, что эти силы относятся к чему-то божественному, — это, значит, впадать в область мифологии, которая исключает действие разума. Впрочем, эту задачу в полной мере уже решила классическая западноевропейская рациональная философия, поэтому нужны новые основания для понимания метафизического происхождения мира, которые бы объясняли его с точки зрения онтологического потока времени. Мы полагаем, что рациональные коммуникации цивили-

зации в период доминирования монотеистических религиозных учений существовали за счет того, что импульсы воли не были социализированы на уровне массовых инстинктов, когда именно инстинкт смерти побуждал волю разумного человека к действию. Однако следует понимать, что как только поле метафизического пространства обживается, то есть возникают массовые коммуникации, происходит процесс исчезновения импульса разумной воли, и тогда то, что являлось священным, становится примитивным мифом в сознании, поскольку уже не поддерживается усилием воли к власти. Поэтому момент исчезновения рациональных коммуникаций, в которых протекает судьба мировой цивилизации, совпадает с моментом трансформации их «обломков» в систему мифологических представлений сознания о реальности. Такой системой мифологических представлений сознания в современном массовом обществе являются представления о бесконечных возможностях научного познания человека, фрактальное подобие которых мы находим в представлениях о неисчерпаемых истинах библейского откровения.

Чтобы понять, где в наше время концентрируются исторические импульсы разумной воли человека, мы должно осознавать, что в Темные Века, в которые мы живем, они не концентрируются нигде, то есть мы существуем в структурах псевдоцивилизации, почти полностью построенной на системе мифологических представлений о современной исторической реальности. Единственной рациональной нитью, пронизывающая эти иррациональные политические структуры массового общества, является упорядоченность их в самой примитивной схеме понимания и восприятия времени, то есть в его измерении механическими часами. Можно сказать, что механическое время — это примитивная «библия» современного массового восприятия времени, которая связывает людей при отсутствии каких-то высших исторических целей, оправдывающих их разумное существование. Отсчитывая свою личную жизнь по этой мифологической схеме течения времени механических часов, им кажется, что они обладают какой-то индивидуальностью в истории, хотя в действительности они функционируют лишь как биологические социальные роботы,

чья активность строится на процессе сублимирования подсознательных животных влечений психики. А биологическое существо человека может иметь историческое содержание только при одном условии, если отрицает существование духовного мира, полагая материальный мир единственно существующим. Именно поэтому современная массовая псевдоцивилизация и отрицает духовный мир человека, оставляя ему место на своей обочине, в качестве религиозных ритуалов верующих, что ее внутренние процессы иррациональны. Этот бессмысленный иррационализм массовой псевдоцивилизации, прикрываемый агрессивной мифологией низших ценностей веры в научно-технический прогресс, в действительности является ничем иным, как мусором распада рациональных коммуникаций западноевропейского мира. Так, исторический момент окончательного «обживания» рациональных коммуникаций, то есть разрушение метафизической границы, по отношению к которой активна разумная воля человека, совпадает с процессом перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации. А псевдоцивилизация, исторически, является переходным состоянием: от одной модели цивилизации — к другой.

Для различения действия воли, которое мы полагаем необходимо взаимосвязанным с метафизическим миром, от действия влечения, которое в любом качестве является отображением в сознании материального мира, мы, как в случае с понятием «фрактала», будем использовать двойственный смысл понятия «тензора». Так, в отличие от математического смысла понятия тензора, описывающего определенное физическое состояние объекта, мы полагаем, что метафизический тензор темпорального пространства есть определенные свойства высшей памяти человека, обусловленные действием в его подсознании инстинкта смерти. И здесь принципиально, что инстинкт смерти — это не влечение, поскольку он существует в человеческой душе как некая статическая система, возбуждаемая в ней только в минуты максимальной ответственности человека за свою судьбу как части мировой истории. Можно также сказать, что человек существует только в момент отображения его индивидуальной воли от метафизической границы. В большей же части человеческая

жизнь протекает в очень монотонных впечатлениях под воздействием сублимированных влечений, которые формируют представления об окружающем мире в качестве знакомых ассоциаций. Именно повторяемость образов восприятия этих непосредственных чувственных ассоциаций и выражает сознание представлений. Однако следует осознавать принципиальное различие между образами сознания, которые сформированы в результате воздействия массовой культуры, от образов высших ценностей, которые не могут быть массовыми, по существу. И вообще, мы должны понимать, что реальные процессы мировой цивилизации всегда выражают определённый авангард разумного понимания мира, тогда как культура, наоборот, проявляется в том, что уже полностью обжито и осмыслено человеческим рассудком.

Тензор темпорального пространства характеризует состояние человеческой души, в которой сознание ориентировано не на материальный мир, а на мир метафизический. Но в чем он существует, если все процессы массовой культуры построены исключительно на восприятии материального мира, а религия существует только как комплекс мифологических представлений о реальности? Мы полагаем, что ни в чем, то есть именно здесь раскрывается философская формула европейского нигилизма, характеризующая современные позиции субъективного исторического разума. А поскольку мы стоим на позиции объективности, то она требует предложить какой-то выход из этого полного мрака человеческой жизни, когда тотальное воздействие на сознание человека потока низших ценностей, обрушивающихся на него со стороны массовых коммуникаций, дегенерирует его психическое состояние, не давая возможности быть разумным существом.

Единственной возможностью выхода из состояния Темных Веков в истории мировой цивилизации была структура лигаристических союзов, то есть концентрация в каком-то локальном месте крайне скудных полноценных политических сил, которые не смогла дегенерировать псевдоцивилизация. Но первоначально, в истории всегда возникают неудачные попытки формирования лигаристических союзов. Мы находим эту попытку в истории опыта фашизма, коммунизма и маоизма. Следует понимать, что

первоначальный опыт лигаристических союзов всегда несет в себе элемент дикости и варварства, который характеризуют нравы человека в Темные Века. Человек в это историческое время, можно сказать, освобождается от остатков опыта традиции, потерявшей внутри себя патриархальное начало, которое формировалась веками. И тогда в него врывается весь тот поток животных влечений, который разрушает в нем границу с его биологическим существом. Именно отсюда проистекает гимн природному существу человека, не ограниченного какими-то моральными нормами, который культивировался в этих политических движениях. Ведь традиция как полноценная психическая норма человека существует только тогда, когда поддерживается метафизическим усилием воли к власти разумных политических сил мировой истории. А метафизическое усилие воли к власти в исторических процессах является методическим только при условии, когда она ориентирована на метафизическую границу, а не на мифологические представления.

Возвращаясь к одной из центральных идей субъективного исторического разума о «смерти бога», на основе которой сформировались позиции европейского нигилизма, следует понимать, что речь в этой формула идет не столько о христианской вере, основы которой были практически подорваны в западноевропейском мире за последние века стремительным ростом научно-технического прогресса, сколько о задаче поиска нового метафизического начала, необходимого для существования разумного образа жизни человека. Ведь в отличие от человеческого рассудка, который все мысли сводит к определенным представлениям, то есть к повторяющимся чувственным ассоциациям восприятия мира, разум не опирается на знакомые ассоциации. В аспекте размышления над тем, что является опорой разума в движении человеческой мысли, мы вспоминаем известную мысль Ницше: «Когда долго всматриваешься в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя». Так, мысли о смерти, можно сказать, являются самыми «пустыми» по отношению к обыденной жизни человека, где все направлено на поддержание в человеке его подсознательной активности инстинкта самосохранения, опустошая душу человека до дна. С другой стороны, сама

обыденная жизнь человека является чем-то «пустым», если оценить ее с позиции мыслей о смерти. Традиция любой религии же в истории всех народов формировалась таким образом, чтобы найти компромисс между мыслями о смерти и обыденными событиями жизни человека, наделив их значимостью каких-то вечных истин. Это достигалось путем избегания этой бездны путем замены ее различного рода мифами, где она кажется обжитой и «домашней». Собственно, аналогичным образом формировалась и система мифов современной массовой культуры, в которой сознание единственности существования материального мира ликвидировало мысли о смерти мифом о перемещении материи человеческого тела в состояние мировой материи после физической смерти. Здесь мы находим фрактальный религиозный аналог традиционной схемы понимания смерти, в котором религиозный миф повествует о том, что духовная сущность человека, «сбрасывая» смертную материю, переходит после смерти в вечный мир духов. Таким образом, устойчивость представлений традиционного мира мифологических ценностей: массового общества, в первом случае, и религиозной общины, во втором, достигается путем требования полного подчинения: духу — материи в религиозном сознании, а в материалистическом сознании, наоборот, рассмотрение духа как «мифологического» понятия. Так ликвидируется то максимальное напряжение высших слоев памяти человека, которые активизируют в нем мысли о смерти.

Тензор темпорального пространства, как мы полагаем, есть такое сознание человека, когда его мысли не «размываются» какой-то мифологией представлений. В данном случае, мы не видим различий между мифологией веры в единого бога и верой в научно-технический прогресс. Во фрактальной системе исторических событий эти мифологии тождественны. Однако с позиции обыденного рассудка, на который опирались ценности эпохи Просвещения с ее безусловной верой в научный авторитет мысли, религия и научный прогресс — антагонисты. Напряжение тензора темпорального пространства, который суть активность новой метафизической границы сознания человека, обладающего разумом, предполагает, что мысли о смерти человека постоянно очищают его волю от мусора

низших ценностей массовой культуры. Но в этом случае разумный человек оказывается в тотальном вакууме окружающей его системы низших ценностей, то есть в позиции нигилизма субъективного разума, не обнаруживающего признаков рациональных коммуникаций между людьми. Чтобы разорвать мрак современных Темных Веков, в которых вынужден существовать разумный человек нашего исторического времени, необходимо преодолеть примитивные представления о механическом течении времени, опирающихся на мифологию ценностей научно-технического прогресса. Фрактальным аналогом в новой исторической системе координат это равносильно преодолению абсолютного авторитета представлений о едином боге, которое давало библейское откровение в Темные Века Западной Европы. А поскольку исторические события повторяются фрактально в процессах мировой истории, мы должны указать на политические структуры, которые возбуждают тензор темпорального пространства, давая возможность разумным политическим силам объединиться для строительства новой модели мировой цивилизации.

Чтобы понять метафизическую сущность тензора темпорального пространства, необходимо избавиться от примитивной системы представлений, в которой философская мысль обязательно должна опираться на научную систему. Подобного рода необходимость основы рационального знания возникла в определенный исторический момент, в определенном месте, а именно, в модели развития западноевропейской цивилизации. Это не говорит о том, что философия и наука не имеют пересечений в своих методах, а лишь о том, что различия между философской и научной мыслью не менее существенны, чем между мыслью религиозной и научной. Но то, что мы наблюдаем в истории философии весь XX век и в начале XXI века, — так это попытку полностью ликвидировать философию как самостоятельную дисциплину рациональной мысли, подменив ее разного рода наукообразными конструкциями представлений. Разгром философии как отдельной дисциплины рационального мышления человека, когда за нее выдается разного рода пустая болтовня, скрепленная примитивными наукообразными кон-

струкциями мысли, обусловлена необходимостью ликвидировать разумную позицию человека, которая воспринимает негативно многообразие мусора низших ценностей массовой культуры современной псевдоцивилизации. И если искусство, например, живопись как-то еще с трудом пробивается сквозь этот мрак своими фрактальными образами, то философия оказалась буквально «размазанной» этой агрессивной атакой низших ценностей псевдоцивилизации.

Если влечения человека практически всегда воспринимаются в представлениях о линейных процессах, поскольку сознание контролирует начальную ассоциативную точку их возникновения и конечную точку, то действие воли в самой своей основе нелинейно, протекая в определенной последовательности активности темпоральных тензоров как фрактальных исторических событий. Эти тензоры возникают под воздействием активности подсознательного инстинкта смерти, приобретая архитектонику метафизической действительности. При этом необходимо понимать, что попытка строить представление о линейном течении исторического события, объясняя его чисто человеческими целями, например, экономическими интересами, является одним из признаков ликвидации рациональных коммуникаций в европейском мире. Фактически, в перспективе это грозит его полной ликвидацией с позиции новейших событий мировой истории, поскольку для существования рациональных коммуникаций необходимы полноценные усилия разумной воли человека, протекающие из метафизического мира, которые практически угасли в «осколках» обломков западноевропейской цивилизации. Как известно, именно при таких обстоятельствах пала Римская империя, а также другие империи в мировой истории, то есть в результате исчерпания полноценных ресурсов воли к власти народов и наций, находящихся в эпицентре развития мировых исторических событий.

Мы различаем линейное течение представлений о времени от тензорного, дискретного и не представляемого. Это различие можно понять на фрактальном рисунке, где

мы видим «спутанность» фрактальных цепочек, исключая их линейную структуру. Подобная архитектоника на первый взгляд иррационального характера фрактального рисунка предполагает, что образ времени линейной последовательности точек, на котором строится вся современная научно-техническая инфраструктура активности современной псевдоцивилизации, является чем-то крайне примитивным по отношению к подлинным законам природы. В этом смысле, математический фрактал — это один из простейших научных элементов понимания нового мира, где темпоральные процессы метафизической действительности просвечиваются своей природой.

С исторической точки зрения, механический момент восприятия времени, фактически, отсчитывает мифологическое время, создавая иллюзию, что время «течет», где складываются математические единицы времени, наделяемые ассоциативным чувством движения последовательного временного ряда. Подобного рода представление о времени в социальных процессах массового общества фрактально подобно мифологическому сознанию бога в религиозной общине, где монотонная системность разного рода религиозных обрядов создает спасительное ощущение существования бога и где не требуется критическое понимание его сущности в независимости от библейской традиции. Если же исключить механические часы, то сознание человека оказывается перед необходимостью чисто философского понимания сущности времени. Аналогичным образом, как известно, развивалась и философская школа западноевропейской мысли: от первого, очень робкого, критического осмысления библейского откровения в начальной схоластике — до научно-метафизического понимания сущности бога в трудах философов-ученых, таких как Лейбниц и Декарт.

Если оценить уровень понимания метафизической сущности времени в современной философии, то мы должны полагать, что он является нулевым. Собственно, здесь мы возвращаемся к последнему опыту философской мысли, к субъективному рационализму Ницше, который в современной псевдофилософии принято определять, как «иррационализм» и «волюнтаризм», хотя в действительности учение «нигилизм» ставит вопрос о новой ме-

тафизической границе мира. То, что мы должны осознавать во фрактальном подобии исторических событий, так это то, что чисто научный взгляд на природу времени является в наше время крайне ограниченным, как, аналогичным образом, был крайне ограниченным взгляд на природу единого бога через библейское откровение в Темные Века Западной Европы. Именно поэтому субъективный рационализм философии Ницше требует возвратиться к первичной интуиции художественного, а не научного, осознания окружающего мира человека, что новая метафизическая граница отодвигает научную составляющую на второй план в познании. И дело даже не в том, что первоначальный исторический перелом от мрака Темных Веков — к Средневековью происходит за счет конструирования новой художественной архитектоники бытия в сознании, когда воля к власти выступает метафизическим «волнорезом» в познании нового мира, а в том, что историческая память в новом мире может действовать только во фрактальной, а не линейной системе координат. Психологически, это означает то, что в новом мире рациональная мысль проистекает не из чистой абстракции рассудка, как это имеет место в научном познании, а из художественной многозначности новой исторической картины мира, которую еще необходимо увидеть за потоком знакомых ассоциаций непосредственного чувственного восприятия.

Особенностью фрактального потока времени является то, что оно лишено спасительной монотонности исторических событий, которое характеризует время через сознание линейного восприятия. Так, можно почувствовать, что настоящий момент времени во фрактальной системе координат, можно сказать «размазан» интенсивной памятью прошлого и мощным «накатом» ощущения будущего. Другими словами, настоящего здесь просто нет в качестве повторяемости знакомых ассоциаций повседневной жизни человека, поскольку в системе фрактального рисунка исторического мира сознание человека черпает знание не из представлений, а из не представляемого созерцания целого онтологического потока времени, возникающего из взаимодействия с метафизическим миром. В психологическом смысле, как во фрактальном рисунке сознание

не может найти знакомых ассоциаций, за исключением понимания наличия общей фрактальной структуры, поскольку представление здесь рассеивается художественным импульсом, возникающим в качестве проникновения сознания в общую архитектонику целого, — так, и время во фрактальной системе координат, с одной стороны, очевидным образом течет, то есть имеет определенное направление, а с другой стороны, это направление не воспринимается как линия, а скорее напоминает топологическое дерево со множеством «времен-ответвлений». Примером подобного топологического дерева метафизической сущности времени является момент «смешения» современных научных технологий с откровенным политическим варварством, которое можно было наблюдать в XX веке во многих странах мира. Так, база новой модели мировой цивилизации, как можно видеть из событий мировой истории, закладывается энергией варваров Темных Веков, чья воля находится еще в зачаточном состоянии, но зато обладает неистраченной энергией. Здесь встает вопрос: от чего отсчитывать достижения цивилизации: от стремительного роста новых научных технологий или от глубокого человеческого варварства, возникающего в момент уничтожения старой политической модели государства, а заодно и его лучших представителей? Мы, очевидно, отсчитываем от второго момента, когда осознаем, что стремительный рост новых научных технологий в современной системе псевдоцивилизации, — во фрактальном историческом мире подобен распространению монотеистической религии в среде варваров.

Объективность активности тензора темпорального пространства, удерживающего метафизический импульс воли в качестве присутствия разума в душе человека, предполагает, что рациональные коммуникации модели мировой цивилизации протекают по энергии подсознательного инстинкта смерти человека. То, что представления массовой культуры ужились в современной псевдоцивилизации с религиозной мифологией, следует относить к одинаковому, линейному, восприятию времени, когда противоречия между этими, когда-то непримиримыми системами ценностей за счет этого постепенно сгладились. Аналогичный процесс можно было наблюдать

и в системе ценностей псевдоцивилизации, связывающей античный и христианский мир, где постепенно ощущение единого бога было «обжито» в политеистической традиции веры за счет родственной идеи божественного происхождения мира. Так и представления о времени, как о линейном процессе, стали основой для компромисса монотеистических представлений о мире и научных представлений о происхождении материи в современной псевдоцивилизации, где диаметрально разнится его начала: чисто духовного и чисто материального, не мешает отслеживать историю происхождения человека от его возникновения до настоящего времени. В действительности же, как мы полагаем, фрактальная система координат исторического времени предполагает наличие в исторических событиях нашего времени такого феномена, как расовая катастрофа, то есть массовая утрата человеком разума, который имеет периодический характер.

III

То, что мы наблюдаем в современной социально-политической системе псевдоцивилизации, является разрывом одной из фрактальных цепочек исторических событий мировой истории и возникновением нового фрактального рисунка, когда практически полное исчезновение политической активности разумного человека в наше время предполагает полное переустройство политической системы в модели мировой цивилизации будущего. В первую очередь, конечно, речь должна идти о демонтаже системы по уничтожению разума человека — массового общества. В этом смысле, есть некоторые очевидные моменты в понимании мировой истории. Так, должно быть понятно, что любая политическая система в ней имеет ограниченный срок своего существования. Этот срок определяется как необходимостью исторического возникновения, так и необходимостью исторического исчезновения этой системы.

Основной, базовый миф массовой системы ценностей, опирающийся на веру в научно-технический прогресс, состоит в том, что в начале мира была материя. Этот миф,

в целом, характеризует в точности до наоборот, религиозный миф о духовном начале мира. Но фрактальная система координат мировой истории предполагает, что в начале была не материя или дух, а время. Время же, как, в частности, и понятие бога, практически недоступно для человеческого представления, когда попытка с чем-то ассоциировать эти понятия приводит к их предельному упрощению. С понятием бога традиционная система представлений культуры проделала огромную работу, чтобы обжить эту метафизическую границу, за счет которой развивались внутренние процессы мировой цивилизации, а вот понимание времени в его чисто метафизическом смысле является новым для человеческой жизни. Попытка же свести его к чисто научному пониманию, как мы полагаем, есть ничто иное, как двигаться в русле новой традиции культуры, — оценивать все явления исключительно с научной точки зрения. И вообще, в современной псевдоцивилизации возникает ощущение, что все сферы разумной жизни человека уничтожены, кроме как наукообразного подобия жизни, исключая высшую психическую активность человека. Современный массовый человек стал биологическим социальным роботом, лишенным разума, но обладающим сильно развитой способностью абстрактного мышления. Бесконечное множество абстракций, которыми оперирует его воображение в различных представлениях о реальности, создают ту мифологию низших ценностей массовой культуры, которая исключает в себе наличие разумного человека. Здесь следует понимать, что представление — это не инструмент познания разума, а инструмент исключительно познания рассудка. Его основная черта — необходимое условие монотонности реакций человеческой психики, которые гарантируют стабильность действия ее в пределах какой-то традиционной системы ценностей. Не принципиально, какая это традиция — религиозной жизни или научной мысли, главное состоит в том, чтобы любое сомнение не выходило за определенные границы определенных ценностей, в первом случае, религиозной веры, во втором случае, — научного обоснования традиционных взглядов о материалистическом возникновении и существовании мира. Философия же, как мы полагаем, существует только тогда, когда

обладает самостоятельным взглядом на мир, требуя таких подходов в понимании мира, которые выражают его метафизическую сущность.

То, что характеризует внутренние процессы псевдоцивилизации, — это феномен расовой катастрофы, когда из всех ее политических структур исчезает разумный человек. Подобный феномен вызван разрушением рациональных коммуникаций, в которых происходит взаимодействие между разумными людьми, вследствие чего в политической жизни резко активизируется человек неразумный, опирающийся на разного рода мифологию жизни, дающей ему возможность доминировать в структурах псевдоцивилизации. Понятно, что представление о рациональных коммуникациях, опирающихся исключительно на научно-технический прогресс, является одним из мифов современной массовой культуры. В действительности, разумный человек всегда опирался на ту метафизическую границу, которая была доступна для понимания его разума, а таковой, до недавнего времени, была идея о существовании божественного начала мира. Поэтому мысль о «смерти бога» в философском наследии Ницше мы понимаем, как постановку вопроса о поиске новой метафизической границы с позиции субъективного разума в мировой истории. Однако сама жизнь во всей сложности ее бесконечных проявлений уже ответила на него, когда достаточно только внимательно посмотреть: на каком основании строится вся современная жизнь человека в процессах псевдоцивилизации. Мы видим, что его жизнь практически тотально в момент бодрствования его сознания определяется ритмом времени, который он способен чувствовать.

Анализируя ритм механического времени, для разумного человека становится очевидно, что этот ритм не является историческим. Скорее наоборот, механическое время — это технический инструмент абстрактного рассуждения, цель которого — имитировать ощущение исторического времени. Ведь историческое время характеризуется не мерой математического измерения его течения, а великими событиями, в которых проявляется отчетливая позиция разума человека. Можно сказать, что события, в которых присутствует разум человека, выражают

определенные метафизические фракталы мировой истории, например, такие как великие войны или создание великих произведений искусства, когда именно из них складывается фрактальная цепь событий мировой истории. Но механическое время, как мы полагаем, является такой его мифологической конструкцией, которая включает сознание времени как разумную меру событий мировой истории. Здесь мы находим подобие Темному Времени, например, Западной Европы, когда идея о существовании единого бога как разумной исторической силы мировой истории, в самом начале становления западноевропейской цивилизации была ограничена лишь мифологическими конструкциями Нового и Ветхого Завета. Эти простейшие мифологические конструкции давали возможность освободиться от разрушенных рациональных коммуникаций языческого мира, но исключали возможность возникновения новых рациональных коммуникаций. Аналогичным образом и новейшее историческое время характеризуется мифологией восприятия механического времени, где, с одной стороны, происходит освобождение от разрушенных рациональных коммуникаций, связанных с монотеистической верой, а с другой, исключает возможность существования новых рациональных коммуникаций, поскольку цивилизация, в отличие от псевдоцивилизации, строится не на мифологических представлениях, а на авангардных позициях разумного понимания мира.

С метафизической точки зрения, историческое время есть цепь фрактальных событий, в которых всегда можно найти историческое подобие прошлому, но которое, никогда несмотря на это, никогда не совпадает с настоящим. Так, например, можно полагать одной из важнейших причин гибели Римской империи перемещение на ее территорию огромных масс варваров, до того момента живших на ее окраинах, подобным иммиграции на территорию современной Западной Европы людей из стран третьего мира. Но этих эмигрантов Западной Европы варварами можно назвать только с большими оговорками, поскольку все-таки большинство народов в прошлом пережили опыт древних цивилизаций, то есть хранят в своем подсознании зачатки высших ценностей прошлого. Другое дело,

что в результате расовой катастрофы, то есть распада рациональных коммуникаций этих древних цивилизаций, в них оказалась пассивной воля, этот источник активности разума в человеческой душе. По этой причине они и стремятся в Западную в Европу, чтобы как-то эту волю активизировать. Однако их рассудок не способен понять, что в современной Западной Европе цивилизации уже не существует, а существует лишь псевдоцивилизация, которая выражает только обломки рациональных коммуникаций, которые представляются поверхностному рассудку «разумом».

Таким образом, фрактальная цепь исторических событий, например, расовой катастрофы нашего исторического времени, то есть почти полного исчезновения разумного человека из политической жизни, а также из искусства и науки, определяется подобием фрактальных процессов мировой истории. Первым, на это фрактальное подобие обратил внимание Шпенглер, однако обширный материал его работ имеет ложную предпосылку для понимания: позицию рассудка, которая необходимо взаимосвязана с определенной системой представлений. По этой причине ход событий мировой истории у него оценивается негативно с точки зрения «заката Европы». Впрочем, этот пессимизм мы находим и у Шопенгауэра, который также в основе своих размышлений определяет позиции рассудка и представления. Почему же тогда в философии Ницше речь идет об «утренней заре»?

Одна из основных особенностей философской структуры мысли Ницше состоит в том, что она лишена абстракций рассудочного мышления, которое необходимо избегает противоречий мысли. Можно сказать, что все философское наследие Ницше исключительно противоречиво. Именно здесь мы должны понимать основание рационального мышления, которое присутствует только там, где присутствует противоречивость новизны метафизического мира. На этот принцип рационального мышления обратил внимание Гегель, как известно, построив свою философскую систему на диалектике последовательного положения и снятия противоречивости мысли. Но всегда ли может быть снято противоречие? По опыту философского наследия Ницше мы видим, что не всегда.

Размышляя над природой противоречивой мысли, касающейся границы метафизического мира, можно заметить, что она является одним из основных критериев наличия разумного понимания мира. Ведь противоречивость — это необходимое условие живости мысли не со стороны непосредственных чувственных ассоциаций, характеризующих, например, школу философской мысли английского эмпиризма, а со стороны сохранения всей сложности восприятия ее метафизической природы. И если непосредственная противоречивость восприятия жизни может быть конструктивно преобразована рассудком в систему непротиворечивых суждений, где главным инструментом является научная схема, то в восприятии метафизического мира это исключено. Это исключено, поскольку восприятие метафизического мира, после того как человек его познает в определенной фрактальной структуре, требует возврата к его сложности, а не к упрощающей научной схеме. Но сохранение всей полноты этой метафизической сложности возможно только в феномене искусства, поскольку объективность и субъективность феномена искусства отображает метафизический мир в человеческой душе как в зеркале настоящего момента времени, с одной стороны, удерживающего связь с прошлым, а с другой, указывая на наступающее будущее. Главным инструментом в этом процессе выступает не научная схема, конструируемая рассудком в представлении как часть обжитого мира человека, а его глубинная подсознательная расовая память, обусловленная ритмом течения подсознательного инстинкта смерти. В определенном смысле, можно сказать, что в познании откровения каждого нового мига времени человек переживает акт клинической смерти, полностью разрывая с прошлым и рождаясь в этом мире заново. Понятно, что на этом психосоматическом переживании строилась религиозная жизнь человека, однако в религиозном сознании человек является подобием бога, тогда как в новейшем восприятии метафизической границы, человек — это всего лишь один из равносильных метафизических фракталов мира. Таким образом, расовое существо человека кардинально отличается от его массового существа доминированием высшей психической деятельностью, в первом случае, и активностью низшей психики — во втором.

Резкое ослабление высшей психики человека — один из основных признаков расовой катастрофы, которая является следствием фрактального развития процессов мировой истории. Так, полное возвращение человека к природе, когда границы между рассудком и разумом практически исчезают, в силу того, что разум начинает восприниматься исключительно в качестве разного рода абстрактных представлений, приводит к тому, что мир вокруг человека становится полностью мифологическим. И здесь не принципиально, какие это мифологические представления: религиозного или наукообразного характера, главное, что в этот исторический момент человек почти полностью утрачивает разум как следствие взаимодействия его высшей психики с метафизическим миром. И именно в этот исторический момент в мировой истории начинает доминировать Quasi Homo, то есть активный имитатор разума в социально-политической среде, практически полностью лишенной каких-то рациональных коммуникаций. Этот имитатор начинает создавать «систему» мифов о мире, опирающуюся на определенную историческую традицию. И если такой традицией в религиозном восприятии было известное откровение пророков, то в новейшее историческое время этой традицией является опора на какую-то научную схему или целую систему научных представлений о мире, например, миф о происхождении человека разумного от примата или теорию большого взрыва Вселенной, где главным мифом, конечно, является оценка уровня развития цивилизации с точки зрения достижений научно-технического прогресса. Причем, эта имитация существует во всех сферах жизни человека: в науке, искусстве, политике, когда мифология представлений стала основой для всех сфер человеческой жизни, погружая человека в сон разума. Так начинаются Темные Века мировой истории.

Другой важнейшей характеристикой начала исторического времени Темных Веков является резкая активизация животного человеческого существа, когда человек начинает воспринимать мир за пределами рациональных коммуникаций. Собственно, так и определяется новое население варваров, незаметное в агрессивных структурах

псевдоцивилизации. Незаметно это варварство, поскольку оно строится на новой фрактальной цепочке исторических событий, как, например, оно было незаметно в начале Темных Веков в Западной Европе после падения Римской империи или в начале XX века на территории бывшей Российской империи. Ведь перед падением Римской империи и Российской империи новая вера разложила их политические институты изнутри. Мы имеем ввиду монотеистическую веру и веру в разум, которые, фактически, ликвидировали полноценное расовое существо человека, в котором активна высшая психика. Фрактальная цепь нового архитектурного целого формирующейся модели мировой цивилизации взрывает глубинные подсознательные пласты человеческой психики, возвращая его к животному состоянию души: отсюда — миф о происхождении человека от примата, поскольку неразумный человек не способен объяснить свое происхождение иначе, чем через собственное биологическое существо.

Низшая психика человека не может воспринимать метафизический мир, ибо основой ее активности являются влечения, а не воля, то есть импульсы низшей человеческой психики проистекают из ассоциаций восприятия материальных явлений, окружающих человека, тогда как импульсы высшей психики — из потока метафизических ощущений, к которым, безусловно, следует относить такое ощущение, как индивидуальность человеческой души и индивидуальность его духа. Понятно, что для понимания последних необходима переоценка ценностей этих понятий, как известно, до последнего момента объясняемых исключительно с религиозных позиций. Мы же полагаем, что для понимания человеческой души и человеческого духа необходимо понимание расового бессознательного человека, которое кардинально отличается от его массового бессознательного своим происхождением. Расовое бессознательное человека взаимосвязано с его высшими центрами психики через инстинкт смерти, в котором производятся индивидуальные импульсы воли, доказывающие наличие у человека индивидуальной души и индивидуального духа. Но разумный импульс воли исключен в качестве реальности в современных процессах псевдоцивилизации, поскольку все эти процессы построе-

ны на сублимировании подсознательных влечений, формирующих в человеке только низшую, массовую психологию. Именно анализ расового бессознательного должен дать материал для происхождения метафизического пространства существования *Homo sapiens*.

Известная нам биологическая теория происхождения человеческих рас является мифом. Можно, конечно, вывести происхождение неразумного существа человека из биологической классификации рас, но нас интересует происхождение и сущность человеческого разума, а не материя, в которой этот разум некоторым образом присутствует. Мы оставляем исследование неразумной, массовой психологии человека, для изучения разного рода псевдоученым, в первую очередь, конечно, активной среде психоаналитиков. Нас, вообще, должны интересовать самые простые и, в определенном смысле, самые наивные элементы того нового мира, который с трудом просвечивается за этим страшным туннелем мрака современных Темных Веков. А они отсвечивают метафизикой фракталов архитектоники разума, в которых современное массовое общество, как и сам массовый человек, оцениваются в качестве неразумного проявления внутренних процессов псевдоцивилизации. Но это не пассивная наивность, например, современного течения примитивизма в живописи, в котором первобытное искусство становится предметом подражания, а наивность присутствия человека в чистом откровении бытия, требующего от него максимального проявления воли к власти. Ведь только авангардная сила присутствия откровения нового мира может быть соизмерима с высшими ценностями прошлого, в которых черпает вдохновение возвышенное состояние человеческой души. Причем, следует заметить, что в поиске высших ценностей, в первую очередь, разум в эпоху расовых катастроф возвращается к тем достижениям, которые были топологически «заметены» новой моделью исторической цивилизации: в христианской — к египетским, а в современной рационалистической вере — к древним грекам.

Мы видим, как моральная клоака Темных Веков постепенно обживает в наше историческое время, поскольку у массового человека нет другого выхода, как находить

какой-то разумный смысл там, где его нет. А для того, чтобы неразумное называлось «разумным» всегда можно применить разного рода мифотворчество, которое всегда опирается на определенную традицию. Именно подобное мифотворчество, опирающееся на тотальную магию активности научно-технического прогресса внутри псевдоцивилизации, и стало основанием для мифологических представлений, что современный массовый человека существует в «цивилизации». Здесь, конечно, одним из важнейших регуляторов этой бессмысленной, с точки зрения разума, человеческой жизни является финансовая система, раздутая в исторической реальности псевдоцивилизации до абсолютного влияния на повседневную жизнь человека. В этой мифологии: великие войны, великие географические и научные открытия трактуются как реализация «экономической необходимости» разного рода политической группы людей в истории. Так, массовому сознанию пытаются внушить, что мировая цивилизация возникла в силу того, что человек всегда преследовал цель определенной экономической целесообразности жизни. Понятно, что в данном случае речь идет о том, чтобы доказать право на власть и собственность известного типа Quasi Номо в массовой псевдоцивилизации. А доказательство, если оно лишено разумных аргументов, может опираться только на миф, который оказывается действенным в силу определенной традиции. Ведь по существу, любая традиция постепенно уничтожает все разумное в человеческой жизни, когда выходит за пределы своей логической компетенции. Мы видим, как рушится влияние христианской церкви, когда она попытается искать «научные» доводы в своем доказательстве существования бога. И аналогичным образом, мы видим, как в новейшее время традиция веры в научно-технический прогресс крушит полноценность человеческой жизни, демонстрируя почти тотальную иррациональность массовых коммуникаций, вследствие чего подрывает основы веры в подлинную науку.

В нашем понимании, появление и исчезновение расового существа представителя Номо sapiens как строителя мировой цивилизации является фрактально периодическим. Можно сказать, что разумный человек неожиданно

появляется в мировой истории как доминирующая политическая сила определенной фрактальной цепью событий и также неожиданно исчезает. Как известно, это явление в мировой истории пытался проследить Шпенглер, конструируя материал мировой истории в проекции на производство высших ценностей и постепенное прерывание процесса их производства. В конце фрактальной цепи некоторого исторического производства высших ценностей в его концепции мировой истории возникает активность «интеллектуального кочевника», строителя социальных связей массовой культуры, имитирующего наличие разумного смысла жизни человека. Но это слишком высокая оценка — «интеллектуальный кочевник» для представителя Quasi Homo, которая может быть дана только с позиции чего-то равного, то есть с позиции рассудка, на основании которого строил свою концепцию мировой истории Шпенглер. Позиция же разума предполагает, что тип Quasi Homo — это гробовщик рациональных коммуникаций мировой цивилизации, исторический «червь», уничтожающий последние остатки признаков человеческого разума и заполняющий разнообразным иррациональным мусором массовых ценностей повседневную человеческую жизнь.

Можно сколь угодно долго отсчитывать историческое время машинным образом, как это имеет место в современных социально-политических структурах массовой псевдоцивилизации, разумный дух мировой истории в человеческой жизни от этого не появится. Люди рождаются и умирают как биологические роботы, без какого-то разумного смысла жизни, почти полностью погруженные в мифологические представления об окружающей реальности, когда вместо познания реальных явлений поверхностный рассудок исследует свое абстрактное представление о них. Мы утверждаем, что представитель расы Homo sapiens есть существо, в первую очередь, метафизическое, а не биологическое. И здесь можно вспомнить учение Ницше о сверхчеловеке, где утверждается, что «человек — это то, что надо преодолеть». Ведь сверхчеловек — это и есть метафизическая энергия разумной воли человека,

которая не может быть адаптирована к монотонности связей и целей его повседневных житейских забот, поскольку основой этой энергии является постоянный риск балансирования на острие познания метафизической границы. Этот риск обусловлен непрерывным «разрывом» единства человеческого существа метафизическим импульсом воли к власти, когда человека, собственно, нет в этом импульсе, поскольку человек не может естественно-биологически стремиться к переживанию подсознательного инстинкта смерти, к этому может стремиться лишь его индивидуальный дух, стремящийся постигнуть границу метафизического мира. Дух необходимо разрывает живое человеческое существо, чтобы появилась возможность проникновения в метафизический мир, вибрируя энергией расового бессознательного, в котором действуют ресурсы высшей человеческой памяти. Но проблема новой метафизической границы состоит в том, что человек не может свести свой индивидуальный дух к сознанию какой-то божественной силы, сопричастной его происхождению, постоянно находясь наедине с границей материального и метафизического в качестве разумного волевого импульса. Так, с огромным допущением можно полагать, что сублимированное влечение, на основе которого действуют все внутренние социальные процессы массовой псевдоцивилизации, тоже являются бесконечно малыми импульсами «воли». Однако такое допущение справедливо только по отношению к логике человеческого рассудка, который не обладает внутренними ресурсами для познания разумного мира. Именно поэтому для линейных представлений человеческого рассудка о сущности времени достаточно восприятия его в течении механических часов. Ведь механическое время — это монотонность жизни человека в своей предельной форме выражения, когда воля может ассоциироваться только с чем-то исключительно стабильным для социальной жизни, а именно с сублимированным животным влечением души.

Мы утверждаем, что метафизическое пространство существования расы *Homo sapiens* в событиях мировой истории имеет циклический характер, который обусловлен фрактальными цепями течения исторического време-

ни. В начале каждой такой цепи возникает Темное Время, а в конце — процессы псевдоцивилизации, где разумная жизнь угасает и где остается лишь имитация разумной жизни человека. Более того, эти фрактальные цепи могут протекать параллельно другим цепям, когда рядом с историческими территориями, где начались уже новые Темные Века, еще существуют небольшие островки цивилизованного мира. Так было в исторический момент нашествия большевистской орды на территории Российской империи и образовании на ее развалинах полу варварских советских общин. Рядом с обломками империи, на которых кипели животная энергия новых варваров, еще существовал цивилизованный европейский мир, причем не в качестве мифа, как в наше историческое время, а как реальная политическая сила. Но сейчас все изменилось. Все рациональные коммуникации западноевропейского цивилизованного мира рухнули, обнажив бессмысленный иррационализм массового образа жизни человека. Так, мы видим конец фрактальной цепочки производства высших ценностей в судьбе Западной Европы как опоры существования мировой цивилизации в последние века.

Проблема состоит в том, что инструмент, на который до недавнего времени опирались все разумные знания человека, а именно философский фундамент понимания мира, стал мифом по отношению к максимально усложнившейся научной картине мира. Эта историческая ситуация фрактально подобна, например, ситуации позднего Средневековья, когда максимально разработанная формальная логика поздних схоластов не могла остановить необходимость кардинального изменения политической реальности в западноевропейском мире, где основой разума должна была стать наука. Впрочем, подобное сравнение достаточно условно, поскольку эти процессы протекали в пределах перестройки одной модели мировой цивилизации, а именно, западноевропейской, тогда как в наше историческое время речь идет о возникновении принципиально новой исторической модели, которая действительно должна стать мировой цивилизацией.

Восприятие метафизического чувства времени изнутри фрактальной цепи исторических событий дает ощущение чего-то вечного. Причем это чувство вечности яв-

ляется не мифологическим, а тем чувством архитектурного целого, которому причастен разум человека в момент метафизического действия его индивидуальной воли. А последнее возможно только при условии производства в этот момент высших ценностей жизни. Очевидно, что наука высших ценностей не производит. Эмпирическая наука, будучи в большей степени проявлением рассудка, чем разума, стремится, наоборот, все приводить к некой единой шкале ценностей, то есть к такой математической модели, в которой иерархическая сложность ценностей жизни должна быть сведена почти к нулю. Только в подобной нигилистической позиции низших ценностей рассудка может существовать массовое общество.

Началом становления новой модели мировой цивилизации является такая политическая структура, как лигари-стический союз. Особенность ее формирования можно было наблюдать по таким новейшим политическим движениям в мире, как фашизм, коммунизм и маоизм. Так, первоначально, обнаруживается нигилизм сознания человека, лишённого многовекового опыта традиции, оказавшегося наедине с откровением тайны мира, которая настолько разрушительна для восприятия, то человек теряет свою индивидуальность, воспитанную традицией, соприкасаясь с ее откровением. С другой стороны, в основе активности новых политических сил в Темные Века всегда выступают варварские или полуварварские силы, которые до этого момента были в тени событий мировой истории, относясь либо к низшим сословиям, либо к рабской человеческой природе. Но иначе и не может быть. Мы должны понимать, что человеческая природа имеет ограниченные ресурсы высшей психики человека. Находясь в авангарде мировых исторических событий, высшая психическая активность человека неизбежно истощается, когда постоянное усилие метафизического импульса воли, на основе которого держатся рациональные коммуникации, возвращаются в конце фрактальной цепи исторических событий к естественной активности влечений в момент бесконечной усталости человеческой души. Именно в этом следует видеть кризис

всех религиозных представлений в судьбе господствующих мировых народов, которые сменяются более молодыми в истории, подхватывая эстафету развития строительства мировой цивилизации. Традиция — это компромиссная система представлений человека, которая гарантирует ему устойчивость определенного быта за счет постепенного истощения влияния метафизического мира на его повседневную жизнь. В конце фрактальной цепи исторических событий наступает момент, когда метафизическая граница исчезает полностью, что, как известно, в контексте новейшего исторического времени, выразилось в известной формуле Ницше «бог умер».

То, что мы наблюдаем на зачаточном уровне формирования лигаристических союзов в мировой истории в начале новой фрактальной цепи исторических событий, — это возвращение к состоянию животной непосредственности человеческой души при условии сохранения и даже значительного роста новых научных технологий. Эта особенность исторического феномена — сохранение и даже рост новых научных технологий при параллельном возвращении к состоянию варварства, с точки зрения рациональных коммуникаций между людьми, характеризует процессы мировой истории как нелинейные. То, что особенно заметно в массовой активности человека, потерявшего следы разумной индивидуальности в это историческое время, так это потеря им той человечности, которая определяется присутствием в его непосредственной жизни причастности к высшим ценностям. Низшие же ценности, как бы не раздувала массовая культура их значимость, могут развивать лишь человеческий рассудок, но не разум, поскольку конечные представления рассудка никогда не касаются авангардных знаний разумного мира, а стремятся лишь сохранять достигнутое в опыте исторической культуры.

Повторим еще раз очевидное, что отрицается поверхностным рассудком, практически неизвестным с историческим существом разума в современной России, а именно тот факт, что в 17-ом году в истории России произошла не революция, а нашествие большевистской орды. Понятно, что лет через сто, когда неразумный тип человека, доминирующий в современной социально-политической ре-

альности России, будет оттеснён политическими силами, каким-то образом причастными к разуму, это исторический факт станет очевидным. Но в наше время, время слишком Темных Веков, когда в социальном сознании российской реальности доминирует только разнообразная мифология представлений о российских исторических событиях, сон разума исключает критическое отношение к пониманию событий мировой истории. Мы же стоим по позициям объективного исторического разума, угадывая впереди российской истории конец этого мрака и начало ослепительного света, а потому игнорируем то тотальное слабоумие, которое практически полностью владеет умами людей в мифологии современных исторических представлений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АРХИТЕКТОНИКА РАЗУМНОГО МИРА

*Каждый миг начинается бытие;
вокруг каждого «здесь» вращается кольцообразное «там».*

Середина — повсюду.

Путь вечности — кривая.

Ф. Ницше

IV

Тензорное течение времени предполагает, что дух мировой истории — это отображение усилия метафизического импульса воли, который наполняет жизнь человека причастностью высшим ценностям. Можно сказать, более определенно, что рациональные коммуникации между людьми существуют только тогда, когда существует производство высших ценностей в определенную историческую эпоху. Когда же процесс производства высших ценностей заканчивается, рациональные коммуникации исчезают, а вместе с ними исчезает и дух мировой истории. Техническое же течение времени можно придумать какое угодно, если у человека богатое воображение. Представление предоставит ему такую схему, в которой он будет воображать себя в событиях мировой истории, хотя в действительности будет находиться в Темных Веках, где историческое время практически отсутствует, поскольку это время своего рода «черная дыра», в которую свет истории не проникает. Именно так и жили люди в очередных Темных Веках, когда рациональные коммуникации между ними отсутствовали, то есть они просто не замечали отсутствия разума в собственной жизни в силу отсутствия высших ценностей, которым они были причастны.

Если попытаться ответить на вопрос: почему значительное доминирование высших ценностей действует на достаточно ограниченном промежутке времени, тогда как в другое историческое время их производство резко ослабляется, а в Темные Века вообще прекращается, то необходимо осознать, что ресурсы высшей человеческой психики конечны, то есть исчерпаемы в принципе, тогда как ресурсы подсознательных влечений человека практически безграничны. В последнем случае, человек функционирует как биологическая машина, черпая энергию сублимированных влече-

ний для своей активности в определенном пространстве представлений культуры. Однако необходимо все-таки отличать ценности сознания домохозяйки и великого философа, как это заметил еще Гегель, причем видеть бесконечную пропасть между этими ценностями, хотя оба этих человека могут жить в соседних домах, встречаясь каждый день друг с другом. В этом смысле, ценности домохозяйки практически целиком и полностью являются массовыми, будучи произведенными из подавления подсознательных животных влечений, за счет которых вырабатываются определенные стереотипы поведения людей для любой исторической эпохи, где очевидно их фрактальное подобие с точки зрения ведения домашнего хозяйства. Но философ, в отличие от человека с обыденными представлениями, всегда ищет разумное обоснование собственной индивидуальности и мира, а потому неизбежно разрушает мифологию ценностей своей исторической эпохи. Поиск основания существования бытия — это необходимое условие существования подлинной философской мысли. Именно здесь мы находим предпосылку философского понимания фрактальной цепи исторических событий в философии Ницше, у которого воля к власти как раз и определяет пропасть между мыслящим разумом и мифологическими представлениями рассудка, не причастного к нему. Воля к власти — это и есть подлинный разумный дух мировой истории, с точки зрения субъективного восприятия времени, который характеризуется не монотонностью жизни человека, чье сознание пребывает в системе мифологических представлений, а прорывом метафизического мира в его индивидуальный мир как присутствие живого духа великих исторических событий.

Следует понимать, что человеческие массы и массовое общество как проявление их политической активности, никогда не были участниками исторических событий, но были «гробовщиками» этих событий. Миф о том, человеческая масса — это «движущая сила» мировой истории, есть не более, чем миф поверхностного рассудка. Конечно, этот примитивный рассудок находит различные инструменты для обоснования истинности своих суждений: научные схемы, эмпирические факты и тому подобное,

но весь этот мусор аргументов может вдохновить либо полуварский ум, который стал инициатором возникновения большевистской орды в России, либо тех «интеллектуальных кочевников» западноевропейского мира, которые окончательно разложили своей безвольной активностью все рациональные коммуникации европейской цивилизации.

Для нас движущей силой мировой истории является раса *Homo sapiens*, которая периодически возникает и также периодически исчезает как метафизическая сила в событиях мировой истории. Мы отвергаем миф о том, что эта раса возникла в результате линейного развития эволюции человека, поскольку видим, что активность разумного человека практически исчезла в современных процессах псевдоцивилизации. Также бессмысленным является для нас миф о «высшей расе» в среде других биологических рас. В биологическом мире существует равенство животных видов в силу их неразумного существования. Раса *Homo sapiens* — это для нас, в первую очередь, историческая сила, которая создала мировую цивилизацию как опыт существования метафизического пространства, где действует власть высших ценностей.

Исторически, можно наблюдать, как фрактальная цепь мировой истории «свертывается», заматывая за собой рациональные коммуникации, то есть постепенно следы расы *Homo sapiens* исчезают, оставляя после себя тот лживый и легкомысленный тип *Quasi Homo*, который формирует такую социально-политическую реальность, где место разумному человеку не предусмотрено. Здесь следует понимать, что отличие между *Quasi Homo* и *Homo sapiens* выражается не в биологии, а в кардинальном отличии строения души, а именно в действии подсознательной памяти. Если психология памяти *Quasi Homo* строится на воспоминаниях из опыта непосредственной личной жизни, то память разумного человека — из глубинных слоев памяти, которая заложена в его подсознании воспоминаниями высших ценностей, которые произвела история мировой цивилизации. Именно поэтому разумный человек всегда существует в событиях мировой истории, что метафизическим импульсом его воли владеет подсознательная память высших ценностей. Поэтому, если об-

ратить внимание на рабочий материал психоаналитиков массового общества, то можно заметить, что он полностью строится из воспоминаний, которые ограничены исключительно опытом конечной человеческой жизни. В подобных исследованиях не учитывается, что источник этих воспоминаний — среда массового общества, по существу, есть неразумная политическая структура, а потому все индивидуальные бессознательные воспоминания, связанные с опытом существования в ней человека, являются неполноценными по отношению к разуму. В этом смысле, с точки зрения фрактальной последовательности исторических событий, это есть момент топологического «свертывания» фрактальной цепи в «точку» исторического небытия человеческой жизни.

В основе тензорного течения исторического времени лежит метафизическое усилие воли человека как существа *Homo sapiens*. Для нас принципиально, что воля, по существу, а не в качестве мифологического представления об энергии сублимированного влечения, черпает свою энергию не из биологического, а из метафизического начала человеческой души. Это начало присутствует в человеческой душе в качестве метафизической энергии подсознательного инстинкта смерти. Как известно, подобный образ жизни человека, протекающий под влиянием высших свойств памяти, называлась «судьба» или «рок» в историческом прошлом, подчеркивая, что, помимо решения ежеминутных проблем текущей жизни, в человеческой душе есть силы, требующие помнить о чем-то вечном как непреклонность самого духа. Именно так возникло понимание наличия духа в человеческой душе. Однако человеческое представление, на какую бы мощь традиции оно не опиралось, всегда заканчивает свое существование каким-то мифом или системой мифов, поскольку топология метафизики фрактальной цепи исторических событий неминуемо «сворачивается» в точку, которая становится основой монотонности обыденного образа жизни человека. Представление — это максимум, что способен предложить человеческий рассудок в качестве целостности познания мира.

Топология тензорного течения метафизики времени предполагает, что в метафизическом усилии воли челове-

ка в его непосредственном образе жизни всегда присутствует историческое прошлое как живое и разумное существо. Оно владеет человеком через ресурсы высшей памяти, когда его индивидуальное сознание ориентировано на высшие, а не на низшие, ценности. В определенном смысле, можно полагать, что метафизика времени — это и есть высшие психические ресурсы памяти человека, «заметающие» его настоящее мощью исторических великих событий, произошедших в истории мировой цивилизации. Но рассудочная система представлений о мире ограничена ценностями культуры. Именно поэтому философия Гегеля требует их диалектического отрицания, возвращая разум к неисчерпаемой полноте самой идеи жизни, в которой действует метафизический импульс воли. Ведь ослабление метафизического импульса воли неминуемо влечет за собой течение ровной монотонности человеческой жизни, и, как следствие, преувеличение значимости мелких повседневных забот человека. Именно по этой причине Ницше всю жизнь бунтовал против библейского учения, что психологическая полнота библейского откровения опирается по минимуму на метафизический импульс воли. В определенном смысле, можно сказать, что библейское откровение сформировалось как сведение к линейному течению фрактальных точек всей бесконечной мощи воли угасающей египетской цивилизации. Так, Фрейд полагал, что европейцы так и не смогли полностью усвоить монотеистическое учение, что метафизический импульс воли не предполагает процесс сублимирования влечений. Фактически, в противоположности системы ценностей учения Ницше и психоанализа Фрейда можно найти глубину пропасти ценностей: между исторической сущностью мировой цивилизации и человеческими ценностями культуры.

Одним из сильнейших предрассудков массовой культуры является представление, что воля может иметь животное происхождение, что ставит не просто знак равенства между влечением и волей, но и устанавливает приоритет действия сублимированного влечения в непосредственной жизни человека в силу ложного представле-

ния о сущности воли. Именно подобная мифология представлений о существовании воли и дала возможность полагать, что нашествие большевистской орды является «революцией» в России, а ничтожный мусор низших ценностей современной европейской псевдоцивилизации, в который вовлечен массовый человек, — исключительной значимостью научно-технического прогресса в судьбе мировой цивилизации. В действительности же, мы обнаруживаем вокруг себя, с точки зрения рациональных коммуникаций, почти полный иррационализм жизни человека, где тотальная погруженность сознания в непосредственные чувственные восприятия, не дает возможности проявлять человеку индивидуальную волю, и, как следствие, существовать рациональным коммуникациям. В этом смысле, процессы современной псевдоцивилизации отображают не разум человека, а его неразрывную взаимосвязь с его бессознательным животным существом, лишь локально ограниченного (сублимированного) массовой культурой. Фрейд потому и ввел для обозначения ограничительных механизмов массовой культуры понятие «табу», что с позиции разумного образа жизни, первобытное существо человека мало чем отличается от образа жизни современного массового человека. Подобный «провал» цивилизации в хаос процессов псевдоцивилизации, практически незаметен, поскольку массовое сознание всегда находится в состоянии гипноза под действием соответствующей системы мифологических представлений рассудка. Рассудок, в данный исторический период мировой истории, начинает работать против разума, ибо перестает различать что-либо кроме абстракции, которая утрачивает взаимосвязь со сложной природой мира. Абстракция же — это и есть основной материал культуры, поскольку цивилизация проявляется в самых сложных и противоречивых движениях человеческой души, в которых выражается разумный образ жизни человека как воля к власти в выражении метафизического пространства онтологического потока времени.

Мы видим, что если оценить доминирующие представления об исторических событиях в современной России, то они практически полностью мифологичны. Так, нашествие новой орды, «перестроечной», с ее «героями» и ми-

фосказателями, здесь полагается чем-то причастным цивилизации, хотя с точки зрения разумной исторической действительности является разрушением той зачаточной системы лигаристического союза, которая во многом «перемолола» последствия большевистской орды 17-го года, сложившись в СССР как зачаточная модель новой цивилизации. Но мы, кто опирается в своих оценках на разум, а не на мифотворчество человеческого рассудка, должны понимать, что возврат в России к системе лигаристического союза неизбежен. Эта неизбежность следует из законов мировой истории, когда топологическое наполнение начальной точки фрактальной цепи исторических событий, первоначально, начинает расти в качестве разрушения варварской психологии человека ресурсами высшей памяти, которая действует как пространство расового бессознательного на территории, где еще недавно существовали народы, каким-то образом причастные событиям мировой цивилизации. Этот процесс мы наблюдаем в судьбе всех исторических народов, и российская модель цивилизации в этом случае лишь повторяет подобный фрактальный путь исторических событий. Ведь путь расы *Homo sapiens* — это путь воли к власти высшей человеческой памяти, сохраняющей в себе взаимосвязь с опытом высших ценностей мировой истории, которые произвела мировая цивилизация. Мусор же псевдоцивилизации, выбрасываемый в конце определенной фрактальной цепи исторических событий, которые характеризуются экономическими и производственно-технологическими процессами, уже не относится к энергии расы *Homo sapiens*, а выражает психическую энергию сублимированных влечений *Quasi Homo*. Но примитивное мышление способно оперировать только ценностями поверхностного рассудка, воспринимая экономические и технологические процессы как основание цивилизации. Именно этот поверхностный рассудок и создал миф о значимости человеческой массы, этой неразумной политической силы, чья энергия не имеет воли, а строится только на активности сублимированных подсознательных животных влечений. Впрочем, человеческая масса может проявлять и агрессивность, но только в качестве разрушения того, что цивилизация всегда стремится утвердить, то есть основу высших ценностей между

людьми. Так, мы видим, что, в первую очередь, человеческая масса — это среда коммуникаций, где резко понижается качество человека, то есть возникает такое социально-политическое пространство, в котором разум исключается, поскольку в этом пространстве коммуникаций в принципе исключается разумная индивидуальность. Впрочем, так происходит в конце любой фрактальной цепи событий, например, в конце средневекового периода европейской истории, где вместо сакральных сил, связанных с ощущением причастности человека к божественному началу мира как его бесконечной полноты, возникает мифология значимости бесконечного множества самых незначительных мелочей человеческой жизни. Аналогично, и в наше историческое время наукообразная мифология заполняет сознание человека активностью технократической псевдоцивилизации, утверждая, что все существующее — материально.

Для нас принципиальным моментом отличия бессознательного импульса воли от бессознательного импульса влечения является то, что импульс воли возникает не из животного влечения. Но тогда из чего? Именно здесь мы видим ограничение теоретических возможностей психоанализа, который не выходит за пределы исследования массового бессознательного. Мы утверждаем, что в глубинах человеческой души существует расовое бессознательное, которое обусловлено не влечениями человека, то есть его животным существом, а волей, которая формируется духовными импульсами. В вопросе происхождения духовных импульсов подсознания человека мы указываем на инстинкт смерти человека как движение его расового бессознательного, из которого возникают силы, отрицающие ценность его личности перед высшим началом бытия. Понятно, что эти силы не могут иметь отношения к мусору социальных ценностей массового сознания. Таким образом, тензор духовного импульса воли не может выражать только настоящий момент времени в сознании человека, ибо настоящее — это «свернутая» фрактальная точка мирового события, где линейное представление об историческом процессе мифологизирует историю. Наоборот, можно сказать, что духовный импульс воли топологически «закручивает» настоящее во что-то ничтожное, формируя активную до недавнего времени историческую позицию субъективного

разума европейского нигилизма. Впрочем, утверждение, что философия европейского нигилизма является новейшей позицией субъективного исторического разума, требует принципиально по-другому понимать идеи Ницше, оставляя в стороне примитивные ярлыки оценки его философии как «волонтаризм» и «иррационализм». Ведь рассудок, «расправившийся» в наше историческое время с существованием рациональной философии через попытку ее полного растворения в чем-то наукообразном, отрицает ценность мысли, если отсутствует отчетливая научная схема понимания.

Возвращаясь к моменту исторического возникновения политической конструкции лигаристического союза, мы должны понимать, что топологический рост ее структуры в иррациональной среде псевдоцивилизации предполагает наличие какого-то минимума рациональных коммуникаций, которые, фактически, отсутствуют в период Темных Веков мировой истории. С другой стороны, следует понимать, что полного варварства никогда не существует в истории, поскольку народы, пострадавшие от нашествия разного рода орд, оставляют тот ничтожный полноценный человеческий ресурс, который и становится слабым ядром лигаристического союза. Это относится, в частности, к военным специалистам русской армии, которым удалось сделать некое подобие армии из разрозненных большевистских орд, или, например, к тем остаткам полноценных римлян, которые долгое время не допускали в иерархи христианской церкви полудиких германцев. Проблема состоит в том, что в конце существования Римской империи неизвестно, кто больше поддерживал внутренний каркас римской цивилизации: цивилизованные германцы или практически полностью потерявшие волю римляне. Так, и современные афро-французы в массовом обществе европейской псевдоцивилизации в большей степени заявляют о том, что они — «французы», чем сами французы, поскольку стало непонятно, исторически, а куда же делась историческая воля французской нации? Впрочем, более полтора века назад на этот феномен исчезновения воли романской расы обратил внимание Лебон, описавший процесс восстания масс с точки зрения феномена расовой катастрофы, то есть исторического факта исчезновения

активности разумного человека в определенные периоды мировой истории. А вслед за ним через полвека почти аналогичный приговор вынес Шпенглер всей западноевропейской цивилизации в своем известном «закате Европы».

Возвращаясь к размышлениям о двойственной структуре фрактала, которая, помимо художественной архитектуры бытия, имеет и научное содержание, следует заметить, что мы, в первую очередь, описываем ценности сознания, протекающие в русле высших ценностей мировой истории. А поскольку это сознание ориентировано на метафизическую границу мира, то речь, безусловно, идет о чем-то сверхчеловеческом, если полагать, что законы развития мировой цивилизации в своих авангардных процессах относятся к ценностям культуры так же, как сверхчеловеческое относится к человеческому. Мы полагаем, что главной особенностью метафизического импульса воли, отличающего его от импульса сублимированного влечения, является то, что он движется, игнорируя бессознательный инстинкт самосохранения человека, ориентируясь при этом на высшие ценности. Собственно, и возможности представления, обусловленные познавательными способностями рассудка, потому и требуют научного схематизма знаний о прошлом и будущем, что, в противном случае, настоящий исторический момент времени «расползается» под сомнением в его исключительной значимости. И причины для подобного топологического «расползания» понятны. Ведь возможность представлять себе мир как линейный процесс существует только при условии представлений рассудочной мыслью исторических событий как «точек» математических последовательностей. В этом случае, фрактальные цепи становятся линейными функциями представлений, где каждый материальный объект имеет максимально четкую воспринимаемую границу мира. Но по отношению к разумному восприятию — все наоборот. Подобная максимальная отчетливость чувственно воспринимаемой картины реальности материального мира достигается за счет предельного упрощения границы между прошлым, настоящим и будущим, когда, фактически, прошлое и будущее

воспринимается как нечто мифологическое, а настоящее получает статус единственно существующего. Другими словами, бессознательная взаимосвязь человеческой души с прошлым и будущим насильно подавляется механической энергией сублимированных влечений, которая вырабатывается в результате взаимодействия с социально-политической системой массового общества. Так, в человеке упраздняется разумная душа, а вместо нее в сознание внедряется миф о психической активности, зависящей исключительно от процессов псевдоцивилизации, которая в массовом сознании получает статус «цивилизации».

Для понимания сложности новизны исторического восприятия фрактальных цепей исторических событий нашего времени мы должны произвести сравнение с исторической ситуацией Темных Веков, например, Западной Европы, в которой рухнули рациональные коммуникации античного мира, а новая модель цивилизации еще не существовала. Здесь мы обнаруживаем максимально примитивное понимание метафизического мира, в котором происходит резкое противопоставление: духовного и материального с позиции библейского откровения. В проекции на наше историческое время оно имеет своим подобием фрактальное восприятие реальности, где, наоборот, материальное и идеальное топологически «смешиваются» в максимальной целостности разумной архитектоники бытия. Именно в силу возврата человека в бесконечную сложность метафизического пространства в момент откровения нового мира и возникает у современного человека ощущение утраты взаимосвязи с чувством истории, хотя с рационально-объективной точки зрения следует полагать, что речь должна идти об известной субъективно-рациональной идее Ницше о «вечном возвращении». И вообще, мы должны понимать философию Ницше как первый опыт субъективного разума в понимании фрактальных законов мировой истории.

V

Известно, что открытие природы бессознательного в человеческой психике является одним из фундамен-

тальных научных открытий в XX веке. Возможно, с точки зрения его открытия, был нанесен один из самых мощных ударов по идеи божественного происхождения мира, когда на различные подсознательные моральные ограничения стали смотреть с позиции первобытных табу. С позиции же фрактального характера течения мировых событий подобный возврат человека к почти полностью животному состоянию психики характеризуется утратой им разума при условии сохранения действия абстрактного рассудка культуры. Насколько глубока пропасть между способностями человеческого рассудка и разума можно оценить по современной дикой попытке биологов предполагать, что и высшие приматы способны на «разумные» действия, если пытаться вести с ними определенные научные эксперименты, например, с примитивным математическим счетом. Однако классическим философским пониманием сущности разума у человека, наоборот, является сам критерий его отличия от животного, которое разумом не обладает.

Особенностью двойственной природы фрактала, который выражает и архитектонику художественного целого в восприятии мира и, одновременно, математические свойства топологической конструкции, обладают и мировые исторические события. Так, научный прогресс и варварство всегда переплетаются в исторических событиях, поскольку фрактальные цепи исторических событий то исчезают, то возникают из топологических точек фрактального пространства метафизического мира. Можно сказать, что различные исторические времена текут «параллельно» в том смысле, что возникновение чего-то принципиально нового в политической жизни мировой цивилизации неизбежно требует разрушения «отработанных» социальных структур, которые являются лишь опытом обживания определенной метафизической границы за счет формирования определенных представлений о мире. Но существует в истории мировой цивилизации момент глобального слома ее внутренней модели, которая гарантирует ее устойчивость в течении веков и даже тысячелетий. Это момент расовой катастрофы, который характеризуется утратой многовековой веры, сопровождающийся тотальным обвалом рациональных коммуникаций,

когда разумный человек перестает контролировать политическую ситуацию, и тогда начинается хаос процессов псевдоцивилизации. Не случайно поэтому в сознании человека возникла структура фрактала — мера метафизического мира, которая дает возможность упорядочить сознание окружающего его хаоса.

Когда мы размышляем над современными событиями Темных Веков мировой истории, то обнаруживаем в них обвал рациональных коммуникаций во множестве процессов псевдоцивилизации. Так, с одной стороны, мы наблюдаем ликвидацию наиболее полноценной природы человека, обладающей разумом, в иррациональной системе массового социума, а с другой, резкую активизацию наиболее примитивной человеческой природы, разумом не обладающей, но обладающей очень цепким прагматичным рассудком. Этот прагматизм человеческого рассудка, на котором строятся все внутренние процессы современной псевдоцивилизации, является следствием сублимирования подсознательных животных влечений, в которых бессознательный инстинкт самосохранения человека создает социальные структуры, гарантирующие ему выживание. Мы должны осознавать неизбежность подобных расовых катастроф, когда максимальная активизация животного человеческого существа вызвана резким ослаблением разумной воли человека, которая веками контролирует и поддерживает рациональные коммуникации мировой цивилизации. Поэтому необходимо рассуждать о том, что тотального варварства никогда не бывает в событиях Темных Веков. Его не бывает хотя бы потому, что жалкие остатки расовых сил *Homo sapiens* все-таки остаются в этой моральной клоаке Темных Веков, не давая неразумному человеку полностью дегенерировать. Эти силы, конечно, нельзя назвать «политическими», поскольку массовое бессознательное исключает наличие в структурах массового общества разумного человека. Эти силы являются своего рода фрактальными «точками» будущего роста метафизического импульса воли, которые маячат на историческом горизонте наступающими Средними Веками.

Особенностью баланса современных политических сил в системе функционирования мировой псевдоцивилиза-

ции является отсутствие действия разумной воли в западноевропейских странах, с одной стороны, и доминирование неразумного человека за их пределами, с другой. Фактически, идеология псевдолиберализма, на которую опирается активность низших ценностей в массовом обществе, остается единственной идеологией, претендующей на нечто «разумное» в силу тотальной власти мифологических представлений о реальности. Ведь для разумного человека давно стало очевидным в наше историческое время, что политическая система современного либерализма опирается не на разумные начала человеческой души, а на инерцию внутреннего сопротивления неизбежности разрушения мифа о ценности «свободы» в массовом обществе. В действительности же, с точки зрения объективного исторического разума, мы должны понимать, что речь должна идти об активности «свободы» Quasi Homo, то есть такого человеческого существа, которое, научившись умело имитировать разумный образ жизни, на самом деле его отрицает. Средства тотальной мифологизации сознания известны: доминирующие экономические ценности, совершенствование производственно-технологической базы псевдоцивилизации и тому подобные мифы, которые, в силу отсутствия к ним критического отношения, воспринимаются как единственно возможная социально-политическая реальность «цивилизации». Такая мифология устраивает тех, кто не желает каких-то кардинальных изменений в судьбе мировой цивилизации, выдавая Темные Века существования человека за ее «высшее» историческое достижение. Устраивает это, в первую очередь, и наследников перестроечной орды в современной России с ее мифом о «приватизации» в 90-ых годах, за которым стоит реальность разграбления государства полу варварскими силами, и ту полностью потерявшую разум западноевропейскую политическую власть, которая отказалась от духа отцов в животном слабоумии матриархального единства современной тотальной деградации европейского массового общества. Собственно, подобное политическое равновесие сил, где отсутствуют какие-то проблески разумной жизни человека, предполагает полное отрицание существования исторической альтернативы массовой системе ценностей, как,

например, исключала какую-то альтернативу вере в библейское откровение средневековая власть христианских представлений о мире.

Таким образом, объективно-рациональная оценка всех известных политических сил псевдоцивилизации требует признать, что все они неразумны, доминируя в социально-политической реальности исключительно за счет тотальной власти мифологии представлений над сознанием человека. Мифология доминирующих низших ценностей, в свою очередь, опирается на сознание единственности существования «разума» в материальном восприятии мира, допуская в своей политической реальности религиозную мифологию только в силу ее аналогичного линейного сознания событий мировой истории. Но проблема состоит в том, что становление новой модели мировой цивилизации характеризуется не линейным, а фрактальным течением восприятия исторического времени, в котором существует сложная архитектоника фрактальных цепей исторических событий. Понятно, что для современных линейных представлений о событиях мировой истории подобное ее восприятие кажется чем-то «мистическим».

Для нас разумный человек является существом расовым, а не массовым, поскольку только в своем глубинном расовом существе, проистекающем из подсознательного инстинкта смерти, он обладает разумной индивидуальностью. Влечения же человека не выражают его разумной индивидуальности, а демонстрируют лишь причастность к какой-то коллективной культуре, то есть демонстрируют определенные способности его конечного рассудка, — оперировать набором определенных представлений о реальности. Но любые конечные представления рассудка рано или поздно в мировой истории превращаются в миф, или, в лучшем случае, если речь идет о математическом мышлении, в абстрактную схему, выражая лишь мертвый «скелет» исторического времени.

Так, мы видим, что современный политический баланс мировых сил псевдоцивилизации определяет глубокую деградацию человека как разумного существа. Правда, этот феномен мало заметен с позиции невероятно агрессивных возможностей его поверхностного рассудка, который утверждает, что именно он и есть единственно суще-

ствующий «разум». Поверхностные интеллектуалы рассуждают лишь о разного рода «кризисах»: экономическом, ценностей и тому подобных проблем, связанных с выживанием человека. Однако в этой примитивной болтовне на фоне тотальной мифологии представлений об исторических событиях не затрагивается главная катастрофа — расовая катастрофа человека как разумного существа. Впрочем, откуда взяться подобным оценкам рассудка, если он рассматривает человека исключительно как биологический вид исторической эволюции? Ведь в сравнении с животным миром человек действительно достиг высочайших высот своего интеллектуального развития. Но проблема состоит в том, что с точки зрения достаточно больших исторических промежутков времени, например, в сравнении с будущим, современные технологические достижения человека могут показаться настолько примитивными, что современного человека можно будет полагать самого неразумным социальным животным по уровню его научно-технических достижений по сравнению с человеком будущего.

Баланс равновесия современных политических сил в массовой псевдоцивилизации сохраняется за счет того, что в западноевропейском мире разума уже нет, а в остальном политическом пространстве, и, в частности, в первую очередь, в России, по большому счету, еще никогда не было. Другими словами, неразумные политические силы сдерживают друг друга за счет тотальной мифологизации массового сознания. Можно также сказать, что этот баланс существует за счет тотальной власти над сознанием человека системы низших ценностей, в которых возможность иного взгляда на мировую историю, кроме как истории научно-технического прогресса, исключается. Более того, как это всегда бывает в истории, когда определенные представления становятся почти полностью мифологическими, они приобретают характер тоталитарной массовой идеологии. Примером таких очень много, например, коммунистическая идеология в СССР. А чтобы Темные Века не казались такими «темными», средства массовой рекламы, в первую очередь конечно, в западноевропейском мире, размалевывает массовый образ жизни человека разнообразием ярких грубых красок, цель которой — восполнить

отсутствие внутреннего света в человеческой душе, указывающей в ней на огонь разумной жизни.

Понятно, что подобный «тухлый» баланс иррациональных политических сил в неразумных коммуникациях массовой псевдоцивилизации может существовать только при условии отсутствия какой-то взаимосвязи между разумными людьми в мире. Но этот баланс не может существовать бесконечно. События мировой истории прошлого показывают, что Темные Века неизбежно сменяются Средними Веками, поскольку структуры псевдоцивилизации являются буферными между двумя моделями цивилизаций. И смена эта начинается с фрактальной точки исторического образования в политической мире таких политических структур как лигаристический союз. Возникновение и развитие таких политических систем как лигаристический союз сопровождается в свою очередь разрушением очередной системы мифологических представлений об исторической реальности.

Как только какая-то массовая идеология становится полностью мифологической, действие разумной воли человека в подобной среде исчезает и начинают действовать лишь сублимированные животные влечения, чья активность выдается за наличие «разума» в повседневной жизни человека. Причем, чем меньше разума в повседневной человеческой жизни, тем агрессивней действие тоталитарной мифологии, утверждающей, что разум присутствует в человеческой жизни. Но удержать власть подобной мифологии над сознанием человека ничто не может в истории развития мировой цивилизации. Ни освященное традицией право на абсолютную власть аристократии, ни опора на сверхмощный карательный полицейский аппарат, как это имело место, например, в СССР. Ведь фрактальная цепь исторических событий, выражая путь развития мировой истории, всегда неминуемо рвет монотонную жизнь людей опасными рывками метафизического импульса воли к власти в область неизвестного для опыта человека метафизического пространства. Можно сказать, что исторические процессы авангарда развития мировой

цивилизации разрывают знакомые представления ценностей культуры.

Одним из наиболее разрушительных для существования рациональных коммуникаций в представлениях о мировой истории мы полагаем миф о том, что судьбу цивилизации определяет человеческая масса. С точки зрения объективного исторического разума, как раз наоборот, человеческая масса — это самая инертная и враждебная к системе рациональных коммуникаций человеческая организация, которой движут только животные подсознательные инстинкты. Эти инстинкты могут становиться очень агрессивными, и тогда это стадо совершает революцию, а могут впадать в состояние крайней животной спячки, если они подвержены достаточно жесткому воздействию процесса сублимирования под влиянием культуры, но дух мировой истории эти «политические» силы никогда не определяют. Они определяют животное существование человека, лишенное разума, но обладающее достаточными ресурсами абстрактного рассудка, чтобы двигаться в русле подсознательного инстинкта самосохранения. Вообще, миф о «положительном» значении революции был одним из самых разрушительных для существования позиций рациональных ценностей, вклинившись в их доминирующее положение в системе функционирования мировой цивилизации с неожиданной стороны: со стороны мощи активности массовых коммуникаций за счет реакций сознания человека на всем понятные примитивные житейские ценности. Так было в начале становления христианской веры, когда инстинкты рабов требовали свободы и равноправия, и также протекали события Темных Веков на развалинах Российской империи, где рабы, лишенные разума, в массах которых доминировали откровенно антирусские политические силы, упивались эйфорией «свободы», а фактически, разгромом многовековой русской государственной структуры власти. Собственно, этот миф о «революции» до сих пор доминирует в российской историографии, практически полностью лишенной какой-то разумной основы, а являющейся лишь нагромождением разного рода социальных мифов об историческом прошлом после 17-го года. Причем, можно заметить, что миф о «революционных событиях» в России, обосно-

ывающийся экономической необходимостью в марксистском учении, как-то естественно трансформировался во псевдолиберальную идеологию после 91-го года, чтобы разрушить то положительное, что было наработано в государственной структуре СССР. Приставку «псевдо» мы ставим по той причине, что идеология либерализма не опирается на что-то разумное в российской истории, а исходит из всей той же логики подражания внешним процессам западноевропейской цивилизации, которая в последние десятилетия постепенно разложилась во псевдоцивилизацию.

Точка роста топологии метафизического импульса воли к власти начинает образовывать фрактал исторических событий только тогда, когда агрессивные инстинкты рабов, выбросив из себя накопившуюся ненависть к политической системе, в которой они полагались низшими существами, постепенно начинает подпадать под историческое поле расового бессознательного, которое доминировало до их варварской политической активности, складываясь веками как накопленный опыт расового существования человека. Именно подобные события определяют перелом от политической активности вождя большевистской орды Ленина — к активности ее нового вождя, Сталина. Понятно, что с позиции высших ценностей эти исторические фигуры примерно равнозначны, и могут быть отнесены к таким фигурам как Чингиз-хан или Тамерлан, то есть к силам, всегда разрушающим достигнутое мировой цивилизацией. Но есть между ними и то кардинальное отличие, которое послужило поводом большой симпатии к деятельности Сталина, которое состоит в том, что именно при нем начинают проследиваться зачаточные попытки построения того, что мы называем «лигаристический союз». Вообще, в деятельности Сталина мы обнаруживаем то, что характеризовало активность германских варваров на развалинах Римской империи, когда они подпали под влияние поля того расового бессознательного, которое веками удерживало систему рациональных коммуникаций Римской империи. С другой стороны, в не меньшей степени на полуварварские германские племена оказывало влияние активность арабской цивилизации, которая в то историческое время еще не начала деградировать, по-

рождая такие выдающиеся исторические личности как Саладин.

Мы утверждаем, что движущей силой мировой истории является раса *Homo sapiens*, которая выражает такое метафизическое пространство действия воли к власти, где действует рациональная система коммуникаций мировой цивилизации. Но феномен явления этой расы — не биологический, как это утверждает современная мифология науки. Как раз наоборот, активность этой расы начинается тогда, когда человеческая масса разлагается под воздействием рациональных коммуникаций, переставая существовать как политическая реальность. Но это возможно лишь при условии, если в политическом пространстве исторических событий начинает действовать «холод» пространства подсознательного инстинкта смерти человека как отображение метафизической границы цивилизации. Собственно, все аристократии в истории мировых народов возникали в сфере активности расового бессознательного, которое суть энергетика подсознательного инстинкта смерти человека, образующая фрактальный метафизический «узел» событий мировой истории, из которого формируется метафизический импульс воли к власти. Поэтому сословная граница, которая периодически разрушается восставшими рабами в мировой истории, выражает регулятивную границу между низшим и высшим психическим состоянием человека. Но массовое общество лишено подобной границы в силу того, что в нем активна только низшая, массовая система реакций подсознания человека. В этом смысле, массовый человек — это стадное существо, которое не подчиняется разуму в своей душе.

Размышляя над политическими структурами массового общества, можно понять, что эта система сложилась как организация, направленная на то, чтобы подавлять разум в человеке за счет постоянного производства различных мифологических представлений. Первое место в этом производстве занимает миф о единственности материального мира, когда все существующее полагается исключительно продуктом материи. Метафизический мир здесь полностью упразднен или переведен в область наивных мифологических представлений, например, религиозных

представлений. Ведь очевидно, что западноевропейская рациональная философия сформировалась из попыток преодолеть метафизические представления, на которые опиралась религиозная традиция мысли, а потому зависела от нее как от своего оппонента в процессе развития идей. Именно поэтому для становления новой модели мировой цивилизации она не может быть использована в качестве философской базы.

Провал в Темные Века мировой истории происходит тогда, когда фрактальные узлы мировой истории топологически «сворачиваются» в точку, где полнота понимания разумного целого становится практически нулевой. Сложность восприятия метафизического мира исчезает, и тогда нигилистическое отношение к миру становится определяющим. Правда, природа нигилизма, как мы могли наблюдать по событиям новейшей истории, раскрывается в диаметрально противоположной системе ценностей: высших и низших. Так, нигилизм Ницше разворачивает топологическую картину власти высших ценностей в мировой истории, где намечается ее фрактальная картина, а Маркс — полярно-противоположную систему власти низших ценностей, опирающихся на последовательность развития в ней научно-технического прогресса, где доминирует представление о линейном развитии мировой истории. Мы видим, что масса — это организация людей, которая становится максимально активной только в процессе распада цивилизации, но она получает в коммунистическом учении статус «исторического будущего». Логика в подобных утверждениях абстрактного рассудка, безусловно, существует, когда мы осознаем, что слом всех исторических моделей мировой цивилизации, а также гибель различных империй заканчивается формированием на их развалинах полуварварских общин, где следы разума теряются. Зато на этих обломках начинает кипеть бурная энергия варваров, где массы выплескивают свои животные энергетические ресурсы, которые подавляла система цивилизации. Так было на развалинах и Римской, и Российской империи и многих других исторических политических структур, сформированных цивилизацией. Но ясно также, что эта энергия все-таки полуварварская, где жалкие оставшиеся

осколки полноценной человеческой природы переправляются в энергетический ресурс воли к власти новой модели мировой цивилизации.

Основой массовых коммуникаций, на которых держится современный мифологический образ жизни массового человека, является процесс подавления подсознательных животных влечений массовой культурой. И здесь необходимо понимать принципиальное отличие метафизического импульса воли к власти, чей топологический рост обусловлен воспоминаниями, которые человек не мог получить при жизни, от, наоборот, образов памяти, полученных исключительно в результате усвоения собственного непосредственного житейского опыта. Так, структура импульсов воли к власти носит дискретно-фрактальный характер по отношению к монотонному образу жизни человека, то есть не вписывается в известный опыт исторической культуры в силу нарастания топологических звеньев исторических событий из динамики воли к власти максимальной сложности метафизического мира, которая суть его бесконечная полнота откровения в каждый момент времени. Именно эта максимальная полноценность целостности разумного мира, содержащаяся в сложной фрактальной последовательности исторических событий, неизбежно сминает примитивную логику представлений культуры своей исторической эпохи, оставляя от нее только нечто самое примитивное в качестве «скелета» исторического прошлого, математическую структуру понимания реальности мира. Не случайно, Кант, разрабатывая основы рассудочной системы мышления, указывает на математический закон как на принцип априорных суждений. И действительно, в отличие от всех других представлений человека, только математическая мысль способна воспринимать фрактальный мир в качестве отображения спекулятивной мысли, которая не подвержена реальным противоречиям жизни. Поэтому математика — это такое «мертвое» по отношению к метафизической сущности времени, которое кажется «живым» в качестве схематичного понимания исторических мировых событий. В силу этого, экономическое мышление получило в системе ценностей массовой псевдоцивилизации такую исключительную значимость, что оно дает возможность выстраивать

историческую картину прошлого по опыту этого «скелета». Например, в марксистской теории борьбы классов, этот «скелет» оживает в качестве борьбы противоположных экономических систем, одна из которых является более прогрессивной с точки зрения развития научно-технического прогресса.

Заметим, что математическая теория фракталов является попыткой «раздробить» художественную целостность фрактального рисунка за счет абстрактного анализа феномена фрактала в различных математических моделях его понимания, то есть подчинить возможности представления то, что в принципе не может быть представлено. Это высшее ощущение целостности восприятия бытия в художественном целом возможно только при условии, когда в человеческой душе достаточно активна расовая память, производящая тензоры сознания онтологического потока времени в качестве «размазанности» картины его настоящего момента. Можно сказать, что настоящий момент времени «течет» в качестве сложности фрактального рисунка, который представление рассудка «выпрямляет» в линии и точки максимальной контрастности восприятия материального мира.

Как понимать сущность идеи, было сказано немало в истории мировой философии. Мы знаем, что любая полноценная философия высказывает свое понимание идеализма. А в наше время это тем более актуально, что современное массовое сознание полностью заполнено исключительно материалистическими представлениями о мире, где нет места таким базовым понятиям классической философии как «душа» и «дух». В силу власти тотального прагматизма низших ценностей массового общества, идеальное стало ассоциироваться с чем-то мечтательным и по ту сторону по отношению к действительности. Понятно, что для нас, идеалистов, ситуация выглядит в точности до наоборот. Мы полагаем, что тотальный материализм современных представлений о мире, доминирующий в системе ценностей научно-технического прогресса, происходит из чего-то крайне примитивного в строении человеческой души, что обусловлено активностью подсознательного

инстинкта выживания человека, то есть, фактически, его животной сущностью. Попытка же полагать, что технические достижения человека бесконечно возвышают его над животным миром, к которому он сам принадлежит, является одним из наиболее примитивных мифов эпохи Просвещения.

Размышляя над историей древнего мира, чье многообразие фрактальных событий подробно описано у Шпенглера, можно понять, что исторические события подчинялись в нем определенной логике развития последовательной смены исторических эпох, как и в истории западноевропейской цивилизации. Также, как и в западноевропейской истории, в нем были Темные Века и Средневековье, период полноценного производства высших ценностей в эпоху Перикла, а также неизбежный период упадка и разложения модели цивилизации в систему функционирования псевдоцивилизации. Поэтому полагать, что христианство было более «прогрессивно» в религиозном смысле, чем боги античности, относится к ложным представлениям о событиях мировой истории. Да, рассудочное мышление, безусловно, в западноевропейской школе мысли достигло значительно более высокого развития по отношению к греческой философии, однако любая, даже самая высокоразвитая система абстрактных представлений о мире — это лишь бесконечно малое того, что есть сам мир. Понять же мир во всей его сложности — и есть предназначение структуры идеи, в которой одним из основных элементов взаимосвязи материального и духовного содержания мысли является метафизическое восприятие сознания его художественной целостности. Так, демиург, по Платону, есть великий художник, производящий мир как высшее произведение искусства. И вообще, можно заметить, что отличие греческой мифологии от библейской мифологии состоит в том, что в греческой мифологии существует многозначность идеи мира. Человек в ней часто выражается в полуживотном виде, как, например, в образе кентавра, не потому, что человек есть животное, а потому что один фрактальный рисунок художественного целого — человек, есть часть другого единого фрактального художественного рисунка, куда включается животный мир. В этом смысле, библей-

ская история отделяет человеческую сущность от животной в силу линейного характера рассудочной мысли, которая стремится расчленить животный и человеческий мир как противоположные типы истории. Другими словами, в античном мире человек действует не столько под воздействием своего личного опыта жизни, который очень незначителен в силу очень слабого личного начала др. грека, сколько под влиянием воспоминаний, возникающих из его подсознания в качестве расового опыта прошлого. В этом смысле, можно сказать, что в античном мире человек есть в значительно большей степени расовое существо, чем в монотеистическом мире, а потому античный аристократизм более полноценен, чем аристократизм западноевропейской цивилизации. Поэтому в античном мире человек и не выделяется из мира природы, что само природное вокруг него отображается только в качестве бесконечно малой границы между прошлым и будущим. В определенном смысле, вокруг древнего грека существует «плазма» образов художественного восприятия целого, где все исторические времена растянуты во фрактальные цепи исторических событий. Физический мир грека обладает насквозь художественной целостностью, в силу чего может быть познан только как художественный феномен, где место научному познанию отведено место лишь в качестве реальности геометрической структуры. В западноевропейском же мире этой «плазмы» художественного целостности восприятия как расовой организации сознания человека значительно меньше. Здесь функции абстрактного рассудка, стремящегося к максимальной спекулятивности мысли, дают возможность представлять мир предельно конкретизированным в образе его непосредственно воспринимаемых материальных объектов. Мы видим, что противоположность геометрической целостности восприятия — в античном мире, чисто аналитическим методам — в западноевропейской школе мысли, принципиально различает понимание сущности идеи и, как следствие, идеального мира. Отсутствие жесткой противоположности между материальным и идеальным в сознании др. грека объясняется особенностью восприятия у него материи, которая существует ровно настолько, насколько существует геометрический образ, ее отображаю-

щий. Собственно, если этого образа нет, то и материи нет в восприятии, где «кипит» котел энергии тензоров топологии художественного целого фрактального мира. В истории западноевропейской рациональной мысли пространство от материи «очищает» чистая абстракция рассудка, выраженная в известном девизе Декарта: «Я мыслю — значит, я существую».

То, что в современном западноевропейском мире идеалистическое мышление практически исчезло на фоне тотальной власти низших ценностей массового общества, частично объясняется тем, что Ницше вкладывал в одну из своих центральных идей, идею «вечного возвращения». Речь идет о том, что в определенный период мировой истории все фрактальные цепи исторических событий «сворачиваются» в точку, где разумные границы мира распадаются, а субъективный разум обнаруживает только «пустоту». Но это не декартовская пустота спекулятивной мысли, легко наполняемой абстрактными научными представлениями о мире, а пустота максимальной целостности художественной полноты, где научные мышление ограничено отсутствием возможности чистой спекуляции мысли свести эту полноту к системе каких-то конечных научных представлений. Поэтому, в данном случае, можно рассуждать или о конце идеалистической позиции рационального понимания мира, выработанной западноевропейской философией в познании бытия, на что указывает Ницше в своей философии субъективного разума, или о новом типе идеализма, который проистекает из осмысления идеи «вечного возвращения» с точки зрения нового типа объективности разумного понимания исторических событий. Понятно, что мы исходим из последнего.

То, что определяет возврат назад, к памяти прошлого в истории мировой цивилизации, характеризуется возвращением опыта расового бессознательного высших ценностей мировой истории, которое доминировало до становления последней модели существования мировой цивилизации. Но мы не можем полагать, что речь идет о генетической памяти, то есть об импульсах, обусловленных подсознательным инстинктом самосохранения человека как биологического существа. Расовое бессознательное каким-то загадочным образом взаимосвязано

с подсознательным инстинктом смерти человека, то есть единственным инстинктом не являющимся биологическим, но противостоящим биологическому началу человеческой души. Мы полагаем, что разум действует в этом инстинкте через ресурсы высшей человеческой памяти, когда образы и мысли возникают не в качестве человеческой логики знакомых представлений о мире, а в качестве метафизической картины целого в онтологическом потоке времени. Художественный момент созерцания здесь становится той «плазмой» восприятия, которая «плавит» сознание материального мира до идеи жизни, отображая сущность человека, выставленную на суд мировой истории. Это, конечно, не миф о страшном суде в мифологии монотеистических представлений, а суд бессознательной расовой памяти человека, уходящий своим началом далеко до момента возникновения монотеистических религий. Можно предположить, что представление о страшном суде в монотеистической религии и возникло из этого потока бессознательной расовой памяти под воздействием известной египетской «Книги мертвых». Фактически, высшие слои человеческой души буквально «опутаны» множеством текучих фрактальных цепей исторических событий, как уходящих в прошлое, так и наступающих из будущего. Они переплетаются с настоящим моментом времени как мера его художественной полноты, поскольку математический отсчет времени не несет в себе ничего, кроме опустошенности человеческой души.

Акцент на художественном строении идеи у Платона был не случаен. Кардинальное отличие античного мира от христианского составляет именно первичность художественного восприятия перед моральным сознанием, поскольку у др. греков мир жестко структурирован из хаоса за счет восприятия меры его художественной полноты, где слишком мало человеческого тепла, чтобы возникла идея равенства между людьми. Именно поэтому аристократизм античности значительно жестче и суровее, чем аристократизм христианский, значительно подорвавший иерархию неравенства людей от природы. Поэтому идеи Платона, в современном смысле, суть фрактальные структуры, отображающие границу физического и метафизического мира в качестве определенной архитектоники худо-

жественного целого, производимого онтологическим потоком времени. Гегель потому и указывал на слабость спекулятивной мысли Платона, что его система была частью философской школы, ведущей свое происхождение от Декарта, в которой сила идеи была равносильна мере чистоты абстракции логических мыслей рассудка. С другой стороны, Гегель, как никто другой, понимал слабость чистой абстракции как чего-то самоценного в конечности представлений рассудка по отношению к объективному разуму, а потому противопоставлял чистой абстракции рассудка дух мировой истории.

Новая школа рационализма, как мы утверждаем, начинается с субъективизма философии Ницше. У него, как мы полагаем, подвергается критике не столько платонизм в качестве учения идеализма, сколько восприятие идеи в качестве чистой абстракции, то есть он продолжает мысль Гегеля о том, что чистая абстракция мысли, выраженная в сфере представления, не содержит в себе объективность понимания разумного мира, а выражает лишь конечную позицию рассудка. В результате критики платонизма в западноевропейской философской школе мысли Ницше возвращает идеи Платона ее подлинное содержание, когда рассматривает мир в качестве художественного феномена. Здесь следует заметить, что, исторически, он размышляет аналогично методам философии Плотина, который пытался синтезировать весь предшествующий опыт философской греческой мысли с откровением нового мира христианской веры. И если для Плотина этот новый мир — расширяющееся влияние христианского мирозерцания, то для Ницше — это мощь созерцания мира как художественного целого, выраженного в метафизическом сознании импульса воли к власти.

VI

Поскольку современный разум человека существует под постоянной атакой иррационализма низших ценностей массового общества, он должен определить свое критическое отношение к этому неразумному образу жизни, которое ему навязывает псевдоцивилизация с ее машиной

по ликвидации разума в человеческой душе, СМИ. Здесь нужно понимать происхождение природы мифа, который характеризует момент перехода авангардных достижений мировой цивилизации в область культуры, то есть исторической позиции разума — в сферу абстрактных представлений рассудка. Первое, что обнаруживает объективный разум в этом хаотическом нагромождении массовой информации, — это отсутствие возможности существования разумной индивидуальности в социальной среде, где любое упоминание о разуме требует его полной социализации. Так, если позиция индивидуального разума не социализирована в массовых представлениях, то она полагается мифологической, то есть не соответствующей реальности, хотя в действительности все наоборот. Мифология массовых ценностей строится на исключительно абстрактных представлениях о мире, где не-абстрактность, то есть реальность чего-либо, может существовать только в непосредственном чувственном восприятии. Другими словами, если что-то существует, то оно должно обязательно обосновываться чем-то в непосредственном чувственном восприятии в массовых представлениях о ценностях. Места для метафизики в подобной мифологии не предусмотрено, поскольку если осознавать, что мир имеет метафизическое содержание, то придется признать, как это делал Платон, что мир материальный — это лишь слабый отблеск мира идеального. С другой стороны, мы видим, что все доказательства единственности существования материального мира предполагают исключительно мир абстракций, которые обладают логической силой при условии, что в их построении нет противоречий. Однако реальная сложность жизни показывает, что она присутствует как раз там, где проявляется наибольшее переплетение противоречий. Собственно, противоречия в философии — это та глубина влияния подсознания на осознанную мысль, которая может быть, как «снята», если отталкивается от метафизического импульса воли, так и нет, если она ограничена конечными представлениями рассудка. Ясно, что научные противоречия как раз и относятся к противоречиям рассудка, поскольку не снимаются, что и выразилось в известных антиномиях Канта.

Известная идея Ницше о «воле к власти», как мы полагаем, преодолевает чисто абстрактные позиции декартовского рационализма, перенося вопрос о возможности существования идеи вещей в сферу художественной архитектоники бытия, то есть к фрактальному миру, в частности, указывая на интуицию фрактального развития истории мировой цивилизации. В этом смысле, единая линия единства представлений о развитии мировой цивилизации с позиции достижений научно-технического прогресса, становится мифом, когда мы замечаем, что модель мировой цивилизации начинает выстраиваться практически с нуля в момент расовой катастрофы. Исторический период расовой катастрофы — это момент исчезновения влияния расы *Homo sapiens* на политическую жизнь, когда человеческая масса, то есть неразумная среда людей, становится определяющей в судьбе человечества на некотором историческом промежутке развития мировой истории. Биологизм, определяющий судьбу псевдоцивилизации в период расовой катастрофы, в первую очередь, разрушает полноценность художественного восприятия человека, поскольку в полноценном художественном восприятии человека участвуют метафизические импульсы воли, проистекающие из небиологического начала. Метафизические импульсы воли активизируют индивидуальный разум человека, поэтому уничтожение полноценных эстетических восприятий, с последующей их заменой на грубые чувственные восприятия, обусловленные технократической культурой, — это то, чем занимается современное псевдоискусство, удовлетворяя запросы массового общества по средствам уничтожения разума в человеческой душе.

Противопоставляя животное влечение в человеческой душе метафизическому импульсу воли к власти, мы полагаем, что субъективный разум в истории мировой цивилизации — это история энергии этого импульса, которая определяет производство высших ценностей существования человека. Для высших ценностей существует только единственный материал — произведения искусства, поскольку только в художественном созерцании подсознательный инстинкт смерти, этот аккумулятор расовой памяти человека, способен наращивать потенциал рациональных коммуни-

каций между людьми, а не гаснуть, как это имеет место в непосредственных влечениях или рассудочных абстракциях мысли. Вне расовой памяти, человек является массовым неразумным существом, чье сознание заполнено разнообразной абстрактной мифологией представлений, образованной распадом отработанных рациональных коммуникаций исторического прошлого. И если абстрактный рассудок способен структурировать эти мифы в различные схемы представлений о мире, то это еще не доказывает существование разума в подобном мышлении. Ведь это только для современного массового сознания кажется, что схемы научно-технических достижений современной псевдоцивилизации обладают абсолютной ценностью в силу их повседневной бытовой потребности. Аналогичным образом и античному сознанию боги казались вполне реальными существами, живущими рядом и участвующие в непосредственной жизни человека, являясь не мифологией представлений, а фоном каждодневного быта. Собственно, мифологическим является мусор распавшихся рациональных коммуникаций, то есть, фактически, разрушенная метафизическая граница мира, выраженная в известной формуле Ницше «бог умер».

Особенностью мифологических представлений, которые существуют в истории мировой культуры, является тот факт, что их число постоянно увеличивается. Это обусловлено тем, что отработанные рациональные коммуникации не исчезают в опыте культуры, а создают своего рода «подушку безопасности» для существования неразумного человека, который опирается на нее своим абстрактным рассудком, ощущая себя защищенным от зловещей бездны метафизического мира, которая веет на него из подсознательного инстинкта смерти. Так, «плотность» мусора мифологических представлений о мире создает тот хаос низших ценностей массовой культуры, в котором абстрактный рассудок строит многообразие схем своих представлений. С точки зрения объективного исторического разума, нам важно понимать, что движение поверхностного рассудка в системе мифологических представлений исторической культуры создает то поле низших ценностей, которое стремится принизить значимость исторического прошлого перед событиями настоящего времени. Движение массового

сознания в поле ценностей массовой культуры предполагает, что прошлое было слишком «наивно», не обладая знанием современных научных и технологических достижений. Вообще говоря, с позиции объективного исторического разума, наша историческая эпоха демонстрирует полный мрак человеческой жизни, где вместо людей снуют какие-то зловещие тени, существующие за пределами событий мировой истории.

Тотальная мифологизация сознания жизни человека в современной псевдоцивилизации по отношению к возможности существования между людьми рациональных коммуникаций является значительно более жесткой, например, чем в поздние века Средневековья, когда зверствовала инквизиция. Ведь средневековое сознание, хотя и ограничивалось требованием все объяснять с позиции библейского откровения, не использовала чисто-научные методы для производства все новых и новых мифов, как это делает массовая культура современной псевдоцивилизации. Опираясь на логику Аристотеля, средневековые философы ощущали все-таки что-то живое, а не чистую абстракцию научной схемы, оценивая свои достижения в сравнении с полнотой метафизического мира, а не с «достижениями» неразумного животного или с плохо развитыми научно-техническими достижениями исчезнувших цивилизаций. Именно это ощущение полноты метафизического мира и дало возможность развиваться классической западноевропейской философии. Но рациональная философия, как и подлинное искусство, существуют лишь как часть событий мировой истории, то есть выражают наличие действия разумной воли человека как строителя мировой цивилизации. Если исторические события прерываются, то есть исчезает разумный образ жизни человека, то математическая мера времени, которую производит абстрактный рассудок, не может заменить метафизической полноты ощущения присутствия исторического события. Только в метафизической полноте созерцания времени человеческая душа способна ощущать то, что в рациональном понимании называется «вечностью». Вероятно, это ощущение возникает в силу бесконечного отображения множества фрактальных структур друг в друга, которые, как метафизические «зеркала», демонстрируют уникальные

свойства высшей памяти человека. И именно за счет этого бесконечного отображения фрактальных элементов друга в друга и возникает рациональный импульс воли к власти, разворачиваясь как мера высших ценностей жизни. Можно сказать, что метафизический импульс воли к власти — это живая полнота фрактального пространства целого, которое в полной мере способно схватывать только великое произведение искусства. Поэтому историческое событие — это не то, что отмерено в математическом мышлении человеческим рассудком, а то, что, наоборот, не может быть измерено в принципе, выражая собой высшую ценность жизни. Именно такое впечатление и дает великое произведение искусства в результате созерцания художественного восприятия мира. Другими словами, находясь в эпицентре событий мировой истории, человек не может его измерить, но только пережить как наивысшее вдохновение духа. Вообще, высшая ценность жизни потому и является высшей, что она не может быть сведена к какому-то человеческому измерению, сама оценивая человеческую жизнь перед судом мировой истории. Эту оценку производит расовая память, которая каким-то образом связана с подсознательным инстинктом смерти человека, где вырабатываются его духовные импульсы жизни. И если, например, монотеистическая вера сводит эти духовные импульсы к истории человеческого рода, то античная история сводит к зловещему появлению и исчезновению мира из хаоса.

Таким образом, мировая история продолжается и в наше время, но не в качестве мифологии линейных исторических событий, как это имеет место в представлениях монотеистической веры и веры в научно-технический прогресс, а в природе загадочных фрактальных исторических цепей, особенность которых состоит в том, что происходящее в них движется по фрактальному рисунку топологических «округлостей» и «завихрений» воспоминаний высшей памяти человека, с одной стороны, и текучей реальности мрака Темных Веков, с другой.

Мы должны понимать, что наиболее разрушительный хаос для структур разумных коммуникаций цивилизации существует в мифологических представлениях культуры,

которые суть обломки этих коммуникаций исторического прошлого. Насколько глубок этот хаос представлений, можно судить по шквалу иррациональной болтовни, обрушивающейся со стороны СМИ на массовое сознание человека каждый день. Цель этого информационного потока — максимально загрузить массовое сознание разного рода «мусором» ничтожных событий и фактов, чтобы исключить возможность активизировать разум в душе. Все это происходит на фоне центрального мифа о тождестве научно-технического прогресса и развития мировой цивилизации. С точки зрения метафизики фрактальных цепей исторических событий, можно понять, что подобного рода мифология представлений всегда начинает доминировать тогда, когда происходит обрушение рациональных коммуникаций. Причем, эти обрушения бывают локальными, когда можно видеть лишь перестройку внутренних «изношенных» звеньев, например, когда после политической активности в истории высшей аристократии, начинается активность низшего слоя аристократии, а затем буржуазии, а могут быть и катастрофическими, что происходит в наше историческое время. Катастрофические исчезновения рациональных коммуникаций мы рассматриваем как процесс расовой катастрофы, то есть как полное обрушение определенной модели цивилизации, действующей многие столетия. Здесь следует заметить, что марксистская теория вполне справедливо учила, что в начале новой модели мировой цивилизации выступает полу варварская сила пролетариата. Действительно, в конце существования Римской империи и Российской империи мы обнаруживаем объединение рабов и пролетариев, которые окончательно разрушают полноценность человеческой жизни, сводя ее к чему-то неполноценному. Мифология же ценностей наиболее прогрессивных средств производства в марксистской теории, то есть опора на веру в научно-технический прогресс, не учитывает, что массовая природа человека не обладает разумной волей, поскольку воля — это энергия высшей, а не низшей человеческой психики. Правда, масса очень эффективна в материальном производстве, поскольку производство является наиболее примитивным и надежным отображением направленности действия сублимированных живот-

ных влечений. Однако эффективность производственных мощностей работает лишь на выживание человека. Ответить на вопрос о разумности его жизни эта система не может, отсылая к вере в научно-технический прогресс. А если человек в него не верит, то механически причисляется к изгою массового общества.

Мы полагаем, что вследствие разрушения модели мировой цивилизации, действующей столетия, активность расы *Homo sapiens* исчезает и тогда возникает массовое общество. То, что понятие «массовое общество» появилось лишь в новейшее время, не говорит о том, что массового общества не существовало в прошлом. Оно существовало, но в иной фрактальной политической структуре. Основным признаком массового общества, как мы полагаем, характеризуется не системой массовых коммуникаций, которые поддерживаются разнообразными техническими средствами: интернетом, телевидением и другими, а исключением из сознания человека единого метафизического пространства, в котором существует доверие между разумными людьми. Так, в пространстве ценностей псевдоцивилизации, например, между античным миром и монотеистическим миром, мы наблюдаем такое же нагромождение хаоса различных мифологических представлений, как и в наше историческое время. Разного рода обрывки древнейших представлений о мире, смешанные со смутным сознанием единого бога, определяющие этот период псевдоцивилизации, в первую очередь, характеризуются резким исчезновением чего-то выдающегося в среде людей этого исторического времени: полководцев, писателей, философов, художников и политических деятелей. Человеческая масса почти полностью поглощает собой индивидуальность, разрушая в человеке разум, когда везде и во всем чувствуется суррогат, что-то фальшивое, не настоящее. При этом, чем меньше чего-то разумного в человеческой жизни, тем больше ярких, вызывающих тонов красок демонстрирует псевдоцивилизация, пытаясь этим грубым чувственным восприятием мира отвлечь человека от сознания бессмысленности его жизни по отношению к разуму.

Феномен тотальной активности человеческой массы в период расовой катастрофы обусловлен резким ослабле-

нием высших центров психики человека, связанных с действием расовой памяти. Так, расовая память — это и есть подсознательное действие инстинкта смерти человека, которое имеет метафизическое, а не биологическое происхождение. Свести действие этого высшего инстинкта человеческой психики к какой-то абстрактной схеме представления рассудка невозможно, поскольку граница метафизического мира и мира материального не поддается пониманию в какой-то схеме. Главнейшей особенностью действия этого инстинкта является что-то сверхчеловеческое в качестве присутствия высших ценностей жизни, когда в общении между людьми участвует не примитивная схема абстрактного рассудка, а вся полнота расового опыта, накопленного в подсознательной памяти человека за всю историю развития мировой цивилизации. Здесь мы должны понимать, что научная схема — это лишь «мертвый» опыт расового прошлого, то есть попытка абстрактного рассудка реанимировать распавшиеся рациональные коммуникации за счет достижения максимальной взаимосвязи представлений. Если же метафизический объект является принципиально новым для разумного понимания, то, исторически, он наделяется системой привычных для восприятия человека представлений, чтобы создать определенную «защиту» от его разрушительного воздействия. Так, например, возникла иконопись в начальный период становления христианской веры, где стали формироваться представления о личности человека по образу и подобию бога. Здесь следует заметить, что ветхозаветная традиция в этом смысле была более последовательной, когда запрещала изображение единого бога. Она и выжила, собственно, под жестким натиском политеистического мира только за счет исключительности действия своего патриархального начала в первые века своего существования. Поэтому иудейская система ценностей так резко негативно и восприняла христианскую веру, что она лишила ее патриархального стержня своей идеей о начале новой эры мировой истории с началом приходом спасителя. Но переход еврейского народа от патриархального периода истории к матриархальной доминанте жизни, обусловленной родовым инстинктом самосохранения, как центральной системе

ценностей, все равно состоялся после распространения христианской веры.

Историческая память обладает метафизическим потенциалом воздействия на природу человеческой души, вырабатывая в ней разумные импульсы воли. Это не абстрактные представления рассудка, который орудует историческими событиями как жонглер цветными шариками, а суровое и мрачное ощущение холода подсознательного инстинкта смерти человека, отрицающего его жизнь перед высшим началом мира в процессе воспоминаний наиболее значительных событий мировой истории. Попытка же представить достижения научно-технического прогресса в современной псевдоцивилизации как безусловное превосходство над достижениями цивилизации в историческом прошлом равносильно всем аналогичным попыткам других исторических периодов мировой истории, когда, например, христианская церковь утверждала свое исключительное моральное превосходство над языческим миром известными библейскими заповедями. Но подобного рода система новых представлений о мире в начале становления новой модели мировой цивилизации всегда доказывает чем-либо свое исключительное историческое превосходство: или суровыми моральными заповедями, или революционными достижениями научно-технического прогресса. Иначе и не может быть, поскольку система новейших представлений о мире должна опираться на какие-то реальные новейшие структуры цивилизации, указывающие на становление ее новой модели развития. Другое дело, что представления дают возможность понять только побочный продукт развития мировой цивилизации, то есть достижения культуры. И здесь мы видим, что, зародившись в момент исчезновения старой модели мировой цивилизации, например, христианская церковь в Римской империи, стала основным политическим институтом в процессе формирования принципиально новой политической модели цивилизации. И если эта структура в первый момент своего возникновения оказывает очень небольшое влияние на жизнь человека, но впоследствии становится основой в полуварварском германском мире. Так и научно-технический прогресс, зародившись в западноевропейской системе цивилизации,

продолжил свое развитие в современной псевдоцивилизации во всем мире как основа всех коммуникаций, в том числе и в западноевропейской псевдоцивилизации, поскольку мы полагаем, что рациональная модель ее развития закончила свое существование после второй мировой войны. Ведь цивилизация существует только тогда, когда в ней производятся высшие ценности. В противном случае, когда остаются лишь низшие ценности, признаки существования цивилизации как средства коммуникаций между разумными людьми исчезают. Именно в этот момент и встает вопрос о формировании политической структуры, которая должна взять на себя основные функции по становлению ее принципиально новой модели.

Когда исчезают какие-то признаки присутствия разума расового существа человека, массовая активность человека резко возрастает за счет резкой деградации человека. Ведь полноценный человек — это присутствие чего-то сверхчеловеческого, что существует в метафизическом импульсе воли к власти как отображение какой-то разумной взаимосвязи между людьми. Как только этот заряд метафизического импульса воли к власти исчерпывается, присутствие сверхчеловеческого исчезает, то есть среда существования цивилизации становится бесконечно-малой, тогда как область культуры — бесконечно-большой. При этом главным признаком культуры, отличающим ее от цивилизации, является доминирующее матриархальное подсознательное существо человеческой души, максимально активизирующееся в процессах псевдоцивилизации. Это особенно резко проявилось в идеологии культуры Просвещения, которая использовала все средства, чтобы ликвидировать патриархальную психологию человека. Если же пренебречь мифологией ценностей научно-технического прогресса, то мы получим феномен псевдоцивилизации, опирающийся на разнообразие абстрактных суждений рассудка. Конечно, в нем тотально доминируют представления научно-технического содержания, но тотальное доминирование любых представлений есть явное пренебрежение разумным пониманием мира. Даже строгая научная схема, в определенном смысле, есть что-то мифологиче-

ское, когда доказательство ее достоверности основывается лишь на прагматизме технологического достижения в реальности. То, что мир именно такой, какой представляется в научной схеме, обязательно должно обосновываться в непосредственном восприятии, — это главный аргумент существования научно-технического прогресса. Понятно, что ни философия идеализма, ни великое искусство не может обладать подобного рода доказательствами, поскольку их сфера деятельности не доказывается чем-то эмпирически достоверным. Основная функция подлинной философии и великого искусства — создавать поле рациональных коммуникаций между людьми, в которых существует полноценная человеческая душа, отображающая не систему массовых инстинктов, а метафизический мир в его реальном становлении во времени. Именно время как мера этого метафизического мира, указывает на то, что человек обладает разумом, когда его воля к власти действует как часть этого метафизического мира. Другими словами, разумный человек существует только тогда, когда в его душе действует минимум массовых инстинктов, поскольку массовые инстинкты активны только при условии потери человеком его разумной индивидуальности. Как же тогда современный человек существует в массовом обществе? Мы полагаем, что мера его активности в массовом обществе определяется мерой деградации его души, когда чем больше он активен в массовых коммуникациях, тем меньше в нем признаков разумной индивидуальности. Фактически, массовое общество является политическим институтом, уничтожающим разум человека.

Как могло случиться, что вера в справедливое общество, где нет сословий, унижающих человеческое достоинство, которое воображали себе мыслители эпохи Просвещения, стало машиной по ликвидации разума человека в современном массовом обществе? Здесь мы должны понимать характер течения фрактальных цепей исторических событий, когда определенная новая вера, создав свои зачаточные институты власти, постепенно начинает их использовать для ликвидации человеческого разума. Так было, например, с историей христианской церкви, когда ее структуры, зародившись как необходимые политические конструкции для развития индивидуального начала

человеческой личности, в конце своего существования в западноевропейском мире стали машиной по уничтожению разума в человеческой душе. Здесь следует заметить, что в данном случае мы рассуждаем о судьбе западноевропейской модели цивилизации, поскольку если оценить судьбу цивилизации на территории России, то ее следы прерываются, начиная с нашествия большевистской орды и разрушения Российской империи. Можно сказать, что весь XX век сознание человека на бывшей территории Российской империи пребывает в хаосе мифологических представлений о происходящих исторических событиях. Нашей задачей, в частности, является разрушение этого хаоса мифологических представлений об исторических событиях, что обусловлено отсутствием опыта существования рациональных коммуникаций в России.

Начиная с 1917 года на территории бывшей Российской империи последовательно и методически ликвидировался человек патриархального типа, то есть человек, обладающей полноценной психикой. Мы полагаем, что такого рода процесс протекает всегда, когда на определенной территории активизируется человеческая орда, то есть агрессивная человеческая масса, враждебная разумным ценностям цивилизации. С другой стороны, с позиции ценностей культуры все выглядит по-другому, поскольку культура, выражая матриархальные подсознательные импульсы человеческой души, ориентируется не на рациональные коммуникации между людьми, а на массовые коммуникации. В первую очередь, агрессивная человеческая масса, как мы видим, в момент «остывания» своей агрессии, стремится создать максимально стабильные массовые коммуникации, отвечающие духу новейших событий мировой истории. Так, германские орды, разрушившие Римскую империю, попали под влияние института христианской церкви, а большевистские орды — под влияние ценностей научно-технического прогресса. Но в обоих случаях, и христианская вера и вера в научно-технический прогресс — суть лишь вера, а не нечто разумное, что определяет судьбу мировой цивилизации.

Новая человеческая орда, «перестроечная», разрушившая лучшее, что было создано в СССР до 1991 года, как

и большевистская орда ориентировалась не на рациональные коммуникации между людьми, а на массовые коммуникации, то есть исключала разумного человека из политической жизни. Она сформировала новую мифологию представлений о происходящих исторических событиях в России как миф о «приватизации», хотя в действительности речь шла о примитивном разграблении варварами собственности разрушенного государства. Можно заметить, что эта воровская порода людей так и осталась политически доминирующей вплоть до нашего времени, когда косметические попытки ограничить ее активность на развалинах СССР ни к чему не привели. Зато возникла новая мифология представлений о происходящих исторических событиях, когда варварское разграбление стало полагаться чем-то причастным процессам цивилизации, хотя в действительности речь должна идти о хаосе исторических событий Темных Веков, где отсутствуют следы присутствия разумного человека как представителя высших ценностей мировой цивилизации.

Что мешает осознать современному человеку, что он существует в эпоху Темных Веков? Мы полагаем, что этому мешает вера в научно-технический прогресс, то есть вера, вообще говоря, в принципе не дает возможности оценить происходящие исторические события объективно разумно. Так, вероятно, и возведение христианских церквей на заре становления христианской веры согревало темные души людей верой в будущее, когда разум бездействовал, поскольку разум указывал бы на полный мрак человеческой жизни. Что же освещает неразумную душу человека в Темные Века мировой истории? Мы утверждаем, что это тусклый «свет» массовых инстинктов, когда сознанием владеют мифологические представления о реальности, то есть лживый «свет» человеческого абстрактного рассудка, чуждого духу высших ценностей. В представлениях современной псевдоисторической «науки», речь идет о торжественном «шествии» развития научно-технического прогресса в мировой истории. Фрактально подобно, и в Темные Века в начале становления монотеистической веры, массовые инстинкты людей отвечали их мифологическим представлениям об окружающей реальности, опираясь на истины библейского откровения. Свет

библейского откровения освещал низшие инстинкты массовой души, вследствие чего сознанию массового человека казалось, что он стоит значительно выше в своем развитии античных высших ценностей цивилизации с точки зрения прочных моральных принципов. Аналогичным образом, и в наше историческое время массовому сознанию кажется, что современные научно-технические достижения — это высший момент исторического развития мировой цивилизации, когда мировая история закончилась.

Таким образом, мы видим, что заметить тотальной мрак человеческой жизни массовому сознанию мешают различные многообразные абстракции представлений об окружающем мире, которые поверхностный рассудок производит в качестве нагромождения разного рода хаоса суждений, лишенных разумного основания, но зато имеющих наукообразный характер. В основе этих пустых абстракций прослеживается центральная мысль магических заклинаний: «ученые доказали», как в аналогичное историческое время Темных Веков звучала магическая фраза: «библейское откровение учит». Понятно, что в этом мире мифов, который доминирует в Темные Века мировой истории, хаос представлений есть единственное, что прослеживается как нечто целое в его восприятии. Собственно, этот хаос начинается тогда, когда фрактальная цепь исторических событий сворачивается в точку небытия, то есть исчезает метафизическая граница горизонта исторического времени, по отношению к которому существует объективность разумного мира.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ
СУЩЕСТВОВАНИЯ
ЛИГАРИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА

Один для меня – десять тысяч, если он наилучший
Гераклит

VII

Понимание подлинной исторической сущности аристократического принципа политической власти не может быть осознано из тех убогих потомков полноценной аристократической среды, которая демонстрируется в различных шоу массового общества в наше историческое время. Не может быть осознано по той причине, что аристократ существует только тогда, когда он определяет ход мировой истории, впрочем, так же, как и буржуа, чей полноценный образ жизни также стал лишь достоянием истории. В противном случае, аристократ — это пустой «футляр», нечто декоративное, напоминающее мертвый экспонат музея, который как египетская мумия создает только внешний фон событий псевдоцивилизации. С другой стороны, когда разумная модель мировой цивилизации рушится, в ней начинают резко активизироваться деструктивные силы, пролетарии и рабы, которые, смешавшись с примитивной интеллигенцией, формируют реальную активность псевдоцивилизации. То, что это конец, а не начало каких-то новых событий мировой истории, нельзя понять с позиций традиционной веры, будь то вера монотеистическая или вера в научно-технический прогресс. Ведь псевдоцивилизация очень активна в ничтожности своих целей и проектов, когда массовая энергия животных человеческих инстинктов сублимируется в более мощную производственную активность, чем у предшествующих исторических классов, что, собственно, и дало повод Марксу рассуждать об «исторической роли мирового пролетариата». Поэтому марксистская вера через энергию пролетариев и рабов «снесла» те подражательные конструкции рациональных коммуникаций, которые доминировали в мире за пределами западноевропейской цивилизации, что пролетарское и рабское сознание смогло почувствовать в этой теории собственную историческую значимость. Так произошло, например, в России, где позиции аристократиче-

ского пространства были очень слабы в силу начального их подражательного происхождения, начиная с реформ Петра I.

Для нас очевидно, что расовая сущность человека *Homo sapiens* принципиально иная, чем та, которой учит мифология современной биологической науки. Последнее, следует относить все к той же вере в научно-технический прогресс, то есть к чему-то настолько минимально разумному, что может удовлетворить только массовое сознание и поверхностный рассудок. Здесь примитивные представления о появлении человека разумного обусловлены чисто материальным восприятием мира, то есть таким знанием реальности, которое не выходит за пределы непосредственных чувственных ощущений человека. Мы же полагаем, что явление расы *Homo sapiens* есть явление метафизическое, когда определенная разумная группа людей пресекает в мировой истории нагроможденные хаоса мифологических представлений о реальности, то есть расчищает в пространстве культуры поле течения событий мировой цивилизации через разумную энергию воли к власти. Собственно, поле сознания человека, в котором нет мифологических представлений о реальности, и есть путь развития мировой цивилизации, хотя *Blitum* хаоса этих представлений становится все плотнее и плотнее с каждым тысячелетием ее развития. Ведь этот мусор представлений является «обломками» рациональных коммуникаций, которыми жили предшествующие поколения людей в мировой истории, поэтому он всегда влияет на их сознание со стороны опыта культуры. Разрушение системы массовых коммуникаций, на основе которых функционирует система псевдоцивилизации, происходит тогда, когда возникает такая взаимосвязь между людьми, где действуют метафизические импульсы воли к власти. И если сублимированные влечения создают поле культуры, то воля к власти определяет расовое пространство существования человека, где доминируют высшие ценности мировой цивилизации. Именно приоритет высших ценностей над низшими и создает пространство архитектоники разумного мира существования человека.

Когда мы размышляем над духом аристократизма, то, в первую очередь, должны осознавать природу суровой

границы, которую проводит метафизическая энергия воли к власти как субъективная позиция разума в событиях мировой истории. Здесь, в отличие от массовых коммуникаций, человеческое тепло находится где-то в стороне, поскольку воля к власти — это, исторически, власть рока или судьбы, то есть власть расового бессознательного, действующего в инстинкте смерти человека через его высшую память. О свободе воли здесь говорить не приходится, поскольку аристократ свободен от природы, поэтому не нуждается в том, что у него есть в избытке. Разве можно рассуждать о свободе воли в момент высшего вдохновения в творчестве художника или воина в смертельной битве? Здесь действует что-то роковое, что-то в определенном смысле «зловещее» с точки зрения неизбежности протекающих исторических событий. Свобода воли — это продукт культуры, но не цивилизации, когда сознанием человека владеют определенные низшие ценности. Свобода воли — это не метафизическое пространство, а вполне материальное, сформированное сублимированными подсознательными влечениями человека, где энергии воли существует такой минимум, который определяет исключительно ценности рассудка, достаточные, например, для развития научно-технического прогресса, но не для существования рациональных коммуникаций между людьми, определяющими мировой ход истории.

Хаос Темных Веков псевдоцивилизации мы рассматриваем как следствие влияния мифологических представлений в сознании человека, когда разум в его душе бездействует. Ведь миф всегда согревает человеческим теплом коммуникаций инфантильной души, духом которой веет со стороны достижений культуры. Но цивилизация — это не человеческое тепло, а наоборот, холод, понижывающий человеческую душу со стороны подсознательного инстинкта смерти до дна, за счет которого и формировалась та метафизическая граница, которая отделяла массовые подсознательные влечения человека от воли к власти разумных коммуникаций. Так возникает фрактальная цепь мировой истории и также заканчивается, когда этот холод сменяется человеческим теплом, ко-

торое несут в себе влечения. Собственно, когда перестает весть энергией метафизического пространства, разум между людьми исчезает, поскольку материальный мир непосредственных чувственных восприятий как раз и создает мифологические представления о реальности, поскольку он протекает исключительно в пределах абстрактных суждений рассудка. Можно даже сказать, возвращаясь к образной системе мыслей Ницше, что речь в момент возникновения новой модели мировой цивилизации, идет о первородной «бездне» этого пронизывающего душу холода со стороны подсознательного инстинкта смерти человека. Именно в природе этого холода и осуществлялось насилие над подсознательными влечениями человека в мировой истории до возникновения отчетливых моральных ценностей монотеистической веры. Здесь влечения не «вытесняются», как это имеет место в массовой культуре, то есть перемещаются в такое состояние напряжения, которое удовлетворяет возможностям действия абстрактного рассудка, а просто не существуют в той части души, которая должна производить импульсы воли к власти. С другой стороны, новый фрактальный рисунок событий мировой истории всегда начинается с «вечного возвращения», то есть с погружения в эту «бездну» первородной полноты мира, в которой нет еще следов культуры, поскольку сюда еще не проникает человеческое тепло простых и непосредственных радостей жизни. Впрочем, его здесь не может быть по определению, когда противопоставление у Ницше человека — сверхчеловеку, предполагает, что новейшее возвращение событий мировой истории к модели цивилизации, существовавшей до монотеистической веры, демонстрирует не линейный, а фрактальный характер течения времени, где человеческая личность «размазывается» этим онтологическим течением. Понятно, что в этой новейшей модели мировой цивилизации метафизическое понятие бога исчерпало себя, когда оно уже не отвечает новой первородной глубине откровения начала мира. Ницше потому и утверждал, что в системе аристократических ценностей моральные принципы монотеизма недействительны, что в этом холоде первородной полноты мира нет необходимости ограничивать влечения, — их здесь практически нет в максималь-

ном напряжении действия воли к власти. Именно эта «плотность» действия воли к власти и создает рациональные коммуникации аристократической политической власти.

Многие мыслители замечали, что в момент разложения др. греческой демократии, энергия внутренних структур модели ее цивилизации стала стремительно исчезать, что и послужило поводом для захвата власти в ней Македонией. Как известно, лишь Спарта не участвовала в 337 до н. э. в образовании союза греческих городов под властью Македонии. Так, мы видим, что перед разложением рациональных коммуникаций в доминирующей модели цивилизации, в ней демократия начинает демонстрировать псевдодемократический тип власти. Его суть состоит в том, что она разрушает патриархальные начала жизни, в которых формируется и реализуется воля к власти как необходимая энергетическая основа функционирования цивилизации. Эта психологическая основа патриархального начала жизни др. греческой цивилизации, как мы полагаем, наиболее полно выразилась в структуре военных спартанских союзов, которые мы называем «лигаристические союзы».

Если определить момент появления феномена псевдоцивилизации, то есть момент исчезновения разумных политических сил мировой истории, то следует его видеть в переходе ценностей демократических — в ценности псевдодемократические. Вообще, историческая трансформация чего-то истинного — в ложное, в частности разумных политических институтов — в иррациональные структуры, происходит в силу «изнашивания» этих структур в метафизическом потоке исторического времени. Психологически, речь идет о невозможности дальнейшего присутствия метафизического импульса воли к власти в этих структурах в силу «обрыва» фрактальной цепи исторических событий. «Обрыв» характеризуется «точкой», или отсутствием той полноты бытия, которая выражает возможность дальнейшего существования полноценной человеческой души в политической структуре, которая поддерживается только рассудком, но не разу-

мом. Так, мы замечаем, что перед полным растворением в системе мифологических представлений о происходящих политических событиях, определенная политическая структура перестает удовлетворять разумному пониманию действительности. Это произошло с политическим институтом западноевропейской христианской церкви и аналогичный процесс произошел с социальными демократическими институтами современного западноевропейского мира, когда с определенного исторического момента они стали выражать не исторический разум мировой цивилизации, а то, что ему враждебно. Ведь в мировой истории хотя все фрактально подобно, определенный художественный рисунок целого настоящего момента времени воспроизводит предшествующие ему события в принципиально иной картине мира. Можно это рассматривать и с точки зрения известной идеи «вечного возвращения», то есть топологического перехода одной фрактальной цепи исторических событий — в другую, когда целая картина не меняется, сохраняя определенное восприятие вечности происходящего, тогда как фрактальные цепи постоянно топологически «текут» в метафизическом потоке времени. Подобное течение — суть отображение высшей расовой памяти человека, возбуждающего в его подсознании разумные движения души. Эти образы расовой высшей памяти накладываются на непосредственные чувственные восприятия, выражая картину реальности в соответствие с воспоминаниями, заложенными в подсознании как прообразы метафизического подобия мира.

Первое, что характеризует современную систему функционирования человека в структурах псевдоцивилизации — это тотально антиэстетический характер, когда в качестве «эстетического» массовому сознанию здесь навязывается то, что ему диаметрально противоположно. Так, подлинной сущностью эстетического объекта являются образы, которые возвышают человеческую душу, рождая в ней взаимосвязь с высшей разумной полнотой мира. Подобное воздействие может оказать только великое произведение искусства, демонстрирующее, в свою очередь, наличие каких-то разумных коммуникаций между людьми. Но в массовом обществе под объектом искусства воспринимается прямо противоположное подлинно-

му произведению искусства: какие-нибудь человеческие фекалии или какая-нибудь примитивная мазня, которые выдаются здесь за «объект» искусство, что возможно только при условии полной утраты разума человеком в понимании окружающей его действительности. Понятно, что подобные «объекты» и есть сущность сознания человека, существующего в Темных Веках мировой истории, когда единая разумная картина мира разрушена, а представления наполнено разного рода мифами. То, что эти мифы являются новейшими мифами, то есть удовлетворяют внутренним динамическим процессам псевдоцивилизации, никак не реализует разум в человеческой душе, поскольку для разума необходима метафизическая динамика воли к власти. В противном случае, то есть в мифологическом пространстве представлений, сублимированные влечения создают бесконечное многообразие схем абстрактного рассудка, подменяющего сложность и полноту восприятия природы ее разного рода примитивными научными конструкциями. Поэтому объекты, которые выставляются на некоторых «художественных» выставках и которые называют «современной скульптурой», являются нагромождением технологического мусора псевдоцивилизации. Этот технологический мусор отображает отсутствие элементарного разумного смысла существования человека в окружающем его мире. Собственно, разнообразный *Blitum* псевдоцивилизации: человеческих мыслей, политических событий, поверхностных научных достижений, всего образа жизни человека — является антиэстетическим в современных процессах массового общества. Правда, существуют очень небольшие элементы, указывающие в ней на возникновение новой модели цивилизации, например, исследование структуры фрактала в современной математике или движение современной архитектуры больших мегаполисов в сторону топологических образов. Однако все это слишком незначительно, чтобы как-то существенно повлиять на катастрофическое отсутствие рациональных коммуникаций между людьми.

Что принципиально отличает рациональные коммуникации от массовых коммуникаций? Мы полагаем, что это отличие состоит в том, что рациональные коммуникации

передают информацию, которая включает в себя весь живой предшествующий опыт высших ценностей мировой цивилизации, тогда как массовые коммуникации — лишь момент настоящего времени, где высшие ценности являются лишь мертвыми представлениями о прошлом. Поэтому тотальная вовлеченность сознания человека в настоящий момент времени, практически исключая ощущение прошлого и будущего, кроме как в мифологическом представлении, делает из него неразумный механический агрегат псевдоцивилизации. Но самое главное состоит в том, что массовые коммуникации исключают в себе действие метафизического импульса воли к власти как наличие субъективного разума мировой истории. Фактически, массовые коммуникации передают лишь информацию сублимированных массовой культурой бессознательных влечений, а влечения, в отличие от воли, не взаимосвязаны с метафизическим миром. Ведь задачей и целью массового общества является уподобление человека — технологической машине, то есть образу, который был заложен еще в разработках философии Декарта. Однако метафизический мир идеализма Декарта был в полной мере полноценен и наполнен метафизическими импульсами воли к власти только для своего исторического времени, тогда как в наше историческое время он устарел.

Было бы неразумно обвинять ценности подлинной демократии в том хаосе современных массовых представлений о мире, которые опираются на сомнительную веру в научно-технический прогресс. Это также неразумно, как пытаться в чем-то винить религиозную веру человека, наполнявшую в свое время его душу великими усилиями в поисках истины. Просто любые политические институты и любые модели развития мировой цивилизации «изнашиваются» во времени, переходя в область мифологической реальности, то есть в выражение такого состояния душевного «штиля» человека, в котором абстракции рассудка производят представления, мало относящиеся к исторической действительности. Такими представлениями, в частности, являются и современные псевдодемократические ценности, когда манипулирование массовым сознанием выдается за ценности демократии. Вопрос: кто и зачем манипулирует массовым сознанием? — должен

быть решен в понимании плоскости активности производителей мифов, которые стремятся лишь сохранить свои финансовые ресурсы. Зачем функционируют эти социально-экономические и научно-технические процессы и структуры псевдоцивилизации, эти производители мифов ответить не могут, поскольку основа их деятельности — мелкий цинизм ко всему, что может иметь разумное, то есть полноценное, отношение к жизни.

Ища первые проявления откровения метафизической границы мира, которая относится к становлению новейшей модели мировой цивилизации, мы видим ее не в ценностях эпохи Просвещения, которая сделала культовыми представления научного рассудка, а зловещие пророческие слова Ницше о появлении сверхчеловека, который относится к человеку как к обезьяне. Фактически, с объективно разумной точки зрения, для нас очевидно, что попытка современной мифологии биологической науки доказывать происхождение человека от примата, ставит необходимую обратную задачу: противопоставить этому примитивному мифу подлинное происхождение человека разумного. И здесь мы должны применять фрактальную систему координат, когда ценности эпохи Просвещения становятся подобны возникновению института христианской церкви в Римской империи, то есть историческому моменту, когда откровение нового мира пока все еще существует в полной мере в старом мире. Ведь чтобы зажегся свет нового мира, человеческий мир должен погрузиться в тотальный мрак, который наступает тогда, когда свет старого мира гаснет, а новый свет где-то очень далеко впереди. В этот момент сознание человека погружается в первородную бездну глубин высшей расовой памяти, пытаясь найти фрактальные элементы подобия прошлому, то есть пережить «вечное возвращение» субъективного разума к подлинному началу бытия.

Политическая структура лигарилистического союза возникает в качестве начального фрактала новой модели мировой цивилизации, то есть такой политической конструкции, в которой реализуется, одновременно, и возвращение к расовой памяти прошлого и проекция

исторического будущего. Особенностью этого союза является то, что он возникает в почти полностью племенной среде людей, которая остается после слома многовекового, а то и многотысячелетнего, опыта государственного строительства, как это, например, имело место на развалинах Российской и Китайской империи. Мы видим, что «выплёскивание» в политическую жизнь наиболее примитивного человека, что можно наблюдать в составе партии большевиков, в первую очередь, характеризует агрессивный настрой против всего полноценного в человеческой душе, поскольку именно неполноценность человеческой души является движущей силой всех человеческих орд на территории разрушаемых государств. После уничтожения государственной инфраструктуры, эти человеческие орды начинают планомерный геноцид против полноценного человека, когда последовательно и планомерно уничтожаются все слои народа, которые каким-то образом причастны к опыту расовой памяти: аристократия, купечество и крестьянство. Оставшаяся человеческая масса, полностью лишенная каких-то признаков разума, при большевизме была вовлечена в пролетарскую культуру, то есть такую систему коммуникаций, где присутствие рациональной взаимосвязи между людьми было практически равно нулю. С другой стороны, можно было наблюдать, что внутри этой неразумной массовой организации людей кипела «вера» в светлое будущее, опирающаяся на достижения научно-технического прогресса. Миф о наличии разума исключительно в научно-техническом прогрессе, который возник в эпоху Просвещения, стал той фрактально подобной исторической идеей, которая двигала массами рабов и варваров в гибнущей Римской империи на заре становления христианства. Ведь зарождающаяся великая вера, а именно таковой и была как христианская вера, так и наивная вера в разум, опирающаяся на научно-технический прогресс, на первой стадии своего развития ликвидирует именно наиболее полноценную природу человека, поскольку она является производителем высших ценностей, а эти ценности разрушают единство массовых коммуникаций. Массовое сознание человека всегда ориентировано на что-то очень простое в понимании, например, на научно-технический прогресс,

то есть на то, что, как рассуждают материалисты, «можно пощупать руками». Но метафизический мир «руками не пощупать». В том и состоит особенность метафизического мира, что, полностью определяя образ жизни человека, он не воспринимается как что-то доступное и простое. Конечно, на первой стадии становления, сознание метафизического мира может быть упрощено в каких-то человеческих институтах и технических средствах: как, например, понимание бога в институте христианской церкви или понимание времени в механическом действии часов, отсчитывающих не дух мировой истории, а мрак Темных Веков.

Можно было наблюдать, что в большевистской орде ценности псевдемократии и культуры, как, впрочем, и в орде перестроечной, были основными. Так, мифотворчество — это основа коммуникаций человеческой среды, где разум отсутствует, поскольку человеческий рассудок, не имеющий взаимосвязи с метафизическим миром, неизбежно вовлекается в систему мифов об окружающей реальности. И здесь не принципиально, на что опирается эта система мифов: на библейское откровение или на научную схему, главное, что человеческий рассудок остается в этом случае только человеческим, то есть сфера его понимания движется исключительно в каких-то конечных границах представлений. Мы видим, что в сомнамбулической реальности тотально мифологической системы мифов массового общества человек может находиться в течении всей своей жизни. Это обусловлено тем, что, первоначально, то, что стоит за мифом — это не результат детского воображения, каковым он воспринимается в массовом сознании, а, наоборот, что-то очень суровое, что выражает границу метафизического мира. Такова была идея единого бога в момент становления монотеистической веры и, аналогичным образом, вера в способности человеческого разума, опирающегося на научно-технический прогресс. Так, отрицая идею божественного происхождения мира, рассудочные ценности эпохи Просвещения стали полностью отрицать вообще существование метафизического мира, когда он стал восприниматься только как миф.

В наше историческое время болтовня о демократии в псевдемократическом мире более интенсивна чем да-

же там, где все-таки она имело полноценное историческое существование, то есть в западноевропейской цивилизации. Например, в Африке, где слова о демократии стали своего рода «половой тряпкой», размахиваемой в мире самых примитивных мифологических представлений о реальности, где эклектично смешаны: достижения научно-технического прогресса, африканский шаманизм, дикость человеческой души и полное отсутствие цивилизации. Впрочем, мы полагаем, что и в России дела обстоят ненамного лучше. Здесь полудикость человеческой души, распространившаяся после нашествия большевистской орды, и усиливавшаяся после орды перестроечной, является доминирующей на развалинах Российской империи. Но понять это может только человек разумный, когда фрактальные цепи исторических событий, с одной стороны, в одном демонстрируют достижения научно-технического прогресса, а в другом — откровенное человеческое варварство по отношению к существованию рациональных коммунистических функций, на основе которых функционирует цивилизация.

Если оценить наследие СССР с позиции объективного исторического разума, то можно заметить метафизический процесс, характеризующий момент становления любой новой модели мировой цивилизации. Сущность этого процесса состоит в том, что расовое бессознательное исторического прошлого перерабатывает человеческие орды в нечто хотя бы минимально годное для образования зачатков цивилизации. Речь идет о самых примитивных элементах цивилизации, где цивилизации еще не существует, но существуют ее предпосылки возникновения. Так мы оцениваем внутренний переворот в рядах большевистской орды: от доминирования в ней старых ленинских большевиков — к последователям Сталина. И здесь необходимо обратить внимание на принципиальный момент возникновения влияния этой расовой памяти — распространение почти первобытного ужаса инстинкта смерти, который стал возникать параллельно формированию сталинского режима власти. Ведь сталинский террор возник не столько из политических амбиций Сталина к узурпации власти, сколько из воздействия расовой памяти

предков предшествующих поколений русской нации к строительству Российской империи. Именно расовое бессознательное, или то, что Гегель называл «абсолютной идеей» мировой истории, «гнал» этот большевистский «мусор» на обломках империи в сторону зачатков становления мировой цивилизации. Впрочем, аналогичный процесс вероятно протекал всегда в событиях мировой истории: например, в момент активности дорийских орд на территории разрушенного микенского государства, орд гиксосов — на территории захваченного египетского государства или германских орд на развалинах Римской империи. Так, мы видим, что и перестроечная орда, разрушившая все лучшее, что было сделано после нашествия орды большевистской после 1991-го года, стала понемногу «рассасываться» под воздействием потока памяти расового бессознательного, поскольку неполноценная человеческая психика, производящая ценности псевдодемократии, полностью неспособна к государственному строительству. Однако очевидно, что разумный человек в современной России все равно исключен из политической реальности, поскольку ему нет места в политическом мире, где тотально доминируют лишь мифологические представления об исторической реальности.

Для российской исторической реальности основная проблема состоит в том, что в ней отсутствуют предпосылки для формирования разумной индивидуальности человека. Здесь, с одной стороны, практически уничтожены носители расовой памяти, которые связывают настоящие поколения с памятью предков, а с другой, система массовых коммуникаций построена на отрицании разума в человеческой душе, поскольку разум не может развиваться в мире мифологических представлений об исторической реальности. В результате, последовательная историческая деградация человека, которая проявляется, в частности, и на лицах людей, оставляет место для активности только поверхностного рассудка, который способен лишь интенсивно разрабатывать новые научные технологии, однако полностью лишен способности к рациональным коммуникациям и к развитию рационального мышления. Единственное проявление этого поверхностного рассудка, в основном, выражается в развитии научных во-

енных технологий, поскольку необходимы достаточные военные средства для самосохранения неразумного массового целого.

VIII

Мы утверждаем, что модель мировой цивилизации, доминирующая на определенном этапе исторического времени ее развития, закладывается системой военно-политических союзов, которые образуются в результате воздействия расовой памяти человека на психическую структуру полуварварской души. Так, можно заметить, что отделение хаоса Темных Веков массовой культуры — от рациональных коммуникаций, действующих в мировой цивилизации, определяется в момент отделения полноценной части человеческой души — от неполноценной. То есть, фактически, речь идет об отделении расовой организации человека — от его массовой организации. В расовой организации человека начинает действовать память, возвращающая его подсознание к высшим ценностям исторического прошлого, которые являются не музейными экспонатами, а разумной действительностью воли к власти как отображения объективности внутренних процессов цивилизации. Эти импульсы, как подсознательные «потоки» расовой памяти, возвращают существо человека в живое ощущение прошлого, где доминировал не разрушитель цивилизации, *Quasi Homo*, а строитель цивилизации — *Homo sapiens*. Подобный метафизический процесс имеет периодичность «разворачивания» и «свертывания» фрактальных исторических цепей, в которых история мировой цивилизации предстает не линейной картиной исторических событий, а топологической действительностью фрактального мира.

Причины, в силу которых возникает историческая необходимость формирования лигарилистических союзов, которыми, в частности, являются спартанские союзы и рыцарские ордена, обусловлена задачей восстановления власти разумного человека в среде, где он потерял контроль над политической ситуацией. В этих политических объединениях восстанавливается то, что может существо-

вать только в разумной среде людей, где слово «честь», «долг», «достоинство» — не пустые слова, а основание для действия воли к власти. В первую очередь, метафизика воли к власти, которая закладывает основы рациональных коммуникаций в этой среде, предполагает противопоставление действия разумной воли человека — сублимированным влечениям, поскольку последние действуют в пределах представлений только низших ценностей. Ведь субъективность действия разума в позиции воли к власти предполагает, что действие воли проистекает не из влечений, поскольку последние обусловлены подсознательным инстинктом самосохранения человека, а из зловещего холода подсознательного инстинкта смерти. Собственно, именно в области подсознания происходит переход от эйфории первоначального откровения веры, которая действует в душах рабов и варваров, — к зачаткам разумной индивидуальности человека, где существуют предпосылки для формирования класса аристократии. Поэтому между этими двумя классами людей присутствует глубокий антогонизм, поскольку первые утверждают низшие ценности на основании новой веры, а вторые — ценности высшие на основании той же веры.

В массовом сознании, которое доминирует в представлениях о сущности цивилизации, критерием цивилизации являются финансовые потоки, комфорт человеческого быта, новые научные технологии и другой мусор человеческого рассудка, который не знаком с суровым духом мировой истории. Но в разумной действительности сущность мировой цивилизации проявляется в другом. В первую очередь, она проявляется во взаимосвязи: прошлого, настоящего и будущего на основании высших ценностей, которые связывают людей как разумных индивидуальностей, а не членов массового, то есть неразумного, общества. В этом смысле, псевдодемократическая болтовня о демократии направлена на то, чтобы создать примитивный хаос политических представлений об исторической действительности, в которых поверхностный рассудок чувствует себя как «рыба в воде». Ведь именно в этой мутной воде многообразия низших ценностей жиз-

ни абстрактный рассудок демонстрирует свое превосходство над патриархальной психологией человека, которая отображает подсознательную память духа предков. Именно эта псевдодемократическая болтовня была опорой в геноциде над полноценной частью народа в усилиях большевистских орд на территории разгромленной Российской империи. Так, чтобы установить равенство социального пространства неполноценной человеческой природы, которая гарантировала жизнь под игом большевистских орд, необходимо было ликвидировать все элементарно полноценное, что обладало бы хотя бы простейшими зачатками разумной индивидуальности.

Мы понимаем под сущностью мировой цивилизации наличие рациональных коммуникаций между людьми в метафизическом начале онтологического потока времени. Это то, что практически полностью отсутствует в современных массовых коммуникациях, поскольку для рациональных коммуникаций необходимо присутствие метафизического мира, связывающее людей в процессах мировой истории. Но метафизическое начало бытия, то есть разумная сущность времени, не существует в массовом сознании, будучи сведена к линейной последовательности событий. И здесь мы встречаем фрактальное подобие исторических событий Темных Веков, например, существующих между античным и христианским миром, когда сознание единого бога действовала только на уровне абстрактного рассудка, тогда как европейская душа почти полностью существовала во власти влияния «обломков» языческого мира. Так и в наше историческое время, история цивилизации в европейском мире воспринимается исключительно как последовательность линейных событий, выдавая обломки рациональных коммуникаций за нечто целое. Эти «обломки» трансформировались в веру в научно-технический прогресс. В результате, эти «обломки» кажутся чем-то единым, поскольку абстрактный рассудок, умело конструируя мифологические представления человека, выдает неразумное — за разумное. Понятно, что одна из основных идей Ницше о «смерти бога» трактуется в современной псевдофилософии с позиций чего-то «неразумного», хотя в действительности в этой одной из центральных идей его философии субъективный

разум определяет предшествующие позиции идеализма, выстроенные в линейном понимании мировой истории, «мусором» исчезнувшего метафизического мира. Поэтому позиции классического западноевропейского рационализма, разработанные до философских идей Ницше, в действительности, являются не более чем хорошей школой абстрактной мысли. Впрочем, такого рода переход: от рационального понимания мира — в сторону мифологических представлений о нем, неизбежен. Эта неизбежность проистекает из того, что новизна метафизики фрактальной картины мира постоянно меняется. То, что разум человека способен понять в определенный исторический момент, уже через определенное время становится кардинально иным в топологии множества фрактальных элементов онтологического потока времени. Но человеческий рассудок стремится удержать распадающиеся элементы целого, ускользающие в потоке метафизического мира, создавая определенную систему представлений. Понятно, что наиболее надежной и устойчивой системой этих представлений является научная мысль, в которой рассудок максимально приближен к возможности понимания разумного целого, но только на уровне определенного схематизма абстрактных мыслей.

Возникновение политической структуры лигарилистического союза проистекает из исторической необходимости, — переломить состояние дикости или полудикости человеческой души, а также пресечь процесс деградации человека. Это обусловлено тем, что псевдодемократическая политическая система, которая доминирует почти во всем современном политическом мире, исключает разум человека как основу коммуникаций между людьми, насаждая везде массовые коммуникации, то есть такие коммуникации, которые не предполагают влияние расовой памяти человека на действие его сознания. Если искать начала любой новой модели мировой цивилизации, то мы полагаем, что любая новая историческая модель мировой цивилизации начинается с момента формирования лигарилистического союза, то есть такой политической организации, в которой граница ее существования обеспечивается за счет метафизического пространства, возникающего в результате коллективного действия воли к власти опре-

деленной группы людей, существующих в этом пространстве.

Можно заметить, что есть некоторые основные признаки, характеризующие фрактальное подобие структуры лигаристического союза в мировой истории. Это священная коллективная собственность, военная иерархия, понятия чести и долга как основа взаимоотношений между членами союза. Важнейшей характеристикой этих союзов является их чисто мужской характер и ориентация на определенные сакральные силы, которые существуют в «огне» коллективного целого нового метафизического пространства. Этот исторический момент отделения какой-то полноценной группы людей от разрозненных орд, то есть агрессивных племенных массовых образований, доминирующих на развалинах древних цивилизаций, например, дорийских орд — на развалинах крито-микенской цивилизации, или германских орд — на обломках Римской империи. Чисто мужской характер этих союзов есть то, что противостоит доминирующим нравам матриархата в Темные Века, который устанавливается в момент утраты разумным человеком контроля над политическими процессами внутри цивилизации, то есть в момент расовой катастрофы, когда цивилизация исчезает, уступая место иррациональным процессам псевдоцивилизации. Поскольку фрактальные цепи мировых исторических событий обладают моментом необходимого подобия, то возврат в определенной фрактальной цепочке исторических событий к нравам матриархата обусловлен «сгоранием» метафизической энергии воли к власти и резкой активизацией животной энергии человеческих влечений. В этот момент распада единой модели мировой цивилизации все ее фрактальные элементы изолируются как целое, то есть исчезает единство полноценного художественного восприятия мира, на подсознательной базе которого функционируют метафизические импульсы воли к власти. «Собирание» распавшегося метафизического мира в целое и происходит в коллективной энергии действия лигаристического союза за счет метафизических импульсов воли к власти разумных людей, изолировавших себя от процессов катастрофической деградации в инстинктах человеческой массы.

Понятно, что необходимость выделения политической структуры лигаристического союза из опыта наследия мировой истории требуется для того, чтобы осмыслить современные исторические события. Ведь не сложно заметить, что весь многообразный мусор достижений, который производит современная псевдоцивилизация, годен лишь для того, чтобы человечество выживало как биологический вид. Но разумное существование человека может обеспечиваться только за счет метафизического пространства, в котором действует метафизика энергии воли к власти. Но самое главное, конечно, состоит в том, что мы должны понять события мировой истории не в их мифологическом линейном восприятии, а в системе фрактального подобия. Только в этом случае можно избавиться от того многообразия хаоса мифов, которые доминируют в современном массовом сознании о происходящих исторических событиях. Ведь это только неразумный человек, чье сознание заполнено разнообразными мифами массовой культуры, мнит себя в современное историческое время «наивысшим» достижением мировой цивилизации, — мы, разумные люди, осознаем себя, по отношению к уровню активности высших ценностей исторического прошлого, наоборот, в историческом безвременье Темных Веков, где активны ничтожнейшие политические «тени» настоящего.

Для нас очевидным историческим фактом, с точки зрения объективного разума, является проистечение различных человеческих орд практически во многих странах мира в новейшее время. Большевицкая орда, орда хунвейбинов — это только самые значительные племенные образования, которые разгромили остатки мировой цивилизации прошлого на своих территориях. Для нас также очевидно, что выдающиеся научно-технические достижения современной псевдоцивилизации есть не разум, как это усиленно внушается массовому сознанию в СМИ, а лишь вера в то, что это «разумно». В действительности же, этой вере во фрактальном историческом мире можно поставить в соответствие институт христианской церкви, где идея происхождения мира от единого бога стала основополагающей базой становления новой модели

мировой цивилизации так же, как в массовом обществе таковой стала вера в развитие научно-технического прогресса. В этом смысле, мы видим, что вера в научно-технический прогресс, как в своего рода нового «бога» мировой истории, характеризует политическое движение коммунизма, объединившее в своих рядах все пролетарские и антинациональные силы. В этом смысле, фашизм находился все-таки где-то в стороне. Более того, можно заметить, что в фашизме даже обнаруживается стремление к восстановлению патриархального пространства существования человека. Есть в нем и нечто интуитивно направленное на сознание фрактальности исторического мира. Однако главное, что демонстрирует неразумный политический принцип существования учения фашизма — это расовая теория, опирающаяся на биологическое, а не на метафизическое понимание высшей природы человека. Попытка выстраивать расы по рангу: от высшей — к низшей, исключает метафизическое пространство существования расы *Homo sapiens* как строителя мировой цивилизации, оставляя последнее слово не за разумом, а за биологией человека.

Мы полагаем, что периодическое возвращение в мировой истории к возникновению лигаристического союза в новейших событиях неизбежно. Необходимо понимать, что цивилизация существует как разумное целое, связывающее людей, исторически дискретно, когда ее состояние периодически переходит в стадию псевдоцивилизации. Характерной особенностью фазы существования псевдоцивилизации является возврат к нравам матриархата, когда вместо полноценных импульсов воли в системе коммуникаций начинают доминировать сублимированные влечения. Кардинальное отличие действия сублимированного влечения от полноценного импульса воли к власти состоит в том, что влечение в любом своем проявлении является частью материального мира, тогда как воля, наоборот, является проявлением мира метафизического. Так, мы наблюдаем, что в современной системе функционирования мировой псевдоцивилизации метафизический мир присутствует, но в качестве чего-то бесконечно-малого, то есть представления о времени как о линейном процессе. В этом смысле, можно сказать, что

массовый человек, хотя и погружен полностью в иррациональную систему массовых коммуникаций, одновременно, «плывет» в метафизическом потоке времени через свое расовое бессознательное. На этот момент указывают попытки формирования лигарилистических союзов в новейшее историческое время. Но все-таки следует понимать, что названные выше политические учения были лишь попытками образования системы лигарилистических союзов в силу отсутствия в них полноценного рационального понимания исторических событий мировой истории.

Мы полагаем, что возникновение модели лигарилистического союза является метафизической основой, производящим «котлом» энергии любой системы мировой цивилизации, то есть тем фрактальным «скелетом» высшей психологии человека, на основе которого существует и функционирует ее полноценная основа. Именно в лигарилистическом союзе закладываются понятия о чести, долге, то есть ценностях, которые превышают человеческую жизнь в силу существования метафизического мира. Поэтому, когда Ницше утверждал, что «бог умер», он имел в виду, что полностью исчезла высшая психическая энергии, производимая в течении многих столетий системой лигарилистических союзов, то есть энергией воли к власти, черпаемой из метафизического мира, действовавшего как основа западноевропейской цивилизации. Понятно, что и все понятия о долге и чести, связанные с последней системой лигарилистических союзов, то есть рыцарскими орденами, исчезли, вследствие чего в политической системе мировой псевдоцивилизации утвердился тот вороватый тип Quasi Homo, который все сводит к системе низших ценностей. Ведь если метафизический мир уже не существует, то что может поддерживать понятия о чести и долге? Только «ничто», к которому, собственно, и апеллирует субъективный разум в эпоху расовых катастроф. Это ничто обладает зловещей энергией пронизывающего «холода» подсознательного инстинкта смерти, который указывает на метафизический мир. Он указывает даже тогда, когда вокруг доминирует хаос мифологических представлений о реальности, например, в наше историческое время.

Наблюдая современную мрачную картину Темных Веков, в которых доминирует неразумный человек, можно понять историческую необходимость возникновения политической модели лигаристического союза. Она возникает тогда, когда все разумные импульсы движения человеческой души ликвидируются, тогда как вместо них резко активизируются подсознательные животные влечения человека. Причем, энергия влечений расчищает себе дорогу в обломках рациональной модели мировой цивилизации за счет методического укрепления нравов матриархата, культивируемого в качестве ценностей «свободы» в мифологическом пространстве низших ценностей псевдоцивилизации. Ведь это только раб на подсознательном уровне всегда стремится к свободе, тогда как разумный человек обладает ею от природы в силу того, что подлинная свобода — это всегда выполнение какого-то высшего долга, проистекающего из пространства метафизического мира. «Свобода» же в массовом обществе — это миф о свободе, поскольку для того, чтобы быть «свободным» в массовом обществе, необходимо почти полностью утратить индивидуальные разумные свойства души. По крайней мере, мы не обнаруживаем какого-то сознания высшего долга в мифологии низших ценностей массового общества. Да и какой может быть долг в восприятии практически полностью материального мира, где человек ощущает себя как животное. Животное ведь долгом не может обладать. Вообще утрата разумной индивидуальности человеком в массовом обществе и есть наиболее сильный удар по системе функционирования полноценной модели мировой цивилизации, который мы определяем, как феномен расовой катастрофы. Собственно, понятие долга естественно проистекает из действия метафизического импульса воли к власти, то есть из необходимости видеть материальный мир вторичным, чем-то произведенным от метафизического начала бытия. Именно поэтому время в представлениях материализма воспринимается как свойство материи, а не как метафизическое начало мира.

Первое, с чего начинается формирование системы внутренних коммуникаций лигаристического союза, — это восстановление полноценного импульса воли к власти, то есть с очищения пространства существования человека

от мусора массовых коммуникаций. Ведь это только миф, что массовое общество — продукт исключительно новейшего исторического времени. В историческом прошлом человек всегда погружался в состояние массового коллективизма и массового психоза, когда терял связь с разумом. И всегда в истории находились пролетарские и рабские силы разного рода анклавов народов, которые выступали со своим культом «свободы» и «равенства», сменяя все полноценное в человеческой душе.

Основной вывод, который мы должны сделать в проекции фрактальных событий нашего времени на историческое прошлое, состоит в том, что мировая история продолжается в наше историческое время, но не в представлении о линейных событиях, а во фрактальном подобии своего проявления. В этом смысле, фрактальные цепи исторического прошлого, настоящего и будущего топологически переплетаются. В этом топологическом переплетении исторических событий настоящее, как видимость их линейного горизонта, есть не более, чем миф, хотя именно этот миф и навязывается современному массовому сознанию в качестве веры в то, что научно-технический прогресс есть критерий уровня развития мировой цивилизации. Мы же утверждаем с позиции фрактального подобия исторических событий, что научно-технический прогресс — это лишь самое примитивное и самое незначительное проявление нового мира, где научная составляющая насколько же существенна, насколько она может быть существенна, например, для понимания картин Леонардо да Винчи. Можно, конечно, исследовать эту бесконечную полноту подобия фрактальных элементов как математическую модель, однако для развития объективного разумного понимания мира, в первую очередь, необходима функционирование полноценной человеческой психики, что гарантировать научная мысль не может. Наоборот, мы замечаем, что развитие новых научных технологий может происходить в среде неполноценной для существования разума, поскольку такова особенность чисто абстрактного мышления, потерявшего взаимосвязь с метафизическим пониманием природы: оно развивается даже там, где место субъективного разума под-

меняет легкомысленная импровизация абстракций мысли. Ведь главное для развития научных технологий не мера их разумности, а мера их материальной функциональности, то есть практическая польза в непосредственном быту человека.

Возвращаясь к тому, что мы полагаем попыткой создания политической структуры лигаристического союза, то есть к политическим движениям фашизма и политической системе СССР после второй мировой войны, мы полагаем, что их идеологические основы, в целом, относятся к прошлому, а не к будущему мировой цивилизации, поскольку не дают подлинного понимания взаимосвязи с духом мировой истории. Для нас критерием высших ценностей является то, что обладает разумным основанием индивидуальности человека, которая в своей глубинной основе враждебно подсознательным массовым инстинктам. Однако отрицание мифологии монотеистического мира, безусловно, следует признать определенным авангардом мировой истории этих политических течений. Здесь очевидно, что разрушение старой модели мировой цивилизации, которую, собственно, и реализовали эти политические движения, могли осуществить только силы в своей примитивной племенной организации, со своими вождями. Ведь любая модель мировой цивилизации начинается с движения разного рода орд и заканчивает ими, поскольку псевдоцивилизация выражает не действие разумной индивидуальности человека, а лишь его подсознательный животный инстинкт выживания. Можно, конечно, клеймить и проклинать фашизм и издеваться над коммунизмом, однако это не объясняет той политической мощи, которую они продемонстрировали на фоне гнилой политической реальности псевдodemократии. То, что эта мощь проистекала из племенной энергии, конечно, имеет явно негативный характер, однако метафизические тензоры воли к власти формируются в первый момент своего появления из выброса мужской агрессии низших исторических сословий цивилизации, накопленных ими в силу присутствия на «обочине» процессов мировой истории. Эта энергия высво-

бождается в силу того, что историческая аристократия теряет свою политическую опору в метафизическом мире, который постепенно превращается в миф, и, как следствие, теряет реальную политическую власть. А низшие сословия никогда не утрачивают взаимосвязь с полнотой восприятия природы, ибо непосредственно этой природой, лишенной, по отношению к высшим ценностям, разумом, и являются. В них вновь возбуждаются новые фрактальные цепи исторических событий, что очень хорошо можно проследить, например, по истории Китая, где после обрыва очередной династической линии и, как следствие, разрушения государства, Китай вновь возвращался к племенному хаосу. Вообще состояние хаоса, из которого по мифологии греков произошел мир, мы должны понимать, как хаос мифологических представлений о мире, возникающих в очередной модели псевдоцивилизации. Мифология представлений — это обломки системы рационального понимания мира, на основе которых существовала цивилизация на определенном историческом периоде. Ведь особенностью представлений является то, что в них абстрактный рассудок выражается не как субъективный разум, а как схема определенного знания. Подлинный субъективный разум, как это можно судить по философскому наследию Ницше, обращается к образам высшей памяти, а потому основной материал выражения этих образов имеет художественную природу метафор и афоризмов. Так, субъективному разуму не просто пробиться сквозь «мусор» мифологических представлений, образующихся в результате ускользания метафизического потока времени вперед, когда знание о мире уже не соответствует новой фрактальной картине реальности.

Проблема современной псевдоцивилизации состоит в том, что человеческая честь и достоинство стали в ней пустым звуком, поскольку эти качества вытекают из сознания долга перед метафизическим началом бытия, демонстрируя ценности, превышающие ценность жизни, что отрицает существование массового общества. Мы утверждаем, что любая модель мировой цивилизации устойчива только до момента функционирования в ней структуры лигарилистического союза, где эти ценности рождаются и где «горит» огонь их присутствия до мо-

мента распада цивилизации в состояние псевдоцивилизации. Эта политическая структура возникает как метафизическая база существования расы Homo sapiens и заканчивает как исчезновение ее присутствия в реальности. В лигаристическом союзе «горит» своего рода метафизический «котел» времени, который сохраняет рациональные коммуникации мировой цивилизации в их топологической способности реагировать на метафизическое восприятие времени. Но как только этот метафизический «котел» остывает, исчезает, можно сказать живая «кровь» цивилизации, и она начинает превращаться в мертвый скелет чего-то механического, что производится без всякого разумного смысла и содержания. Однако система мифов продолжает внушать массовому сознанию, что все «хорошо», что цивилизация прочна в своих основах, научные технологии развиваются и причин для беспокойства не существует. В этом есть нечто фрактально подобное деятельности института христианской церкви в Темные Века, когда массовому сознанию внушалась идея вечного спасения и идея конечности материального мира на фоне дикости господствующих нравов людей. Главное для состояния массовой души — ее психологическое спокойствие для монотонного течения подсознательных влечений, когда метафизический мир воспринимается как нечто внешнее, как что-то абстрактное в качестве мифа. И здесь не принципиально, как воспринимается эта абстракция с учетом исторической эпохи: время как свойство материи в новейшее историческое время или в сознании существования единого бога полторы тысячи лет назад, поскольку в период Темных Веков мифы воспринимаются как реальность, а разумная действительность, наоборот, воспринимается как миф.

Таким образом, мы утверждаем, что политическая конструкция СССР была историческим «бульоном» для возникновения системы лигаристического союза, что, собственно, было и отражено в самом названии этой системы, «союз». Поэтому «случайным» это политическое явление определять в истории неразумно. Была в нем и священная коллективная собственность, и идея патриотизма, и военно-дисциплинарная система социальной организации. Не было только самого главного признака существования

лигаристического союза — производства высших ценностей, поскольку только высшие ценности могут быть признаком отличия структуры цивилизации от хаотического развития процессов псевдоцивилизации. Низшие же ценности, которые пропагандировал марксизм, сформировали тот непригодный для системы функционирования цивилизации тип человека, который доминирует в современной политической реальности России вплоть до нашего времени. Поэтому в России хаос исторических представлений, можно сказать, тотален, как это всегда бывает в Темные Века. Это вызвано тем, что, начиная с реформ Петра Великого, ее политическая модель формировалась как подражательная, пытаясь совместить расовый опыт исторического прошлого с достижениями цивилизации западноевропейского мира. Как мы видим по событиям XX века, эта политическая модель не выдержала испытания времени и была стерта нашествием большевистской орды.

Основная проблема в отсутствии производства высших ценностей в современной политической модели мировой псевдоцивилизации выражается в том, что социальная активность в ней человека требует максимальной монотонности действия его психики, стремящейся к машинным алгоритмам. Но высшие ценности, наоборот, исключают эту монотонность в принципе, поскольку воля к власти по существу есть то, что резко нарушает монотонный ритм влечений, «вырывая» человека из восприятия материального мира — в метафизический мир. Так, власть воли в непосредственной жизни человека предполагает, в первую очередь, что метафизический мир существует. Другое дело, что его восприятие в онтологической сущности времени требует принципиально по-новому воспринимать этот мир. Мир в онтологической сущности времени теряет свои линейные очертания, трансформируясь в топологические конструкции, «размазывая» материальные объекты как полноценная современная авангардная живопись. Массовое же сознание воспринимает этот материальный мусор реальности как высшее достижение цивилизации, хотя в действительности речь идет о хаосе процессов псевдоцивилизации. Столь мощное воздействие мифологии массовых представлений обусловлено

утратой субъективного разума человеком в массовом обществе. Впрочем, этот процесс исчезновения разума в политических структурах, которые отработали свой исторический срок, можно наблюдать всегда в мировой истории. Всегда в конце существования какой-то социальной организации начинают действовать вместо разумных коммуникаций разного рода магические заклинания. Так они действовали в бесконечном количестве рекомендаций для верующих на все случаи жизни в религиозном мире, и, аналогичным образом, мы наблюдаем их бесконечное разнообразие в наше историческое время в известных фразах: «ученые доказали» и «ученые утверждают» в массовом обществе. Здесь мы наблюдаем все те же фрактальное подобие исторических цепей событий.

Таким образом, нравы матриархата, доминирующие в структурах псевдоцивилизации, требуют в качестве исторической необходимости восстановления позиций патриархата, то есть пресечение активности животных влечений человека и установления господствующих позиций воли к власти. Но для последнего, необходимо понимание существования метафизического мира, а не только материальной реальности. Ведь культура эпохи Просвещения, практически полностью ориентированная на веру в научно-технический прогресс, объявила метафизическую реальность мифом. То, что эту веру в научно-технический прогресс в наше историческое время можно полагать мифом с точки зрения разумной действительности исторических событий, равносильно тому, что объявить мифом библейское откровение в эпоху Средневековья.

IX

Мы были свидетелями и участниками того, что принято называть «советской властью», где исторический буйлон зачаточной структуры лигаристического союза закончился развалом этих примитивных политических структур и нашествием новой орды, «перестроечной». Понятно, что эти события Темных Веков не относятся к процессам мировой цивилизации, поскольку цивилизация предполагает, что в ее системе действуют рациональные

коммуникации. С другой стороны, события псевдоцивилизации, протекающие в системе массовых коммуникаций, могут восприниматься как «достижения» мировой цивилизации только при условии, что опираются на определенную мифологию представлений. В данном случае, речь идет о мифологии веры в научно-технический прогресс, который фрактально подобен вере в единого бога, ставший основой становления модели цивилизации два тысячелетия назад. При этом, мы, как и просветители Нового Времени, также верим в разум человека, только вера наша не наивна, ибо таковой она бывает только в момент своего начального появления, а опирается на научное открытие бессознательных процессов в человеческой психике, которые требует по-другому смотреть на происхождение метафизического мира и сущность разума.

Наблюдая, как современная мифология псевдоцивилизации ассоциирует «успехи» человека в своих массовых социальных структурах, например, по рейтингу журнала «Forbes», мы воспринимаем это на уровне ощущения: где какой «опарыш» крупнее на гниющем «труп» мировой цивилизации. Ведь эти опарыши выполняют свою необходимую работу по ликвидации «гнилья» остатков старой модели мировой цивилизации, которая продолжает гнить до того момента, пока не начинает функционировать ее новая модель. Эта гниль тотальна в социально-политических процессах современной псевдоцивилизации, где разумный человек исключен как политическая реальность, зато в ней, как рыба в воде очень уверенно чувствует себя тип *Quasi Homo*. Он начинает доминировать всегда, когда метафизические импульсы воли к власти ослабевают. С другой стороны, племенной инстинкт, который распространяется в этот исторический момент на обломках мировой цивилизации в качестве социальной организации, лишенной рациональных коммуникаций, сам постепенно подвергается воздействию потока расовой памяти, идущей из подсознательного инстинкта смерти человека. В результате, возникает новая фрактальная цепь мировой истории, где воля к власти натягивает топологический «шатер» рациональных коммуникаций метафизического мира для необходимого функционирования внутренних процессов мировой цивилизации. В наше историческое

время, этот метафизический «шатер» обладает бесконечно малым слоем в метафизической сущности времени, где все действия и мысли людей контролируются со стороны представления о времени как течения его в механических часах. Механические часы — это попытка представлений рассудка сохранить компромисс: между старым миром и миром новым на уровне ощущения линейного течения времени.

Трудно не заметить, что идеологическая система ценностей в СССР, где утверждались ценности: семьи, государства, веры в разум, патриотизма и коллективной частной собственности были положительными. Резко негативно мы оцениваем лишь саму коммунистическую идеологию, в которой грубый материализм исключает реальность метафизического мира. На базе этой примитивной идеологии, которая может удовлетворить лишь очень плохо развитого человека, высшие ценности не могли развиваться. Однако очевидно, что для разрушения старой модели мировой цивилизации, тем более сконструированной в качестве подражательной, как это имело место в судьбе России, подобная идеология оказалась к месту. Ведь она называет рабов — движущей силой мировой истории. Кто-то ведь должен втянуть жизнь человека во мрак Темных Веков, а кроме рабов, варваров и пролетариев это некому, поскольку другие политические силы являются частью внутренних процессов развития мировой цивилизации. Как мы видим, Интернационал сплотил всех рабов в единую политическую силу, окончательно разрушившую внутреннюю структуру мировой цивилизации, оставив после себя лишь мусор технологического производства псевдоцивилизации. Ведь разум в качестве действия абстрактной научной схемы — это уже мифология, а не действительность разумного мира, если мы рассматриваем события мировой истории с метафизической точки зрения, исходя из нашего исторического времени. Впрочем, нашествие орд, как имело место в России в XX веке, в западноевропейской цивилизации не было, просто импульс воли к власти сжался практически до нуля в ней в силу исчерпания высшей психической энергии расы *Homo sapiens*.

Основная проблема разрушения рациональных коммуникаций современной цивилизации состоит в том, что при отсутствии в массовых социальных структурах разума, внутри псевдоцивилизации борьбу ведут неразумные политические силы. Так, со стороны западноевропейского мира мы видим деградантов, потерявших связь с разумом, а с полярно противоположного мира, к которому, в частности, принадлежит Россия, полуварварские силы, не знакомые с системой рациональных коммуникаций. Понятно, что с обеих сторон миф о существовании цивилизации создают идеологические системы СМИ, где болтовня о «свободе», о новых научно-технических достижениях и других благах псевдоцивилизации должны убедить массовое сознание в том, что человек существует в обществе разумных людей, а не в обществе исторических «теней» Темных Веков. В наше историческое время мы не обнаруживаем главного критерия существования мировой цивилизации — продуктов производства высших ценностей, которые дают возможность почувствовать человеку причастность к событиям мировой истории. То есть мы не находим в современной псевдоцивилизации: ни великих научных открытий, ни выдающихся произведений искусства, ни разумной политической силы, которая хоть как-то ориентирована на будущее мировой истории. Везде примитивный материализм восприятия мира демонстрирует активность неразумного человека, поскольку невозможно проявлять активность в социальной среде, почти полностью лишенной разума. Ведь система рациональных коммуникаций предполагает, что взаимосвязь между людьми на разумном уровне передается через метафизические импульсы воли к власти. Как только эти импульсы исчезают, внутренние процессы мировой цивилизации сворачиваются, поскольку влечения, даже максимально сублимированные социальной системой, не передают того пронизывающего холода метафизической границы, за счет которой в душе человека активно его бессознательное духовное существо. То, что должно убеждать массовое сознание в наличии вокруг человека признаков цивилизации — это быстро растущий комфорт его жизни и стремительно развивающаяся система массовых коммуникаций через различные средства технической связи. Но пробле-

ма состоит в том, что эти связи не передают разумный импульс воли к власти человека, а лишь импульсы его животного существа, механически реагирующего на окружающей материальный мир как биологическая машина. Ведь даже максимально сублимированное массовой социальной системой влечение человека все равно остается влечением, не более того.

Размышляя над первой работой Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», мы должны понимать, что трагическое ощущение мира — это также один из признаков существования рациональных коммуникаций между людьми, поскольку в метафизическом импульсе воли к власти место для человеческого счастья не предусмотрено. В разумном мире вообще нет места инфантилизму, этой психологической базе состояния человека, на основе которой развиваются различные мифологические представления о мире. Сюда, в частности, следует относить и психологическое состояние человеческого «счастья». Кант, как известно, отождествлял высшее благо и стремление человека к счастью, что и послужило поводом нападок на его философию со стороны Ницше, поскольку аристократический холод пространства воли к власти категорически исключает присутствие в своем существовании эту ценность. Трагическое пространство всегда «вибрирует» на острие активности подсознательного инстинкта смерти человека, создавая холод метафизической границы, за счет которой происходит производство высших ценностей мировой цивилизации. Однако после второй мировой войны метафизическое пространство существования полноценного человека буквально «испарилось», дав полный простор тому отупляющему состоянию человеческого «счастья», на основании которого современные СМИ формируют свою тотальную систему мифологических представлений о мире. Ведь человеку, находящему в состоянии инфантилизма, легко внушить любую фантазию об окружающем его мире, лишь бы эта фантазия поддерживалась магическими словами: «ученые доказали», «научные технологии», «инвестиции», «инновации» и тому подобным хламом, относящимся к процессам псевдоцивилизации.

Холод подсознательной расовой памяти исторического прошлого начинает воздействовать на душу варвара, когда он оказывается на развалинах разрушенного его дикими усилиями государственного устройства. Так было с ордами германцев на развалинах Римской империи и также произошло с большевистской ордой на развалинах Российской империи. Образовав свои полудикие социальные связи, эти орды стали подвергаться потоку расового бессознательного из глубин высшей памяти исторического пространства, пытаясь создать то, что требовала историческая необходимость, лигарилистические союзы. Они создали своего рода производительный «бульон», предпосылку для их возникновения, то есть пространство, где разумной индивидуальности еще не существует, но и откровенного варварства уже нет. Такова была историческая ситуация в момент наивысшего расцвета СССР. Осколки же русской нации оказались в этой среде полудиких общин как «белые вороны», которые тщательно ликвидировались варварской социальной системой, исключаяющей присутствие в себе разумной индивидуальности. Впрочем, современная историческая ситуация приблизительно такая же, поскольку производительный бульон лигарилистического союза резко ослабил свою деятельность в наше время, тогда как вороватые человеческие типы, выброшенные на развалинах Советского Союза к власти и собственности, исключают присутствие рядом с собой разумного человека. Дикость и чуждость историческим законам мировой цивилизации написана на их лицах, причем можно заметить, что в юности эти люди были не столь дикими, но такими их сделала власть и собственность варварской социальной системы.

Мы утверждаем, что единственный путь становления России как полноценного государства может лежать только через методическое формирование лигарилистических союзов, попытка образования которых уже есть в недалеком прошлом. В истории ничего не бывает случайным, но подчиняется суровым законам духа, действующего в глубинах человеческой памяти через подсознательное расовое существо человека. При этом необходимо пони-

мать, что тотально доминирующая здесь почти век коммунистическая идеология была не более чем одной из тоталитарных мировых сект, которые всегда возникают в момент разрушения старой модели мировой цивилизации. Выбросив примитивный человеческий материал в хаос событий Темных Веков, эти секты прекращают свою деятельность, выполнив свою историческую задачу по зачистке старых политических институтов. После них наступает хаос мифологических представлений о мире, который мы можем наблюдать в идеологическом пространстве современной российской реальности. Причем, в этой полудикой социальной среде мы обнаруживаем правильное направление политической мысли — попытку восстановления патриархального пространства, то есть эта мысль — проявление подсознательной расовой памяти человека, стремится к реставрации того, что было тотально разрушено нашествием большевистской и перестроечной орды. Понятно, что вернуться в патриархальное пространство, носители которого практически уничтожены нашествием этих орд, невозможно. Можно, конечно, имитировать патриархальное пространство, поскольку практически вся деятельность псевдоцивилизации построена на имитации исторических событий для инфантильного сознания человека, однако дикость человеческой души может быть сломлена только причастностью к подлинным событиям мировой истории. Необходима метафизическая реальность сознания, в которой действует живой исторический дух, а он проявляется только в действии воли к власти, которая формирует систему рациональных коммуникаций, создавая метафизическое пространство существования расы *Homo sapiens*. В этом смысле, философскую идею «смерти бога» мы должны понимать очень широко, но, в первую очередь, как задачу формирования принципиально нового метафизического мира, где должен существовать дух патриархального пространства для создания новой модели мировой цивилизации. Именно для этой цели и формируются лигаристические союзы, где культ мужского начала является тотальным в силу абсолютной прерогативы воли к власти.

Причины, в силу которых на территориях, подвергшихся нашествию внутренних орд, возникает военизирован-

ный образ жизни человека, следует искать в единственном средстве коммуникаций в среде варваров — военной организации жизни, поскольку лигаристические союзы возникают в среде, где полностью разгромлена патриархальная норма жизни. Однако военизированная орда большевистского типа, безусловно, не относится к структуре лигаристического союза, ибо массовый инстинкт — это то, что, в первую очередь, разрушает система цивилизации, выделяя в человеке активность его индивидуального разума. Псевдоцивилизация же создает в своем пространстве низших ценностей то, что принято называть «культурой», то есть, фактически, с позиции объективного исторического разума, матриархальную систему существования человека. В период советской власти это было особенно заметно в подмене понятия «отечество» на понятие «родина», которое, впрочем, и сейчас доминирует в российской идеологической системе СМИ. И действительно, если рассматривать произошедшие события в России с точки зрения объективного исторического разума, то придется признать, что речь должна идти не о революции, а о нашествии большевистской орды. Впрочем, такую позицию может занимать только национальное русское самосознание, а оно полностью исключено в современной политической модели российской власти, где постбольшевизм является доминирующим. Вообще, мы видим, что полноценный человек здесь исключен из социальной системы, которая практически полностью построена на мифологии представлений о произошедших и происходящих исторических событиях. Но и иллюзий по поводу существования цивилизации в западноевропейском мире мы тоже не имеем. Там, конечно, внутренняя модель цивилизации выстояла под возможными ударами орд, однако подверглась неизбежному внутреннему разложению, которое всегда сопровождается такими явлениями как переселение на ее территорию народов с периферии цивилизованного мира, распространение власти матриархата, и, как следствие, исчезновение разумного образа жизни человека. Массы иммигрантов из других стран — это те силы, которые разрушают обломки ее рациональных коммуникаций, где разумный человек также исключен из политической жизни, как и во всем мире.

Первоначально, после утраты взаимосвязи с духом мировой истории, который можно было наблюдать в момент угасания агрессивного заряда большевистских орд на территории разгромленного русского государства, мир человека погружается в полный мрак. То, что примитивное человеческое существо находится в эмоциональной эйфории от наступившего культа «свободы», спустя некоторое время оказывается лишь вседозволенностью матриархальных инстинктов, то есть, фактически, ничем не контролируемого вождения животной человеческой души, полностью безразличной к старым моральным нормам. Человек массы — это низшее человеческое существо, которое высвобождается в момент исчезновения всех внутренних рациональных процессов мировой цивилизации и распространения многообразных мифов о мире. То, что в этом мутном потоке событий Темных Веков псевдоцивилизации выстраивается внутренняя иерархия: богатых и бедных людей, технологически более развитых стран и менее технологически развитых стран, стран с развитой «демократией» и «неразвитой демократией» — все это лишь мусор системы мифов, которая тщательно затушевывает вопрос: а для чего все это существует с точки зрения объективного разума? Ведь разум, в первую очередь, указывает на какую-то разумную стратегию развития мировой цивилизации, по крайней мере, на век вперед, что отсутствует в современных иррациональных процессах псевдоцивилизации.

Причины, в силу которых после нашествия разного рода орд возникает военизированная социальная система, которую можно было видеть, например, в сталинском режиме власти, следует искать в единственно возможном проявлении импульса воли в варварской среде как агрессивная защита территории своего проживания. Так и случилось после 1991 года с территорией СССР, которая в тот момент подверглась нашествию перестроечной орды, хотя следует заметить, что западноевропейская цивилизация тогда уже в большей степени являлась псевдоцивилизацией. Конечно, лозунгами этой орды, как и большевистской, была «демократизация общества», однако отсутствие в этой среде разумных людей, как и после 17-го года было слишком очевидным. Пограбить, конечно,

этим варварам удалось хорошо, присвоив себе собственность, которую создавали десятки миллионов честных людей, но что-то принципиально нового, кроме как подражания советской системе, им так и не удалось придумать. После очередной эйфории тотального грабежа и деления собственности, как и после 17-го года возникла необходимость камуфляжа государственного устройства, которое и появилось в мутном потоке мифологических представлений об исторической реальности в энергичной идеологической машине СМИ. Но проблема состоит в том, что государство — это разум, а попытка имитации разума рано или поздно заканчивается разрушением того имитационного проекта, который лишь ограниченное время в истории может действовать на основе примитивных мифологических представлений. Так произошло с проектом существования советской власти, поскольку государственное устройство не может строиться на основе примитивной идеологии низших ценностей, и, по-видимому, это же ожидает будущее современной российской государственности, если к власти к ней не придут разумные люди.

Размышляя над моментом возникновения системы лигарилистических союзов, мы должны понимать, что, с точки зрения рациональных коммуникаций, они возникают практически полностью в «пустыне». Здесь нет даже тех жалких осколков рациональных коммуникаций, которые хоть как-то упорядочивают жизнь человека по инерции в современной системе западноевропейской псевдоцивилизации. Можно сказать, что в российской реальности мифологизация жизни тотальна и абсолютна, если ее оценивать с позиции объективного исторического разума. Поэтому закладка разумной базы существования человека может происходить здесь только в лигарилистическом союзе, куда не проникает безумие массовой культуры. Ведь именно массовая культура, начиная с 17-го года, полностью ликвидировала русское национальное самосознание, дав власть и собственность на территории разгромленного Российского государства неразумной природе человека.

Мы должны в определенной степени опираться на опыт существования СССР, поскольку до нас разумный человек, существовавший на обломках Российской империи,

все-таки интуитивно «нащупал» план дальнейших исторических действий, пытаясь создать систему лигаристических союзов. Ведь так действовали все народы, разгромленные внутренними или внешними ордами, то есть начинали конструировать новую модель мировой цивилизации практически на «пепелище». Другое дело, что интуиция — это не разум, а лишь смутная попытка найти решение исторической задачи за пределами возможного понимания законов развития мировой истории. Мы же утверждаем, что на каком-то самом элементарном уровне эти законы понимаем с позиции объективного исторического разума. Тот же, кто обладает взаимосвязью с духом мировой истории, обладает и высшим правом — судить происходящее с позиции исторического разума. А высшее право — судить происходящее, определяет будущее истории мировой цивилизации.

Россия обречена быть в ближайшие десятилетия на положении осажденной крепости, поскольку она обладает самой большой территорией в мире, а плотность ее населения достаточно мала по сравнению, например, с соседним Китаем. Самое мрачное в ситуации Темных Веков в российском историческом пространстве — это демографическая катастрофа, которая является одним из признаков этой исторической эпохи. Эту катастрофическую убыль населения, в частности, можно было наблюдать и в Темные Века в Западной Европе, когда варварские орды германцев распространились на территории бывшей Римской империи, уничтожив все рациональные коммуникации. Что толку, что строились христианские храмы на территории Западной Европы, если душа варваров, с одной стороны, потеряла взаимосвязь со старым миром, а с другой стороны, с новым миром обладала только очень поверхностной связью. Подобная историческая ситуация имеет место на территории бывшего социалистического лагеря, где наследники духа большевистской орды пекутся о будущем России и других народов, входящих в бывший социалистический лагерь, выдавая за национальные интересы лишь многообразные мифы интересов коррумпированной политической власти. Одновременно, мы за-

мечаем, что вырождается и население на территориях, где еще столетие назад существовала цивилизация, то есть в западноевропейском мире, поскольку многообразие ценностей массовой культуры не может заменить сурового чувства долга перед историческим прошлым и историческим будущим. Причины этой расовой катастрофы следует искать в пропасти между цивилизацией и псевдоцивилизацией. Массовые же коммуникации — это тотальная пустота, вакуум, нигилизм, который был сформулирован уже у Ницше в его позиции субъективного разума. Как утверждал Ницше: «пустыня растет», то есть метафизическое поле существования разумного человека сжимается до нуля, оставляя после себя полную пустоту. Эта пустыня — массовая культура, где хаос мифологических представлений о реальности возвращает нас в очередные мрачные события Темных Веков.

Особенности массовой, то есть неразумной системы коммуникаций, выражаются в том, что в ней технократический принцип коммуникаций стремится полностью ликвидировать живые эмоции человека, поскольку последние не могут контролироваться со стороны социальных структур псевдоцивилизации. Единственное, что здесь допускается в качестве «эмоций» — это раскованность животных влечений как источник «эмоциональной» составляющей массового человека в качестве биологического существа. Подобную почти полную вседозволенность животных влечений можно наблюдать в развлекательных клубах, где молодежь приучается быть годными для существования в массовых социальных структурах в качестве неразумных биологических существ. Фактически же, речь идет о планомерной политике ликвидации возможности проявления в человеке каких-то признаков разума, то есть возможности существования между людьми рациональных коммуникаций.

Исторически, можно заметить, что «огонь», зажженный в модели коммуникаций лигарилистического союза, является внутренним «топливом» существования цивилизации, поскольку, когда он гаснет, то цивилизация деградирует в состояние псевдоцивилизации. При этом все старые атрибуты цивилизации не только сохраняются, но и тщательно развиваются, однако цивилизации в этот

исторический момент уже не существует, поскольку она присутствует только в поле производимых высших ценностей, а не имитации разума там, где его уже нет. Понятно также, что такие понятия как «честь» и «долг» могут присутствовать только в среде, где есть реальность метафизического мира, а он, в свою очередь, является следствием преобладания высших ценностей — над низшими ценностями. Но обрыв одной фрактальной цепи исторических событий не предполагает «конец» истории, как это пытались представить поверхностные умы в XX веке. Обрыв одной из фрактальных исторических цепей предполагает, во-первых, возникновение принципиально новой цепи, а во-вторых, тотальное изменение метафизической картины всего фрактального мира, который кажется в определенный момент истории полностью понятным.

Отвечая на вопрос: «Где, мы существуем в исторический момент нашего времени?», мы должны понимать, что мы в самом начале исторического пути принципиально новой модели мировой цивилизации, которую еще предстоит создать из руин окружающей нас старой цивилизации. Тончайшая нить, связывающая сознание человека с метафизическим миром — время, еще должно стать освежающим потоком, который смоеет это гнилье низшего человеческого существа, присвоившего право в наше время говорить от имени мировой цивилизации. Но для этого должны сформироваться лигаристические союзы, в которых должны присутствовать их необходимые элементы: священная коллективная собственность, высшее понятие долга, чувство патриотизма не в качестве дешевого массового шоу, а как суровая взаимосвязь с духом предков. Пока же мы видим полупервобытные «пляски»-шоу, где все полноценное и разумное подменено примитивной системой мифов массового общества, то есть имитацией разумного образа жизни человека в тотально иррациональной среде. По крайней мере, мы не обнаруживаем здесь разумной стратегии развития мировой цивилизации, которая определяется производством высших ценностей жизни, то есть ценностей превышавших человеческую жизнь. Мифы же — это лишь игры абстрактного рассудка, то есть игра воображения, которая не касается суровости метафизической границы мира, где высшая память человека постоянно возвращает его

к сознанию выполнения своего долга перед метафизическим началом мира. Впрочем, на самом зачаточном, то есть, можно сказать, «нулевом» уровне это имеет место во внутренней взаимосвязи массовых коммуникаций на основании механического течения времени. Однако механический подход к пониманию времени в наше историческое время фрактально подобен восприятию единого бога в языческом мире. Так, мы имеем инстинктивную подсознательную попытку человека возвратиться к спасительному теплу традиции, тогда как суровый закон метафизики воли к власти требует пронзительного холода присутствия новой метафизической границы.

Одной из принципиальных ценностей лигаристического союза является культ мужского начала, который обусловлен необходимостью вытеснения матриархальной психологии из повседневной жизни человека в системе ценностей псевдоцивилизации. Так, одним из важнейших признаков перехода структуры цивилизации — к системе функционирования псевдоцивилизации является разрушение патриархальной психологии человека и установление инстинктов матриархата. Так мы видим, что в мифологии низших ценностей массового общества, где культ свободы является определяющим, необходимость действия разумной воли человека практически исчезла. Ее стали выполнять технологические структуры, которые, подчиняя повседневную жизнь человека своим механическим ритмам, не предполагают, что у человека есть разум. Ведь разум требует эмоциональных ритмов души, связанных с активностью воли к власти, то есть с субъективным разумом человека, тогда как технический механизм в качестве коммуникации есть структура исключительно материальная. В результате, механический образ жизни человека в массовом обществе демонстрирует нечто неразумное, но вполне бессмысленно функционально мобильное как своего рода заводная детская игрушка.

Содержание

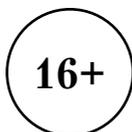
Школа рациональной мысли	3
Часть первая. Граница метафизического мира	7
Часть вторая. Архитектоника разумного мира	65
Часть третья. Элементы теории существования лигаристического союза	109

Научно-популярное издание

Г. Веков

ФИЛОСОФИЯ ЛИГАРИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Выпускающий редактор *И. Аверьянова*
Компьютерная верстка *Т. Мосолова*

*Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ 29.12.2010 г.)*

Подписано в печать 08.10.2019
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 6,7
Гарнитура «Petersburg».

Адрес электронной почты: *info@delibri.ru*
Сайт в Интернете: *www.letmeprint.me*

ООО «Де`Либри»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30